

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
В Я Т С К О Г О Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Г О
У Н И В Е Р С И Т Е Т А**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 3

Киров
2017

Главный редактор

В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ

Заместители главного редактора

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор ВятГУ;

С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ;

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент ВятГУ (г. Киров);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Научный журнал «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.) переименован в научный журнал «Вестник Вятского государственного университета» (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Л. А. Кислицына**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающей **А. Н. Петрова**

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Корнев Г. П., Волков Ю. К.</i> Истина и вера в контексте интенциональности.....	5
<i>Корнышева И. Р.</i> Основные аспекты философско-эстетического осмысления управления.....	11
<i>Голубничий Р. В.</i> Социально-философское осмысление формирования ценностно-правовых ориентаций в процессе правовой социализации личности.....	16
<i>Хомякова Е. П.</i> Творческая элита как субъект переходной эпохи.....	21

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Лыцова А. С.</i> Реформа Кабинета и Сената 1741 г.: к истории государственной деятельности А. И. Остермана и Б. Х. Миниха.....	25
<i>Плате Алисе</i> О правовом статусе сельских заседателей в сословных судах Пермского наместничества (1780–1790-е гг.).....	32
<i>Зинченко А. С.</i> Формирование революционного мировоззрения В. Ф. Костюрина.....	39
<i>Шилова Р. Р.</i> Благотворительная деятельность женщин Уфимской губернии в годы Первой мировой войны.....	45

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Динер Е. В.</i> Электронная книга как форма книжной коммуникации.....	50
<i>Попова Л. Г., Воробьева О. Ю.</i> Первичная концептуализация воды в английских, немецких и русских текстах героического эпоса.....	54
<i>Переверзева Н. А.</i> Особенности деперсонификации в немецкой обиходно-разговорной речи.....	59
<i>Кожедуб Н. В.</i> Коммуникативно-прагматические особенности разделительных вопросов в перекрестном допросе.....	62
<i>Ситдикова Ф. Б., Сафина Д. Р., Мельникова О. К.</i> Имплицитное отрицание и способы его передачи в высказываниях диалога (на материале татарского языка).....	66
<i>Ибрагимов В. Ф.</i> Лексикографический аспект русских и украинских фамилий тюркского происхождения.....	71
<i>Зинцова Ю. Н., Орлова О. А.</i> Принцип системности как структурно-семантическое свойство текста и лексико-семантической группы.....	75
<i>Фэн Мин</i> К проблеме описания семантики предлога ПО: пространственные отношения.....	79
<i>Клековкин Д. А.</i> Традиции Ф. М. Достоевского в рассказе А. С. Грина «Повесть, оконченная благодаря пуле».....	84
<i>Сатина Д. Д.</i> Репрезентация художественного концепта <i>gambling</i> в цикле рассказов Р. Л. Стивенсона «Клуб самоубийц».....	90
Сведения об авторах	98
Information About Authors	100

CONTENTS

- Kornev G. P., Volkov Y. K.* Truth and faith in the context of intentionality
- Kornysheva I. R.* The main aspects of philosophicalaesthetic management comprehension
- Golubnichy R. V.* Sociophilosophical understanding of the formation of values and legal attitudes in the process of legal socialization of the personality
- Khomyakova E. P.* Creative elite as the subject of the transitional era
- Lystcova A. S.* Reform of the Cabinet and the Senate in 1741: to the history of state policy of A. I. Osterman and B. Kh. Minich
- Plate Alice* On the legal status of rural representatives at peasant courts in the Perm vicegerency 1780–1790ies
- Zinchenko A. S.* Formation of revolutionary outlook of V.F. Kosturin
- Shilova R. R.* Charitable activities of women of the Ufa province during the First world war
- Diener E. V.* Ebook as a form of communication book
- Popova L. G., Vorobyova O. Y.* Initial conceptualization of water in English, German and Russian heroic epic
- Pereverzeva N. A.* Depersonifikation peculiarities in German colloquial and conversational speech
- Kozhedub N. V.* Communicative and pragmatic peculiarities of tagquestions in crossexamination
- Sitdikova F. B., Safina D. R., Mel'nikova O. K.* Implicit negation and the ways of expressing it in the dialogue utterances (on the Tatar fiction material)
- Ibragimova V. F.* Lexicographic aspect of russian and ukrainian surnames of turkic origin
- Zintsova J. N., Orlova O. A.* Consistency Principle As a StructuralSemantic Characteristic of a Text and a LexicoSemantic Group
- Feng Ming* To the problem of description of the semantics of the preposition PO: spatial relations
- Klekovkin D. A. F.* Dostoevsky's traditions in the story "The story finished due to the byullet"
- Satina D. D.* The representation of the literary concept *gambling* in the series of short stories by R. L. Stevenson "The Suicide Club"

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 165.6/.8

Г. П. Корнев, Ю. К. Волков

Истина и вера в контексте интенциональности

В статье преодолевается представление об истине как деперсонифицированной, независимой от субъекта идее. Утверждается, что антиномия «безличности» всеобщего, общезначимого и уникального, личностного, присутствующая в интенциональном переживании субъекта, разрешается посредством веры. Истина есть то, о чём можно мыслить и в соответствии с чем можно действовать, только уверовав в это. Подвергаются сомнению крайние позиции в толковании веры: интеллектуалистская, идущая от Декарта и Канта к критическому рационализму Поппера, и экзистенциалистская Кьеркегора, Гуссерля, Хайдеггера, Ясперса. Отмечается, что сила веры заключается в её личностном притязании на истинность, в то время как её слабость – в отсутствии достоверной обоснованности. Делается вывод о зависимости переживания истинности знаний в вере от принципов и идеалов, которыми руководствуется индивид в процессе познания и самопознания.

The article is overcome by the concept of truth as impersonal idea independent of the subject. It is argued that the antinomy of “impersonality” universal, universally valid and unique, personality which present in intentional experience of the subject is resolves through the faith. The truth is something you can think about in line with what you can act only as to believe in it. Questioned the extreme position in the interpretation of faith: intellectualism coming from Descartes and Kant to critical rationalism of Popper and the existentialist Kierkegaard, Husserl, Heidegger, Jaspers. It is noted that the power of faith lies in its personal claim to the truth while its weakness is the lack of reliable validity. The conclusion is based on the experience of the truth of knowledge in the faith from the principles and ideals that guide the individual in the process of learning and self-discovery.

Ключевые слова: истина, интенциональность, вера, мнение, убеждение, Полони, Поппер, Кант, Кьеркегор, Хайдеггер, Ясперс.

Keywords: verity, intentionality, belief, opinion, conviction, Poloni, Popper, Kant, Kierkegaard, Heidegger, Jaspers.

Проблема истины в гносеологии ограничена рамками определения истинности знаний и поиска методов их достижения, обоснования, проверки и претворения в жизнь. Не менее актуальным для философии является вопрос об истине в контексте интеллектуально-интенционального переживания личностью принадлежащих ей знаний на предмет их истинности и обоснованности. Отсутствие у субъекта личностных переживаний в отношении знаний подрывает доверие к их истинности, а саму проблему истины обесценивает. Равнодушие римского прокуратора Понтия Пилата к ответу на заданный им же вопрос «Что есть истина?» во время суда над Иисусом Христом не случайно. Отсутствие веры у Пилата – язычника и логика, приверженца римской Академии-скептиков, отрицавшей возможность постижения истины в любом её виде, – лишает смысла вопрос о сущности истины. К тому же прокуратор как высшее должностное лицо наверняка помнил слова великого Гая Юлия Цезаря, произнесенные им в Римском Сенате, о том, что весь мир подвластен только одной истине – истине Рима. Для тех, кто не согласен, у Рима есть право меча! Именно поэтому прокуратор не удосужился дожидаться ответа, а Иисус не стал отвечать человеку, лишённому веры в истину, ибо не сомневался, что об истине можно мыслить, будучи в ней уверованным. В позиции, занятой Пилатом, несмотря на несправедный, как он полагал, приговор судей Синедриона, верх взяла вера в римский закон, санкционирующий «права меча» (смерть) тому, кто «объявил» себя Царем Иудейским.

По-разному называют внутреннее состояние субъекта, выражающее личностное интеллектуально-интенциональное отношение к истинным знаниям. Так, Майкл Полани, представитель посткритической философии и поборник личностного знания, говорит об убеждении субъекта и допускает разные степени убежденности, а также и то, что со временем убеждения меняются [1]. Напротив, Карл Поппер, критикуя сторонников прагматизма, категорически выступает против введения веры в качестве эффективного критерия обоснованности истинных знаний и считает,

что некоторая теория вполне может быть истинной, даже если временно отсутствуют причины для её признания в качестве таковой, и в неё никто не верит [2]. Ясно, что истинность теории зависит не от веры в неё субъекта, и в этом Поппер прав. Однако не следует отвергать личной эмоциональной привязанности субъекта к той теории, основателем которой он явился. Субъект не может не верить в то, что его «детище» истинно, даже если оно пока и не получило общественного признания или достоверного обоснования.

Вопрос сейчас не о том, кто прав и в какой мере – Поппер или Полани. Речь идет об использовании понятий, которые бы адекватно обозначали эмоционально-оценочное отношение человека к истине вообще и интенциональное переживание познающего субъекта к принадлежащим ему истинным знаниям.

В философии и психологии для обозначения интенционального состояния твердости, непоколебимости субъекта относительно истинности знаний чаще всего используются такие понятия, как вера и убеждение. Именно они относятся к разряду интеллектуально-эмоциональных образований, выполняющих в духовной деятельности человека мировоззренческую, познавательную, аксиологическую, коммуникационную, побудительно-ориентационную функции. Конкретизация содержания этих понятий проводится в сторону либо их психологизации, либо их гносеологизации.

Действительно, специфика убеждения и веры как особых явлений, отличных и вместе с тем имеющих самое прямое отношение к знаниям, не может быть понята, если отбросить психологический и социологический подходы к ним и ограничиться чисто гносеологической их характеристикой. В этом контексте вера и убеждение представляют собой разновидности в большей или меньшей мере интеллектуальных и эмоциональных переживаний, устремлений, которые характеризуют внутреннее личностное интенциональное отношение познающего субъекта к принадлежащим ему знаниям.

Вера и убеждение выступают в качестве своеобразных прескриптивных установок: они выражают отношение субъекта к некоторому знанию в аспекте степени принятия его истинности (ложности). Благодаря им субъект ориентируется в обширнейшем потоке научной и обыденной информации. Именно вера и убеждение делают для субъекта бесспорной истинность одной информации, побуждая к её усвоению, и открывают ложность другой, ориентируя на соответствующее к ней отношение. При этом субъект, как социальное существо, сопоставляет свою личностную позицию с принятой обществом (коллективом, группой) системой ценностей.

Вера и убеждение как социально-психологические феномены включены в структуру истинностной оценки знаний, однако никоим образом её не подменяют. В этом отношении сразу же обнаруживается существенное различие между верой и убеждением, с одной стороны, и истинностью – с другой. Истинность знания указывает на соответствие его содержания объекту, характеризует его с гносеологической позиции, в то время как вера и убеждение наделяют сознание субъекта таким интеллектуально-эмоциональным «зарядом», при котором позиция истинности становится твердой, непоколебимой. В вере и убеждении преобладает личностная и социальная привязанность субъекта к истинному знанию: субъект не просто принимает истинное знание как внешнее, навязанное ему кем-то, он утверждает признание истинности, исходящее из велений его совести, нравственности, ответственности, которые возложил сам на себя.

Гносеологизация веры и убеждения ведёт по существу к их отождествлению с истинностью, что, на наш взгляд, недопустимо. Вначале веру и убеждение рассматривают как разновидности знаний об объектах, хотя при этом нередко оговариваются, что знание есть всего лишь один их компонент, тесно связанный с другим компонентом – эмоциональной оценкой. Затем вольно или невольно переключаются на вопрос об истинности веры и убеждения, предполагая, что постановка его вполне правомерна. Подобное случается и в прагматизме, и в экзистенциализме, и в нашей отечественной философии [3].

На наш взгляд, нельзя напрямую из веры и убеждения выводить истинность или ложность знаний. Истинность – свойство знаний, связанное с объектом. Разумеется, если вера и убеждение становятся объектами наших размышлений о них, как, в частности, происходит в данный момент, тогда допустимо их оценивание на предмет истинности. В данном случае мы имеем дело с познавательной, но не с эмоционально-оцениваемой ситуацией.

Вера и убеждение – изначально социально-психологические характеристики, используемые субъектом для выражения своего личностного интеллектуально-интенционального состояния в отношении к истинности знаний. В познавательной деятельности объектом веры и убеждения выступают в первую очередь знания со стороны их истинностного значения. Вне познавательной деятельности – практической, религиозной, нравственной, политической и тому подобное – объектом веры и убеждений могут быть не только знания, но и вещи, явления, процессы, действия.

Обратим внимание и на то, что в онтологическом аспекте исследования допустимо приложение предиката «истинный» к тем верованиям и убеждениям, воплощённым в социальной практике, которые соответствуют истинным знаниям о них. Здесь мы разделяем позиции Гегеля, распространяющего свойство быть истинными на вещи, явления и процессы реальности, соответствующие нашим представлением о них. В «Энциклопедии философских наук» Гегель предельно ясно выражает свой взгляд: «Истина же в более глубоком смысле состоит... в том, что объективность тождественна с понятием. Об этом-то наиболее глубоком смысле истины идёт речь, когда говорят об истинном государстве или об истинном произведении искусства. Эти предметы истинны, когда они суть то, чем они должны быть, т. е. когда их реальность соответствует их понятию» [4]. В связи с этим вполне уместно говорить об истинной вере человека, в том числе и религиозной, соответствующей сложившимся в определенном обществе представлениям об истинной религии.

Нередко понятие веры определяется в контексте его религиозного содержания. Подобная позиция привела к тому, что в сознании многих людей слово «верующий» идентифицируется с понятием «религиозный человек». На самом же деле религиозная вера есть лишь одна из разновидностей «веры вообще», её частный случай. Вера как психологическое состояние присуща всем людям, каждому из нас, кто верит во что-нибудь и в кого-нибудь. Она, как и сомнение, мысль, воображение является неотъемлемым признаком принадлежности индивида к роду человеческому. Верить – значит быть человеком. Различие между верующими людьми заключается только в том, во что они верят – в Бога и иные сверхъестественные силы или в способности, нравственные качества человека, его силу и могущество, в справедливость и законность, любовь и верность, в истину и истинные знания и тому подобное – и в какой степени это верование захватывает состояние их души.

Вера есть всеобщее достояние всех людей, включая и атеистов. Не надо искать в признании присутствия веры у каждого человека какой-то идеологический подтекст, якобы растворяющий религиозную веру в вере вообще, употребляемой в широком смысле слова, и уничтожающий тем самым грань между атеистическим и религиозным мировоззрением. Никто не оспаривает в пределах разумного различие между ними. Вместе с тем следует согласиться с психологами, что вера – эмоционально-оценочное состояние не только религиозного человека, но и каждого из нас, кто верит во что-нибудь. В этом, безусловно, мы все верующие.

Что входит в веру? Мы полагаем, что объектом веры является все то, на что направлено верование субъекта. В него входят как реальные объекты, так и знания о них. Содержание же веры представляет собой эмоционально-оценочное состояние сознания субъекта, фиксирующего позитивный факт существования объекта и (или) истинность (ложность) представлений, знаний о нем. Исходя из этого главным признаком религиозного сознания, как известно, является вера в сверхъестественное. Специфика объекта религиозной веры как чего-то сверхъестественного, не включённого в общую цепь причинных и естественных закономерностей, т. е. «трансцендентного», находящегося «по ту сторону» чувственно постигаемого мира, накладывает свой отпечаток и на место религиозной веры в системе личностного и общественного сознания. К объекту религиозной веры неприменимы обычные критерии верификации и фальсификации, логической и эмпирической проверяемости. Божественную сущность можно постичь лишь с помощью веры, а не знания, каким бы оно ни было – эмпирическим или рациональным [5]. Хотя сама вера, как религиозная, так и нерелигиозная, может быть объектом исследования и в науке, и в философии, и в теологии, и во всяком другом познании.

Когда речь идет о нерелигиозной вере, то её объектом будет не всякая вещь, не всякое явление и далеко не всякое знание. Бессмысленно верить в то, что существует или существовало в реальности и что воспринимает или воспринимал человек при помощи органов чувств. Вряд ли кто скажет: «Я верю, что цветы стрелиции существуют». В том случае, когда человек видел стрелиции, он обычно говорит: «Я знаю, что цветы стрелиции существуют». Когда же человеку не приходилось собственными глазами видеть существование какого-либо предмета, но его видели другие люди, он, как правило, говорит: «Я верю людям, утверждающим, что данный объект существует». Объектом веры в этой ситуации является не сам реальный предмет, а утверждение, знание людей о его существовании.

Верят обычно в явления и процессы, которые относятся к ожидаемому будущему. Вера представляет собой психологический акт, акт эмоционального переживания, направленный на утверждение (или отрицание) прогнозируемого события. Этим событием может быть, к примеру, соединение в брачном союзе любящих сердец, создание какого-либо предмета или научное открытие. К подобного рода событиям можно отнести обоснование истинности какой-либо гипотезы, концепции. Когда ученый высказывает мысль о том, что он верит в истинность своей гипотезы,

зы, то им подразумевается, что она рано или поздно станет общепризнанной благодаря окончательному научному обоснованию и превращению в теорию. Следовательно, верят в истинность тех знаний, которые ещё не получили достаточное обоснование в виде теорий или эмпирических фактов. Объектом гносеологической веры чаще всего выступает гипотетическое знание, обоснование истинности которого дело будущего.

В истории философии одним из первых мыслителей, кто рассматривал веру в качестве особой оценки признания истинности высказываний (суждений), теорий, был И. Кант. Подобно Р. Декарту, Дж. Локку, Дж. Беркли, Д. Юму и другим «философам веры», как их называл Поппер, Кант занимался исследованием субъективной веры, её основами и происхождением, связью со знанием и истиной. Признание истинности суждений, согласно взглядам Канта, имеет три ступени: мнение, вера и знание. «В критике чистого разума» он проводил следующее различие между этими ступенями: «*Мнение* есть сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны. Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным, то оно называется *верой*. Наконец, и субъективно и объективно достаточное признание истинности суждения есть *знание*» [6].

Действительно, сила веры заключается в её субъективной уверенности, в то время как её слабость – в отношении достоверной обоснованности. Степень заключённого в вере переживания истинности зависит не столько от частичной или достоверной обоснованности знаний, что характерно для мнения и убеждения, сколько от личностных принципов и идеалов, нравственных установок, которыми руководствуется индивид в познании и воплощении знаний в практике. В отличие от веры, мнение всегда обладает некоторой обоснованностью, правда, недостаточной для того, чтобы считать истинность знания убедительной. Поэтому во мнении присутствует лишь частичная субъективная уверенность; со стороны субъекта допускается правдоподобность знания, но не его достоверность. С возрастанием правдоподобности изменяется в положительную сторону и субъективная уверенность сознания субъекта: мнение превращается в убеждение.

Следует обратить внимание на то, что Кант рассматривает знание только в аспекте убеждения, обладающего достоверной обоснованностью и субъективной уверенностью (верой). Действительно, убеждение как социально-психологическое признание истинности обладает данными характеристиками. Однако вряд ли знания целесообразно противопоставлять вере и мнению. Признание истинности (в том числе в оценках веры и мнения) получает суждение (высказывание) как элементарная единица всех знаний. Субъект верит в истинность высказываний, концепций, гипотез. Он высказывает свое мнение о знаниях, которые получили частичную обоснованность. Знание, таким образом, может выступать объектом всякого субъективного признания. Акт признания осуществляет субъект. Признание исходит от субъекта. Мнение, вера и убеждение, собственно, и есть не только последовательные ступени движения к достоверному знанию, но и различные интеллектуально-интенциональные оценки субъектом состояния степени истинности знаний.

Если знание получило частичное обоснование как правдоподобное, то психологическая уверенность субъекта, конечно же, недостаточна, чтобы заявить об убежденности в истинности этих знаний. Но у субъекта отсутствует и убежденность в ложности этих знаний. Поэтому он высказывает всего лишь правдоподобное мнение об истинности знаний. Мнение, как полагает Б. А. Ерунов, включает в себе рефлексии лишь некоторой степени признания истинности высказывания как со стороны объективной обоснованности, так и со стороны субъективной уверенности [7].

Напротив, вера основывается на полном интеллектуально-эмоциональном признании истинности высказывания. Однако в вере, а в этом Кант прав, отсутствует достоверное обоснование, которое лишь «прогнозируется» субъектом как дело будущего. Получается, что субъект вроде бы не сомневается в истинности; он фактически «убежден» в ней. Но заявить о своей убежденности субъект не может вследствие отсутствия объективного обоснования. Ему приходится лишь верить в то, что данное обоснование непременно произойдет. Вера побуждает субъекта к действию, направленному на достоверное обоснование истинности знаний.

Убеждение субъекта распространяется не на всякое знание. Убеждение как интеллектуально-интенциональная оценка направлено на такое знание, которое, во-первых, получило достоверное обоснование и в истинность которого, во-вторых, субъект верит. Вера – неотъемлемый компонент убеждения. Если субъект убежден в истинности знаний, то он одновременно в них верит. В сознании убежденного человека присутствует полная субъективная уверенность в истинности знаний.

Однако присутствие веры в убеждении не означает их абсолютной тождественности. Сходство обнаруживается лишь в той части веры и убеждения, которая составляет достаточное осно-

вание для признания истинности знания с субъективной стороны. Вера этим ограничивается. Убеждение же наряду с субъективно достаточным признанием истинности, т. е. верой, включает в себя объективно достаточное признание, вытекающее из логического доказательства и эмпирической обоснованности. Убежденность в истинности знаний появляется у субъекта тогда, когда он дал ей исчерпывающее достоверное обоснование.

Бесспорно, между верой в истинность знаний и самой истинностью этих знаний имеется связь, но не коррелятивная. Вера, будучи психологической установкой к действию, может способствовать поиску объективных оснований истинности знаний при условии, если человек не удовлетворен одной субъективной уверенностью и воля подталкивает его к познавательному действию, направленному на обоснование, проверку их истинности. Вера в истинность означает не что иное, как возможность достоверного обоснования соответствия между содержанием знания и объектом. Если подобная возможность воплотилась в действительность, то вера превращается в убеждение.

Разумеется, в соответствии с этой позицией, мы верим в такие знания, возможность достоверного обоснования которых вселяет в нас субъективную уверенность. Верить в истинность доказанного, эмпирически проверенного знания бессмысленно, ибо истинность его составляет действительное положение дел. Поэтому верим мы в возможность истинности знаний, но не в её действительность. Естественно, истинным чаще всего будет оказываться то, во что нам лучше верить. Если же в нас отсутствует субъективная уверенность в знании, то вряд ли мы приступим к обоснованию его истинности.

В вопросах истины и веры особенно критически в отношении рационализма настроен экзистенциализм. Истина, по мнению многих представителей экзистенциализма, является не гносеологической и не психологической категорией, а категорией нравственно-социального порядка. С понятием истины они связывают процесс ориентации личности в меняющихся социально-исторических ситуациях и осознания себя в качестве носителя общественных связей. Хотя носителем истины в «философии существования» выступает личность, подлинной сферой бытийности истины объявляются не знания, теории, наука, как это характерно для рационалистической традиции, а её иррациональное (экзистенциальное) состояние, обусловленное разнообразием конкретных социальных ситуаций, взаимопониманием и коммуникационной близостью между ней и другими людьми. На этих же принципах основывается в экзистенциализме и понимание веры.

Для «философии существования» характерно противопоставление истины разума экзистенциальной истине. Последняя рассматривается в качестве единственно существующей истины для каждого индивида. Субъективность, интенциональность как внутреннее устремление и переживание по поводу обладания знаниями и есть истина. Причем она, как заявляет С. Кьеркегор, у каждого своя; истина исключительно для меня [8]. Отсюда такие качества истины, как парадоксальность, иррациональность, неподвластность рациональному мышлению. По существу, происходит превращение истины в верование, сведение объективной достоверности к субъективной вере. Экзистенциальной истине чуждо доказательство; критерий её истинности обнаруживается в вере. Индивидуализация истины приводит датского философа к отрицанию её универсальности, общезначимости, однозначности. Его не смущает тот факт, что такая позиция фактически размывает всякие границы между истинностью и ложью [9].

М. Хайдеггер, вслед за Кьеркегором и Э. Гуссерлем, выводит сознание и познание не из деятельности, конструирующей предметный мир для человека, как это полагал, например, Кант и другие рационалисты, а из «чистого» созерцания феноменов индивидуального сознания. Поэтому и истина для личности присутствует в её феноменальном сознании исключительно «здесь» и «сейчас». У неё нет прошлого и будущего; она свободна от пространственно-временной предметности. Константой экзистенциальной истины является вера.

Из различия явления и феномена Хайдеггер выводит различие научной и философской истин. Научное мышление, идущее от явления к скрытой за ним сущности, понимает истину как соответствие мысли объекту. Размышления субъекта над явлением дают возможность проникнуть в скрытую в нём сущность. Это входит в задачу науки. Философское мышление не ставит своей целью проникновения в нечто, стоящее позади явления. Объектом и целью философского исследования является феноменальный мир индивида, его человеческое бытие как экзистенция («личный мир», «личное пространство», «личное время»). Познание феноменального мира личности по сути своей – непосредственное, интуитивное, иррациональное, в то время как познание нечто скрытого за явлением опосредованное, дискурсивное. Поэтому и истина представляет собой результат чистого созерцания феноменов трансцендентального сознания [10]. Не случайно Хайдеггер выводит свое понимание истины из значения слова “*aletheia*”, выражающего нечто открытое («несокрытое»), напрямую данное человеку [11]. Истина преодолевает «сокрытость» благодаря значительному напряжению сознания в виде таких его проявлений, как «страдание», «пе-

реживание», «вчувствование», «забота», «страх» и т. п. Истина возникает только в эмоционально напряженном, экзистенциальном сознании верующего в неё индивида [12].

Различие научной и экзистенциальной истин К. Ясперс, как и Хайдеггер, обнаруживает в вере. Экзистенциальная истина неразрывно связана с верой. За великую Истину взмолился Иисус на Голгофу; он не мог и помыслить отречься от Отца Своего и Его Учения. Понтию Пилату, не верующему в истину и превозносящему по долгу службы римский закон, невдомёк, почему нельзя отречься от веры, как только она стала опасной для жизни.

Действительно, истина, которой человек живёт, существует в нём лишь благодаря тому, что он становится тождественным ей, даже несмотря на то что в своем явлении индивиду она может быть исторична и общезначима (к примеру, религия, мораль, право и т. п.), но не безусловна по отношению к личностным переживаниям, поскольку питательной основой для неё является вера. Научная же истина, обоснованная человеком, существует без него; она обретает предметность, становится общезначимой, существует вне «личного времени и пространства». В ней отсутствует безусловность, так как она соотносена с предпосылками и методами познания внешнего мира [13].

Антиномию «безличности» всеобщего, общезначимого и уникальности глубоко личного, экзистенциального в истине и вере Ясперс пытается разрешить на основе коммуникации. Общение индивида, связь с себе подобными составляет универсальное условие его собственного бытия. Вне коммуникации не может быть и свободы личности. Своеобразие свободы личности заключается в том, что она не имеет всеобщего характера и носит характер глубоко личный. В этом смысле свобода личности представляет собой исключительно её собственную необходимость. Но в то же время подлинная экзистенциальная свобода предполагает соединение уникальности с универсальностью, которая достигается в коммуникации, в общении «Я» с другими людьми. Поэтому свобода личности и обнаруживается лишь тогда, когда свободен также и другой. Изолированное или изолирующее самобытие остается лишь возможностью или исчезает в ничто. «Истина есть то, что нас соединяет, и – в коммуникации заключены истоки истины», – пишет Ясперс [14].

Интенциональный контекст проблемы истины можно найти во взглядах многих других выдающихся философов XX столетия, в частности Н. Бердяева, Ж.-П. Сартра, Л. Шестова и др. Все они, как и Кьеркегор, Хайдеггер и Ясперс, сущность истины пытаются вывести из иррациональных стремлений личности, связанных либо с религиозной, либо нерелигиозной верой. Для них всех характерно противопоставление экзистенциальной истины истине разума и в лучшем случае включение последней в качестве элемента первой.

Вряд ли в наш информационный век стоит недооценивать значимость научной истины для отдельной личности, будь то учёный или простой ученик. Недостаточно убедительно также положение о том, что только экзистенциальная истина обладает сугубо личностным характером, в то время как научная и религиозная истины лишены этого качества вследствие своей интерсубъективной предметности. Любая истина, в том числе основанная на разуме и вере, содержит в себе субъективные интенции, ибо она служит не абстрактному человеку, а общественному индивиду, личности.

Примечания

1. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. С. 312.
2. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избр. работы / пер. с англ. М.: Прогресс, 1983. С. 340–341.
3. Щербак Г. В. Убеждение в его отношении к знанию и вере. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1984. С. 9.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 401.
5. Угринович Д. М. Психология религии. М.: Политиздат, 1986. С. 121–123.
6. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: в 8 т. Т. 3. / под общ. ред. А. В. Гулыги. Юбил. изд. 1794–1994. М.: ЧОРО, 1994. С. 599–600.
7. Ерунов Б. А. Мнение в человеческом познании. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. С. 12–13.
8. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. М.: Республика, 1993. С. 28.
9. Там же. С. 107.
10. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 370–371.
11. Там же. С. 351–353.
12. Там же. С. 354.
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 421–422.
14. Там же. С. 442.

Notes

1. Polani M. Lichnostnoe znanie: Na puti k postkriticheskoj filosofii [Personal knowledge: towards a post-critical philosophy] / translated from English. M. Progress. 1985. P. 312.
2. Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbr. raboty [Logika and growth of scientific knowledge. Fav. works] / translated from English. M. Progress. 1983. Pp. 340-341.
3. Shcherbakova G.V. Ubezhdenie v ego otnoshenii k znaniyu i vere [Belief in its relation to knowledge and faith]. Tomsk. Publishing house of the Tomsk State University. 1984. P. 9.

4. Gegel' G.V.F. Ehnciklopediya filosofskih nauk [Encyclopedia of philosophical sciences: in 3 vol. Vol. 1]. M. Mysl'. 1975. P. 401.
5. Ugrinovich D.M. Psihologiya religii [Psychology of religion]. M. Politizdat. 1986. Pp. 121–123.
6. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of pure mind] // Sochineniya - Works: in 8 vols vol. 3. under the general editorship of A. V. Gulyga. Proceedings of anniv. ed. 1794-1994. M. CHORO. 1994. Pp. 599–600.
7. Erunov B. A. Mnenie v chelovecheskom poznanii [Opinion in human cognition]. L. Publishing house of Leningrad University. 1973. Pp. 12–13.
8. K'erkegor S. Strah i trepet [Fear and trembling] / transl. from Dutch. M. Respublika. 1993. P. 28.
9. Ibid. P. 107.
10. Hajdegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya [Time and being: Articles and speeches] / transl. from Germ. M. Respublika. 1993. Pp. 370–371.
11. Ibid. Pp. 351–353.
12. Ibid. P. 354.
13. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii [Sense and goal of history] / transl. from Germ. M. Politizdat. 1991. Pp. 421–422.
14. Ibid. P. 442.

УДК 130.2+101.1

И. Р. Корнышева

Основные аспекты философско-эстетического осмысления управления

В представленной статье феномен управления рассматривается с точки зрения философско-эстетических аспектов. Прочтение стратегии развития как творчества в системе управления позволяет выявить эстетические аспекты организационной культуры как инновационного типа видения корпоративной культуры организации, ориентированной на решение управленческих задач. Разработка стратегии управления анализируется как новое эстетико-аксиологическое явление, включающее в себя рационально-философский анализ сути управления, его философское постижение и творческую рефлексию.

Таким образом, эстетика управления рассматривается не только с точки зрения чувственно-философского анализа феномена управления, но и как философская рефлексия методологии и стратегии «искусства управления», интегративный принцип видения целеполагающих коммуникаций между людьми, эмпирического анализа и интенции феномена управления; метод, имеющий задачу выявления сущности общих принципов управления и эстетических категорий управления.

The given article studies the phenomenon of management from the viewpoint of philosophical and aesthetic aspects. The development strategy-as-creativity interpretation in the system of management allows revealing aesthetic aspects of corporate culture as innovative vision and collaborative culture focused on solving management problems. Management strategy development is considered as a new aesthetic-axiological phenomenon involving rational-philosophical analysis of management essence, its philosophical comprehension and creative reflection.

Thus, management aesthetics is considered not only from the point of view of sensory-philosophical analysis of management phenomenon, but also as a philosophical reflection on methodology and strategy of “management art”, the integrative principle of purposive vision of communication, empirical analysis and intention of management phenomenon; a method having the task of identifying the essence of general management principles and aesthetic management categories.

Ключевые слова: эстетика, философия управления, стратегия, творчество, аксиология.

Keywords: aesthetics, management philosophy, strategy, creativity, axiology.

Осмысление управления с точки зрения философско-эстетических аспектов представляет собой актуальное видение стратегии управления в аксиологическом контексте.

Актуальность исследования обусловлена тем, что возрождение российского социума как гражданского общества и правового государства поставило в ряд основных задач задачу формирования качественной и во многом новой системы управления. Без философско-теоретического осмысления того, чем является и что представляет собой управление в целом, а также выявление предметной области эстетики управления как целостного общественного явления, невозможно понять принципы современного организационного управления, специфику критериев, по которым необходимо готовить новое поколение компетентных менеджеров организационного управления, руководителей и экспертов институционально-государственного и муниципального уровней управления.

Задачи исследования состоят в том, чтобы научно-философской рефлексией охватить основные грани феноменологии управления как новой управленческой парадигмы, раскрыть эстетические аспекты управления, посредством анализа социокультурной динамики философско-эстетических взглядов на систему управления, ориентированной на мировую и отечественную практику. Кроме того, важным концептом выступает реализация задач моделирования процесса управления в контексте «философии развития». Возможность прочтения стратегии как творчества в системе управления позволяет выявить эстетические аспекты организационной культуры как инновационного типа видения корпоративной культуры организации, ориентированной на решение управленческих задач.

Проблема эстетики управления представляет собой новый взгляд на систему философского знания. В качестве общих смысловых акцентов для философии и эстетики управления является то, что и эстетика, и управление не только формируют научное знание, но и являются искусством. Разработка стратегии управления – это область принципиально нового эстетико-аксиологического аспекта управления. Она включает в себя рационально-философский анализ сути управления, его философское постижение и творческую рефлексию. Эстетические уровни трансцендентного, художественно-эмоционального и интуитивного выводят понимание и ощущение управления на уровень рациональной рефлексии.

В качестве отличительных черт можно отметить то, что эстетика более широкое понятие, чем эстетика управления. Эстетика управления является неотъемлемой частью организационной культуры, анализируемой как компонент философии культуры, в то время как само управление – это социально-культурный способ координации в организации и, в целом, способ регулирования социальных взаимодействий, сформированный людьми в процессе эволюции.

Внимание эстетики к управлению обуславливается тем, что традиционные философские и методологические проблемы становятся актуальны в контексте организационно-управленческого понимания: выявления предмета и пределов управленческих решений, сущности и понятия управления, типологии и понимания различных направлений концептуализации управления, предпочтения и внедрения наиболее результативных стратегий исследования управления.

Как и любой вид деятельности, управление представляет собой эмоциональную палитру разнообразных чувств. Управление – это, с одной стороны, рациональный способ воздействия на объект, где в качестве объекта может быть и организация, и люди, с другой – способ, предполагающий, проектирующий результат совместных действий людей также рациональным образом. Управление всегда связано с объективной реальностью, и философский подход к управлению объясняет тот факт, что управление – это и наука, и искусство. Искусство менеджмента требует отхода от стереотипов, творчества, духовных усилий, которые отличны от тех творческих поисков, которые присущи художественному творчеству.

Итак, эстетика управления – это не только чувственно-философский анализ феномена управления, но и философская рефлексия методологии и стратегии «искусства управления». В этом смысле эстетика управления – это интегративный принцип видения целеполагающих коммуникаций между людьми; эмпирический анализ и интенции феномена управления, метод, имеющий задачу выявления сущности общих принципов управления и прикладной характер эстетических категорий управления.

Система управления не мыслится вне человеческих переживаний и эмоций, чувственно-образный способ восприятия действительности является неотъемлемой частью любой деятельности, в том числе управленческой. Общественное сознание, отражающее общественное бытие, включает в себя ряд общефилософских принципов об отражении действительности вне и независимо от самого сознания. Эстетическое сознание отражает многогранную деятельность людей, окружающий мир, а также результаты человеческой деятельности, представленные в формах и оцениваемые в суждениях и образах. Характерная черта эстетического сознания выражена в том, что объективная реальность, воздействуя на человека, его эмоциональный мир, оценивается им индивидуально, с позиций общепризнанных законов красоты, исторически детерминированных идеалам олицетворения прекрасного в реальной жизни. Таким образом, эстетическое сознание обуславливает и включает в себя художественное сознание, которое объективирует в себе как процесс создания, так и процесс восприятия процесса управления. Оно имеет основу в психофизической и социальной природе человека. Если психика на неосознаваемом уровне предполагает определённый характер субъективных чувственных предпочтений, которые ведут к эстетическому наслаждению и перерастают в соответствующую потребность, то социальный уровень специализирует и то и другое, способствует их осознанности и социальной определённости.

Эстетический подход к управлению объясняет тот факт, что управление – это наука и искусство одновременно и в то же время искусство и наука последовательного воздействия на ре-

альность. Действительность выступает как объективный физический мир, и мир субъективных ощущений, а также мир тех субъективных отображений, которые объективировались в социальном мире, стали частью объективной реальности. В нашем случае, то есть в проявлениях управления, это, прежде всего, отношения имеющих свои цели людей с их эмоциональными, психическими, эстетическими, интеллектуальными переживаниями, в конечном итоге – реальными поступками людей, их действиями и всей системой поведения.

Эстетические категории являются формами, организующими принципы эстетического опыта управления и управленческого мышления. Категориальный аппарат эстетики применим к системе управления в части эмоционального, интуитивно-чувственного, духовного воздействия руководителя на людей и организации в контексте чувственно-образного, совместного духовного взаимодействия команды (группы людей, коллектива).

Общие понятия и представления о системе управления позволяют нам выделить эстетическое видение феномена управления. Эти понятия являются специфическими и ориентированы на понимание феномена искусства, однако искусство управления также может быть выражено в контексте эстетического видения.

Устойчивая конфигурация и взаимосвязь основных понятий эстетики, при которой трансформация одних элементов влечет за собой изменение других, выступает как своеобразный эстетический стереотип восприятия системы управления. Характерные для искусства и эстетики понятия *художественный стиль, эстетическое видение, символ, художественная объективность, побуждение, подражание (мимесис), симулякр, содержание и форма, эклектическое, деконструкция* и другие категории актуальны в управлении и в его познании.

Следует отметить, что подражание и побуждение, или художественный стиль и художественная объективность, актуализированы в форме обсуждения общих принципов управления, формулировка которых предполагает применение данных категорий. При анализе языка управления рассматриваются такие категории, как симулякр и художественный символ. Заметим, что указанные категории и конкретный промежуток времени, внешняя и внутренняя среда организации и принципы управления носят описательно-оценочный и двойственный характер. С одной стороны, они описывают и систематизируют предшествующий опыт управления, с другой – диктуют новую стратегию или новое видение управления.

Эстетические категории опираются на общую систему философских категорий, анализ истории которых восходит к античности. В трактате «Категории» Аристотель один из первых дал характеристику и выделил категории, которые, по его мнению, лежат в основе человеческого мышления: субстанция, место, время, количество, качество, состояние, действие, положение и страдание. До Нового времени в истории философской мысли обозначенная теория обсуждалась и претерпела несущественные изменения. Также Аристотель определил фундаментальные категории эстетики, такие как подражание (мимесис), талант и другие. Подражание Аристотель интерпретировал, детализируя и классифицируя каждую подражательную форму [1]. Резюмируя, Аристотель подчеркивает: «...и вообще всякое хорошее подражание, если даже объект подражания сам по себе не представляет ничего приятного: в этом случае мы испытываем удовольствие не от самого объекта подражания, а от мысли (умозаключения), что это (то есть подражание) равняется тому (то есть объекту подражания), так что тут мы имеем познание. Приятны также внезапные перемены, приятно и с трудом спастись от опасностей, – это приятно потому, что все подобное возбуждает удивление» [2].

Представитель немецкой классической философии Иммануил Кант трактовал категории как «априорные неизменные формы мышления» [3], которые упорядочивают опыт, и дифференцировал их следующим образом:

Дифференциация категорий по И. Канту

Качество	Реальность
	Отрицание
	Ограничение
Количество	Единство
	Множество
	Цельность
Отношение	Субстанция и свойство
	Причина и действие
	Взаимодействие
Модальность	Возможность и невозможность
	Действительность и недействительность
	Необходимость и случайность

В качестве эстетических категорий Кант выделил эстетический вкус и эстетическое удовольствие, чистую красоту, возвышенное, творческую спонтанность, гениальность и другие [4]. В рамках эстетического видения управления любая из перечисленных категорий не может быть представлена как вымышленная, как это можно видеть в художественной сфере, а является следствием концепции философии развития, касающейся реальности конкретного объекта, которому имманентна любая категория. Рационалистическая философия под воздействием развития науки вводит в число категорий такие понятия, как вероятность, рациональность, обыденное, абсурд, объяснение, понимание и другие. В управленческой мысли перечисленные категории актуализированы и применимы. Но говорить о том, что существует некий законченный список категориального аппарата, нельзя, и применять понятие «система категорий» было бы ошибочно. Конкретная эпоха, культура в целом формируют категорию в том контексте, который присущ данному этапу, формирует необходимые условия эстетического видения мира, конкретной области управления. С изменением внешних факторов меняется функция категории для внутренней среды, своего рода экспликация нового мышления.

В своей работе «О войне» Карл Клаузевиц подчеркивал: «Цель науки... лишь знание; цель искусства – умение» [5]. Управленческое искусство автор называет «талантом ясного восприятия». «...Необходимое для деятельности на высоком посту знание... характеризуется тем, что оно может быть приобретено процессом рассмотрения, – поясняет Клаузевиц, – то есть лишь с помощью своеобразного таланта изучения и размышления; этот талант... умеет каким-то духовным инстинктом извлекать из-под внешних оболочек жизни их сущность... прямо из жизни» [6]. Другой яркий представитель управленческой школы Л. Якокка пишет в своей автобиографической книге «Карьера менеджера» об искусстве торговли, которое, по его мнению, требует времени и усилий, «необходимо снова и снова практиковаться в этом искусстве, пока оно не станет вашей второй натурой» [7]. Искусство управления – это видение, интуиция, ощущение достоинств и слабых сторон компании. Оно не похоже на понимание искусства в том виде, в котором мы привыкли воспринимать слово «искусство» – как номену. Искусство в управлении – это понимание и знание не только сущности самого управления, его характеристик и функций, но и философии развития, научно-практических законов и разработки оптимальных стратегий. Уход от стереотипов, стандартов требует значительно большего творчества и духовного усилия, чем шаблон управленческой стратегий.

Как философско-аксиологический компонент управления важным аспектом выступает интуиция – «это способность постижения истины путем прямого ее усмотрения без обоснования, прибегающему к логическому доказательству», – замечают ряд авторов [8]. Интуиция как быстрое «улавливание истины» [9], свойственное подлинному руководителю, сегодня достаточно редкий дар. По теории отечественного психолога Б. М. Теплова, «понятие интуиции часто окружается ореолом некоей мистической таинственности» [10]. Интуиция является определенно новым процессом, уточняет Б. М. Теплов, в корне разнящимся от процессов развернутого логического мышления, выделяющимся не только скоростью его протекания. Как логическое явление интуиция воспринимается как быстро сделанный расчет. Однако она представляет собой новое качество, умение и способность.

Нередко интуицию истолковывают как бессознательное и произвольное проявление творческой мысли. Но в том-то и дело, что весь процесс постижения обстоятельства и принятия решения в управлении невозможно назвать бессознательным. Бессознательность интуиции, как было отмечено выше, выражается в том, что зачастую руководитель не осознает тех шагов, которые помогли прийти ему к результату. Четкая рефлексия не зафиксирована в случае интуитивного решения, так как она (интуиция) выступает в форме сжатого умозаключения.

Любой практик-управленец отметит, что ему нужны не идеи, пусть даже самые креативные, а те идеи, которые несут в себе решение возникшей проблемы и конкретные действия, направленные на данное решение. Для принятия интуитивного решения в управлении важную роль играет «временное воображение» [11], т. е. возможность представить себе событие, попытаться по отдельным признакам отразить в воображении ритмику событий. В данном понимании интуиция выступает как минутное понимание ситуации и поиск верного решения. Однако это не может быть мгновенным фактом, подготовка и заблаговременное логически последовательное понимание ситуации в организации есть так называемая подготовка интуиции.

В современном управлении складывается ситуация, когда даже кризис не может заставить данную систему перейти в более активный режим. Важно не ожидание конца кризиса, а готовность к модернизации производства и инициированию развития реальной экономики. Управ-

ленческая интуиция и есть тот импульс, который требует научных и практических поисков. Например, в узком смысле конкуренция в нашей стране существует не на глобальном экономическом пространстве, а в области отношений неких властных структур и группировок. Анализируя новую действительность, философ осмысливает суть явления, которое его интересует. Прежде всего, следует предать критике способы изучения управления. Конституирование сущности управления – это и сравнительный анализ концепций управления с позиций подходов к системе управления и способов мышления. Историко-культурный анализ управления – с другой стороны, и, наконец, выстраивание собственной эстетической концепции управления. Как отмечает Р. Салман, владение и управление интуицией как стратегией создания будущего, – «лучший способ угадать будущее, самим его изобрести» [12].

Салман утверждает, что при правильной конкуренции одерживают победу те компании и корпорации, которые, переступив через стереотипы и ценности постиндустриальной цивилизации, формируют альтернативное будущее. Включают не только экономические требования, но и факторы внешней среды в виде этических идеалов модификации сознания, опираются на новые требования профессионального стандарта. Автор пишет: «Компания... обладает реальной возможностью производить структурные изменения» [13], это возможность соответствовать происходящим социальным и технологическим изменениям. Таким образом, можно говорить о слиянии науки и искусства управления, в последнем интуиция выступает как необходимость извлечения из сознания нужного решения. Философия управления – это не только рационально-философский анализ сущности управления, но и категориальное понимание, эстетическая рефлексия того, что лежит в основе понятия «искусство управления».

Примечания

1. *Аристотель*. Риторика / пер. Н. Платонова. М.: Директ-Медиа, 2002.
2. Там же. С. 99.
3. *Философия: Энциклопедический словарь* / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
4. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. Н. О. Лосский. М.: Директ-Медиа, 2002.
5. *Клаузевиц К.* О войне: в 8 ч. / пер. с нем. А. К. Рачинский. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. Ч. 1–4. С. 149.
6. Там же. С. 146.
7. *Якокка Л.* Карьера менеджера / пер. с англ. С. Э. Борич. Минск: Попурри, 2014. С. 35.
8. *Алексеев П. В., Панин А. В.* Философия: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби: Изд-во Проспект, 2003. С. 323.
9. *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 72.
10. *Теплов Б. М.* Ум полководца. М.: Педагогика, 1990. С. 156.
11. Там же. С. 170.
12. *Салман Р.* Будущее менеджмента. М.; СПб., 2004. С. 244.
13. Там же. С. 140.

Notes

1. *Aristotel. Ritorika [Oratory]* / tr. by N. Platonov. M. Direct-media, 2002.
2. *Ibid.* P. 99.
3. *Filosofija: Enciklopedicheski slovar' [Philosophy: Encyclopedic dictionary]* / ed. by A.A. Ivin. M. Gardariki. 2004.
4. *Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of pure reason]* / tr. by N. O. Losskij. M. Direct-media. 2002.
5. *Klauzevits K. O vojne: v 8 ch. [About war: in 8 parts]* / tr. from German by A.K. Rachinskij. M. Berlin. Direct-media. 2016. Parts 1–4. P. 149.
6. *Ibid.* P. 146.
7. *Jakokka L. Kar'era menedzhera [Manager's career]* / tr. from English by S.E. Borich. Minsk. Popurri. 2014. P. 35.
8. *Alekseev P.V., Panin A.V. Filosofija: Uchebnik [Philosophy: textbook]. 3rd ed., rev. and comp. M. TK Velbi Prospect Publ. 2003. P. 323.*
9. *Klauzevits K. Op. cit. P. 72.*
10. *Teplov B.M. Um polkovodca [Commander's wit]. M. Pedagogika. 1990. P. 156.*
11. *Ibid.* P. 170.
12. *Salman R. Budushhee menedzhmenta [Future of management]. M.; Spb. 2004. P. 244.*
13. *Ibid.* P. 140.

Социально-философское осмысление формирования ценностно-правовых ориентаций в процессе правовой социализации личности

Статья посвящена одной из актуальных проблем социальной философии – влиянию правовой социализации личности на формирование ценностно-правовых ориентаций. На основе исследования существующих доктринальных подходов сделан вывод о том, что правовая социализация как часть процесса общей социализации личности состоит в переводе внешней обязательности позитивного (объективного) права в его внутреннюю обязательность, основой которой выступают положительные ценностно-правовые ориентации. В контексте правовой социализации личности определены основные пути формирования ценностно-правовых ориентаций, факторы, способствующие данному процессу. Обосновано, что осознание личностью ценности регулятивных свойств и качеств позитивного (объективного) права влияет на выбор ею правомерной модели поведения, выработку уважения к правовому закону, на совершение юридически значимых действий, их оценку.

The article is devoted to one of actual problems of social philosophy – the influence of legal socialization of a personality on the formation of values and legal orientations. Based on the study of existing doctrinal approaches concluded that legal socialization, as part of a process of General socialization, is an external obligation of a positive (objective) law in its domestic commitment, the basis of which are positive values-and-legal orientation. In the context of legal socialization of the personality identified the main ways of formation of values and legal orientations, factors that contribute to this process. It is proved that understanding the personality values of the regulatory properties and qualities positive (objective) law affects the choice of her lawful behaviors, developing respect for the rule of law, for the performance of legally significant actions, evaluating them.

Ключевые слова: позитивное (объективное) право, правовая социализация, ценностно-правовые ориентации, личность, правосознание, правовая активность, правовая культура, правовое воспитание, правовые ценности.

Keywords: positive (objective) law, legal socialization, value-legal orientation, personality, awareness, legal activity, legal culture, legal education, legal values.

Правовая социализация как часть процесса общей социализации личности занимает ведущее место в процессе освоения ею правовых норм, ценностей и установок. Российская социально-философская доктрина (В. Е. Кемеров [1]) рассматривает правовую социализацию как включение личности в систему социальных отношений на основе её саморазвития. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров исходят из того, что данная категория должна анализироваться в аспекте совершенствования правовых механизмов и эффективности системы правового воспитания личности [2]. Такой же позиции придерживаются В. С. Нерсисянц и В. В. Лапаева [3]. «Правовая социализация – это процесс передачи и последующего усвоения личностью существующих в обществе правовых норм, ролей, образцов поведения... всей иерархической системы правовых ценностей», – подчёркивает О. А. Попандопуло [4]. По мнению В. М. Сырых, она представляет собой «процессы включения индивида в систему правоотношений конкретного общества на основе усвоения всей правовой культуры данного общества, деятельностного освоения правовой действительности, поэтапного формирования правового сознания индивида» [5]. А. Н. Бабенко определяет анализируемую категорию как «специфический процесс усвоения индивидом правовых норм и ценностей, правовой культуры окружающей социальной среды, вхождение его в эту среду, т. е. как процесс правового становления личности посредством правового воспитания, изменения и развития ее предметно-практической деятельности» [6].

Мы разделяем точку зрения о том, что правовая социализация состоит в переводе внешней обязательности позитивного (объективного) права в его внутреннюю обязательность, основой которой выступают положительные ценностно-правовые ориентации.

Формирование ценностно-правовых ориентаций происходит двумя путями: а) путём самостоятельного предметно-рационального восприятия – позитивное (объективное) право воспринимается как «социальное благо, социальная ценность» [7], выражающаяся в его необходимости, полезности; б) путём внешнего заимствования и интернационализации – превращение внешних

по отношению к личности требований позитивного (объективного) права в его собственную жизненную позицию, правовую установку, в привычку действовать в соответствии с заданной правовой моделью.

Необходимо учесть, что осознание личностью ценности регулятивных свойств и качеств позитивного (объективного) права влияет на выбор ею правомерной модели поведения, выработку уважения к правовому закону, который выражает идею справедливости и свободы, выступая средством социального компромисса (согласия). Г. Гегель обращал внимание на то обстоятельство, что «лишь в государстве, в котором развилось сознание о законах, совершаются обдуманные действия, сопровождаемые ясным сознанием о них, которое развивает способность и потребность сохранять их в таком виде» [8]. В современной философской литературе также указывается, что «если усвоенное право становится свойством... личности, то соблюдение правил поведения правового характера обеспечивается... добровольно, без вмешательства... государства» [9]. Вместе с тем необходимо учесть, что каждый индивид имеет своё представление об идеалах добра и зла, справедливости и несправедливости.

Формирование ценностно-правовых ориентаций в контексте правовой социализации определяется влиянием факторов как стихийного [10], так и целенаправленного [11] характера. При этом стихийные факторы направлены на достижение необходимого уровня правовых знаний, привитие правовой убеждённости, закрепление мотивов и привычек правомерного поведения. В основе же сознательно организованной передачи социально-правового опыта индивида лежит приобщение его к правовой культуре как совокупности норм, ценностей, выработанных и накопленных человечеством в правовой сфере. Следует подчеркнуть, что между правовой культурой и правовой социализацией существует диалектическое единство и взаимообусловленность. Правовая культура способствует не только развитию правосознания личности, но и усвоению ею своей позитивной социально-правовой роли как субъекта общественных отношений, своего социально-правового статуса, а также выработке навыков и привычек правового поведения, направленных на осмысление определённых юридических ситуаций, ценностного отношения к правовой действительности. Ещё К. Мангейм отмечал, что правовые установки закрепляются в правовом бессознательном [12].

В процессе правовой социализации личности развиваются и ценностно-смысловые представления как «показатель осмысленности» [13], как отражение уровня социального развития человека, а также основанные на них потребности (в частности, в справедливости, добре, уважении, правде, правовой защите государства) и интересы, которые оказывают влияние не только на её социально-правовую активность, но и формирование правовых убеждений, обусловленных формированием позитивной мотивации. Социально-правовая активность индивида выступает условием, обеспечивающим формирование его правосознания. По мнению В. И. Гоймана, свойствами правовой активности являются: 1) чувство ответственности – осознанное отношение личности к своим правам и обязанностям, понимание и оценка своих действий, их правовых последствий; 2) чувство солидарности с правом: отношение к правовым нормам, основанное на согласии с ними, с их требованиями; 3) чувство справедливости; 4) чувство законности; 5) чувство правового (гражданского, общественно-правового, профессионального) долга, указывающее на характер понимания личностью значения правовых средств, степень готовности использования их в практической деятельности для удовлетворения собственных правовых интересов или интересов других лиц; 6) чувство уважения к праву, закону – интегральное свойство правовой структуры личности, определяющее наиболее высокий, развитый тип правовой позиции, основанный на принятии правовых норм в качестве собственной (личностной) ценности, на доверительном, уважительном к ним отношении и обуславливающий выбор поведения исключительно по мотивам принципиального согласия с законом [14].

Следовательно, в ценностно-правовых ориентациях заложено отношение к позитивному (объективному) праву, «которое зависит от оценки личностью прав, свобод, обязанностей, предполагающей сопоставление правовых норм с собственными потребностями, интересами, мотивами, целью и правовой установкой» [15].

Анализируя аксиологическое содержание правосознания личности, следует учесть, что сначала в интеллектуальной сфере правосознания формируются правовые идеи (смыслы), на становление которых влияет господствующая модель правопонимания в обществе, правовой менталитет и правовая культура. После этого правовые идеи становятся основой правовых ценностей как представлений человека об идеальных моделях поведения (представления о равенстве, свободе, справедливости, законности, правопорядке и других социально-позитивных правовых явлениях), которые выступают элементом индивидуального правосознания. Следует согласиться с В. П. Тугариновым в том, что «ценности – это то, ради чего люди живут, что они

ценят». [16]. Эти представления усваиваются личностью в процессе правовой социализации, формируют ценностно-правовые ориентации. Как отмечает В. А. Щегорцов, «ценностный аспект правосознания представляет собой оценки, даваемые гражданами различным элементам правовой системы общества. В правовых ценностях отражаются оценки законодательства, степени эффективности функционирования правоохранительных органов, их работы по пресечению совершаемых правонарушений, своего собственного правового поведения и поведения других индивидов» [17].

На иерархию правовых ценностей, формирующихся в правосознании отдельной личности, определяющее влияние оказывают противоречие между необходимостью становления активной позиции человека по отношению к социально-политическим, экономическим процессам в обществе и недостаточной правовой подготовленностью. В то же время, как указывает Н. А. Бабенко, «механизмы перестройки общественного сознания достаточно инертны, что обуславливает задержку восприятия новых правовых ценностей» [18]. Кроме того, когнитивные компоненты правосознания связаны с эмоциональным восприятием правовых явлений личностью.

В формировании системы ценностно-правовых ориентаций в контексте правовой социализации личности определяющая роль принадлежит правовому воспитанию, при этом «важно передать накопленные знания о нормах права. В обществе должно сформироваться соответствующее отношение к праву и практике его реализации... необходимы осознанное усвоение основных... положений законодательства, выработка чувства уважения к праву» [19].

В современной социально-философской доктрине правовое воспитание рассматривается в двух аспектах:

а) как «один из основных процессов формирования правового сознания человека и правовой культуры общества, который включает в себя воздействие политической и социально-экономической сфер жизни, а также системы действующего законодательства» [20];

б) как «один из видов общественной деятельности, которая выражается в целенаправленной и организованной работе государственных органов и общественных организаций, направленной на формирование правовой культуры и воспитания законопослушных граждан» [21].

Следовательно, правовое воспитание необходимо рассматривать как процесс формирования системы знаний, убеждений и мотивов правомерного поведения, как перевод внешних правовых ценностей во внутренние.

Ведущим компонентом правовой социализации личности, в рамках которой формируются ее ценностно-правовые ориентации, выступает правовое образование. Выступая формой правового воспитания, оно способствует не только прямой передаче, накоплению и усвоению правовых знаний, но и практической реализации правовых предписаний. Не случайно Е. А. Певцова указывала, что данный феномен направлен на «развитие общекультурных параметров личности» [22]. В Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом Российской Федерации 28.04.2011 г. № Пр-1168 [23], закреплены такие направления правового просвещения, как правовое образование и воспитание всех членов общества, совершенствование законодательства, охрана правопорядка, обеспечение доступности правовой помощи населению и др. В Европейской социальной хартии, принятой в г. Страсбурге 03.05.1996 г., обращено внимание на необходимость принятия всех мер для обеспечения права каждого человека воспитываться в обстановке, способствующей полному развитию его личности [24]. От эффективности правового просвещения во многом зависит уровень развития личности. Следует учесть, что для усвоения правовых знаний необходимы и собственные усилия, т. е. самовоспитание.

Наряду с личностным компонентом на процесс формирования ценностно-правовых ориентаций оказывает влияние и социальная среда [25].

Формирование ценностно-правовых ориентаций личности связано с применением личностно-ориентированной модели правовой социализации, при которой правовые нормы и установки выступают не только в качестве легитимации её собственных поступков, но и социально-правового взаимодействия, координации действий индивидов с целью достижения в обществе социального согласия [26].

Следовательно, значение правовой социализации в формировании ценностно-правовых ориентаций личности состоит в том, что в её рамках осваиваются правовые ценности, закрепляются определённые стандарты поведения в правовой сфере, складываются осознанные позитивные правовые установки индивида, направленные на совершение положительных юридически значимых действий, на оценку правовой нормы, правовой реальности, готовность к самореализации и развитию творческого потенциала.

Примечания

1. Кемеров В. Е. Социальная философия в современном мире // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV. № 3–4. С. 69–76.
2. Zubok Ю. А., Чупров В. И. Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий // Социс. 2006. № 6. С. 37–46.
3. Лапаева В. В. Социология права: краткий учебный курс / под ред. В. С. Нерсисянца. М.: НОРМА-ИНФРА. М., 2006. С. 191–202.
4. Попандопуло О. А. Правовая социализация личности в российском социокультурном пространстве: ценностно-смысловое и функциональное содержание // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. 2013. № 1 (19). С. 152.
5. Сырых В. М. Социология права. М.: Юрид. дом «Юстицинформ», 2001. С. 112.
6. Бабенко А. Н. Правовая социализация как процесс усвоения правовых ценностей // Государство и право. 2005. № 2. С. 104–107.
7. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М.: Статут, 2000. С. 56.
8. Гегель Г. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 81.
9. Гриценко Г. Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 13.
10. Щелкунов М. Д. Диалектика упорядоченности и дезорганизации в процессе социализации личности / М. Д. Щелкунов, Е. М. Николаева // Ученые записки Казанского государственного университета. 2005. Т. 147. Кн. 2. С. 197.
11. Попандопуло О. А. Правовая социализация личности в современном российском обществе: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Владимир, 2015. С. 53; Москаленко В. В. Социализация личности (философский аспект). Киев: Вища шк., 1986. С. 18–19.
12. Мангейм К. Очерки социологии знания: проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 33.
13. Леонтьев Д. А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 1. С. 23.
14. Гойман В. И. Формирование правовой активности личности как составная часть коммунистического воспитания. М.: Высш. шк., 1988. С. 27–28.
15. Есикова Т. В. Формирование правовых ориентаций личности // Ученые записки российского государственного гидрометеорологического университета: науч.-теорет. журн. 2010. № 13. С. 163.
16. Тугаринов В. П. Избранные философские труды. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. С. 269.
17. Щегорцов В. А. Социология правосознания. М.: Мысль, 1981. С. 82.
18. Бабенко А. Н. Правовая социализация как процесс усвоения правовых ценностей // Государство и право. 2005. № 2. С. 106.
19. Кваша А. А. Правовые установки граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 18.
20. Попандопуло О. А. Правовая социализация личности в современном российском обществе: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Владимир, 2015. С. 55.
21. Лаптева Л. Е. Достоинство личности и закон в государстве Российском (спор с неоевразийством) // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 76.
22. Певцова Е. А. Современные подходы юристов к вопросу соотношения дефиниций «правовая культура», «правовое воспитание», «правовое образование» // Основы государства и права. 2002. № 6. С. 67.
23. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утв. Президентом Российской Федерации 28.04.2011. № Пр-1168 // Российская газета. 2011. 14 июля.
24. Европейская социальная хартия: принята в г. Страсбурге 03.05.1996. // Бюллетень международных договоров. 2010. № 4. Апрель.
25. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Наука, 1994. С. 241.
26. Столяренко Д. В. Правовая социализация личности в трансформирующемся российском обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук, Ростов н/Д, 2012. С. 27–28.

Notes

1. Kemerov V. E. Social'naya filosofiya v sovremennom mire [Social philosophy in the modern world] // Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo - Personality. Culture. Society. 2002. Vol. IV. № 3–4. Pp. 69–76.
2. Zubok YU. A., Chuprov V. I. Pravovaya kul'tura molodezhi v rakurse transformacionnyh strategij [Legal culture of youth in the perspective of transformational strategies] // Socis – Sotsis. 2006. No. 6. Pp. 37–46.
3. Lapaeva V. V. Sociologiya prava: kratkij uchebnyj kurs [Sociology of law: a brief course] / ed. by V. S. Nersesyants. M. NORMA-INFRA-. 2006. Pp. 191–202.
4. Popandopulo O. A. Pravovaya socializaciya lichnosti v rossijskom sociokul'turnom prostranstve: cennostno#smyslovoe i funkcional'noe sodержanie [Legal socialization of personality in the Russian socio-cultural space: value-semantic and functional content] // Vestnik Volgogr. gos. un-ta - Herald of Volgograd State University. Ser. 7. Philosophy, 2013, No. 1 (19), p. 152.
5. Syryh V. M. Sociologiya prava [Sociology of law] M. Law House "Yustitsinform". 2001. P. 112.

6. Babenko A. N. Pravovaya socializaciya kak process usvoeniya pravovyh cennostej [Legal socialization as a process of assimilation of legal values] // Gosudarstvo i pravo - State and law. 2005, No. 2, pp. 104–107.
7. Alekseev S. S. Pravo na poroge novogo tysyacheletiya: Nekotorye tendencii mirovogo pravovogo razvitiya – nadezhda i drama sovremennoj ehpoхи [Right at the threshold of the new Millennium: Some trends in global legal development – the hope and drama of the modern era] M. Statute. 2000. P. 56.
8. Gegeľ G. Lekcii po filosofii istorii [Lectures on the philosophy of history]]SPb. Science. 1993. P. 81.
9. Gricenko G. D. Pravo kak sociokul'turnoe yavlenie: sostoyanie problemy i perspektivy razresheniya [Right as a sociocultural phenomenon: status, problems and prospects of permission] Stavropol'. Publishing house of SSU. 2002. P.13.
10. SHChelkunov M. D. Dialektika uporyadochennosti i dezorganizacii v processe socializacii lichnosti [Dialectic of order and disorganization in the process of socialization] / M. D. Shchelkunov, E. M. Nikolaeva // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta - Scientific notes of Kazan state University. 2005, vol. 147, book 2, p. 197.
11. Popandopulo O. A. Pravovaya socializaciya lichnosti v sovremennom rossijskom obshchestve: social'no#filosofskij analiz: dis. ... kand. filos. nauk [Legal socialization of personality in modern Russian society: social-philosophical analysis: diss ... Cand. Philosophy]. Vladimir. 2015. P. 53; Moskalenko V. V. Socializaciya lichnosti (filosofskij aspekt) [Socialization of the personality (philosophical aspect)] Kiev. Vysch. Shk. 1986. Pp. 18–19.
12. Mangejm K. Ocherki sociologii znaniya: problema pokolenij – sostyazatel'nost' – ehkonomicheskie ambicii [Essays on the sociology of knowledge: a generational issue – competitiveness – the economic ambitions] M. In--t of scient. inform. in the soc. Sciences RAS. 2000. P. 33.
13. Leont'ev D. A. Psihologiya svobody: k postanovke problemy samodeterminacii lichnosti [Psychology of freedom: statement of a problem of self-determination of personality] // Psihol. Zhurn.- Psychol. Journal. 2000, vol. 21, No. 1, p. 23.
14. Gojman V. I. Formirovanie pravovoj aktivnosti lichnosti kak sostavnaya chast' kommunisticheskogo vospitaniya [Formation of the legal activity of the individual as an integral part of Communist education] M. Vyssh. shk. 1988. Pp. 27–28.
15. Esikova T. V. Formirovanie pravovyh orientacij lichnosti [Formation of the legal orientations of the person] // Uchenye zapiski rossijskogo gosudarstvennogo gidrometeorologicheskogo universiteta: nauch.-teoret. zhurn. – Scientific notes of Russian State hydrometeorological University. Scientific--theoretical journal. 2010, No. 13, pp. 163.
16. Tugarinov V. P. Izbrannye filosofskie trudy [Selected philosophical works] / V. P. Tugarinov. L. Publishing house of Leningrad University. 1988. P. 269.
17. SHChegorcov V. A. Sociologiya pravosoznaniya [Sociology of justice. Monograph] M. Mysl'. 1981. P. 82.
18. Babenko A. N. Pravovaya socializaciya kak process usvoeniya pravovyh cennostej [Legal socialization as a process of assimilation of legal values] // Gosudarstvo i pravo - State and law. 2005, No. 2, p. 106.
19. Kvasha A. A. Pravovye ustanovki grazhdan: dis. ... kand. yurid. nauk [Legal attitude of citizens: dis. Cand. of legal sciences]. Rostov-na-Donu. 2002. P. 18.
20. Popandopulo O. A. Pravovaya socializaciya lichnosti v sovremennom rossijskom obshchestve: social'no#filosofskij analiz: dis. ... kand. filos. nauk [Legal socialization of personality in modern Russian society: social-philosophical analysis: dis. ... Cand. philosophy]. Vladimir. 2015. P. 55.
21. Lapteva L. E. Dostoinstvo lichnosti i zakon v gosudarstve Rossijskom (spor s neoevrazijsvom) [Human dignity and the law in the Russian state (the dispute with neoeurasizm)] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Public Sciences and modernity. 2007, No. 6, p. 76.
22. Pevcova E. A. Sovremennye podhody yuristov k voprosu sootnosheniya definicij «pravovaya kul'tura», «pravovoe vospitanie», «pravovoe obrazovanie» [Modern approaches of lawyers to the question of correlation of definitions "legal culture", "legal education", "legal education"] // Osnovy gosudarstva i prava - Foundations of state and law. 2002, No. 6, p. 67.
23. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitiya pravovoj gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan: utv. Prezidentom Rossijskoj Federacii 28.04.2011. № Pr#1168 - The foundations of state policy of the Russian Federation in the sphere of development of legal literacy and legal awareness of citizens, approved. The President Of The Russian Federation 28.04.2011. N PR-1168 // Rossijskaya gazeta - The Russian newspaper. 2011. July 14.
24. Evropejskaya social'naya hartiya: prinyata v g. Strasburge 03.05.1996 - European social Charter: was adopted in Strasbourg, 03.05.1996. // Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov – The Bulletin of international treaties. 2010. No. 4. April.
25. Andreeva G. M. Social'naya psihologiya [Social psychology] M. Nauka. 1994. P. 241.
26. Stolyarenko D. V. Pravovaya socializaciya lichnosti v transformiruyushchemsya rossijskom obshchestve: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk [Legal socialization of personality in transforming Russian society: abstr. dis. Cand. philosophy]. Rostov--na--Donu. 2012. Pp. 27–28.

Творческая элита как субъект переходной эпохи

В данной статье автор делает попытку определить место творческой элиты в период изменения социального, экономического, политического положения в России. Сложность определения самого понятия элиты, выявления слоя избранных не дают возможность представить истинную картину общественной жизни нашей страны в период глубоких модернизационных преобразований.

В статье прослеживается тенденция усиления, с одной стороны, роли креативных элит в современной системе образования и в искусстве, с другой – неспособности элиты реализовать свой творческий потенциал из-за бюрократизации системы управления культурой. Выявляется амбивалентность творческих элит в российском обществе, определяются устойчивые процессы духовного развития этих субъектов становящегося информационного общества. В статье выясняются особенности созидательной деятельности творческой элиты с позиций концепта информационного общества. Автор обращает внимание на риски и конфликты вовлечения элиты в пространство информационного общества. Осуществляется анализ динамики ценностных ориентаций творческой элиты в условиях переходного общества.

In this article the author does attempt to define a place of modern creative elite during change of social, economic, political status in Russia. Complexity of definition of the concept of elite, identification of a layer of the elite and scientific don't give the chance to present a true picture of public life of our country during deep modernization transformations.

In the article there is a tendency strengthening, on the one hand, the role of the creative elite in the modern system of education and the arts, on the other hand, the inability of elites to realize their creative potential due to bureaucratisation of culture management system. Reveals duality creative elite in Russian society, defined sustainable processes of spiritual development of the subjects of the information society. The article clarified especially creative activity creative elite from the standpoint of the concept of the information society. The author draws attention to the risks and conflicts of elite involvement in the space of the information society. We analyze the dynamics of the value orientations of the creative elite in a society in transition.

Ключевые слова: переходный период, творческая элита, творческая личность, элита, интеллигенция, модернизация, мораль, нравственность, ценности, культура, творчество.

Keywords: transition period, creative elite, creative person, elite, intellectuals, modernization, morals, values, culture, creation.

Феномен творческой элиты невозможно рассматривать вне пространственно-временных рамок. Только социально-философская трактовка элитарности, связанная с онтологическими основаниями и историческими коррективами, при оценке места и роли элиты в общественных отношениях, может наиболее полно раскрыть суть рассматриваемого явления.

Все дело в том, что понятие элиты всегда было связано с интеллектуальным развитием определенного слоя общества, а именно – с интеллигенцией. В условиях социальной дифференциации выявляется социальный слой людей, способных брать на себя ответственность за культурное и интеллектуальное развитие. При этом следует различать творческую, по сути, интеллектуальную элиту и отличную от неё бюрократическую. Оценка принадлежности к избранности должна иметь ретроспективный характер: только по происшествии определенного периода времени мы можем выявить аксиологический характер деятельности какой-либо группы людей. Ценностный характер творчества является основным при таком роде анализа.

Взгляды творческого человека, его образ жизни и мысли не всегда совпадали с общественными нормами и законами. Данное явление особенно обострялось в эпоху перемен. К актерам и художникам обыватели относились с подозрением, их внутренний психологический мир воспринимался как ненужный с практической точки зрения балласт. Русский актер и режиссер Ю. Соломин говорит: «Почему-то артисты... считаются вроде лодырей... Но мы – единственные, кто играет на таком инструменте, который и определить – где он, какой он? – невозможно» [1].

Нравственная, моральная чистота и честность отличает этическую парадигму творческой элиты. Считается, что правящая политическая элита должна подпитывать себя духовными чертами иных элит, и только в этом случае мы видим интеллектуальные очертания власти, где рождается образ аристократа по духу, в полной мере отвечающего требованиям творческой элиты. Такое слияние – лучший общественный сплав элит, но мало осуществленный в истории идеал.

Н. Бердяев совершенно справедливо считал, что если коэффициент интеллектуальности элиты начинает падать до критического уровня, то это является главным показателем упадка страны, притом не только духовного. Говоря о месте интеллигенции в русской революции начала XX в., он писал: «Большевики пришли к господству в революции уродливо, с уродливым выражением лица, с уродливыми жестами... В революциях всегда есть уродливая сторона. И те, которые хотят особенно быть верными красоте, не могут быть слишком активными в революциях» [2].

Творческая личность, в русской ментальности, всегда представляла собой не столько человека, занятого преобразовательной деятельностью, а сколько индивида высокодуховного, всесторонне интеллектуально развитого, и своими думами, идеями, выходящего далеко за пределы своей национальной культуры. В России поэт всегда был и будет больше, чем поэт. Поэтому, наверное, и в царской России, и в СССР, и в постсоветском пространстве власть имущие всегда с подозрением относились к личностям творческим – писателям, поэтам, актерам, художникам. Их альтернативное мышление, сострадание и сочувствие ко всему живому редко одобрялись и поощрялись властью. По мнению А. В. Висловый, «художник, отчуждаясь от своих национальных императивов, приходит к полному и неизбежному художественному распаду и уже не может сохранять свойственные элитарности нравственные основы общества... базирующиеся на совести, этических идеалах добра и справедливости, в трагической российской истории не раз дававшие силы нации...» [3].

В своей статье с исчерпывающим названием «Дезертирство элит в эпоху катастроф» [4] А. С. Панарин в своих размышлениях о русской национальной элите пришел к неутешительному выводу: в эпоху глобальных перемен происходит небывалая разобщенность верхов и низов социального центра. Постсоветская Россия не смогла выстроить ни нормальной национальной идеи, ни единого национального движения. Причина, как считал А. С. Панарин, заключается в том, что большая российская культурная традиция никогда не была узконационалистической. «И русская литература, и российская политика по-своему работали над вселенскими, общечеловеческими проектами – ни на что меньшее русский тип духовности не мог согласиться» [5]. Особенность русского менталитета заключается в лёгкой восприимчивости других культур, быстром понимании и принятии чужой культуры, открытости для культурного диалога, но с другой стороны, заботясь о решении мировых проблем, элиты зачастую забывают о своих насущных проблемах.

Сегодняшняя элита разнородна, разрозненна и разнонаправленна, не консолидирована, а в стратегическом социоисторическом аспекте позитивно не сориентирована. По мнению Ю. М. Осипова, главная задача нынешней власти состоит «в целеположенном одухотворении существующих, способных позитивно действовать элит, в побуждении их к национальному себя осознанию, в вовлечении элитарных слоев к национальной ответственности» [6].

Как всем известно, развитие культуры зависит от двух уровней: самобытного и общемирового. В наш глобальный век обществу нужна не только национальная элита, которая уже достаточно хорошо справляется со своими задачами, но и мировая творческая элита, которая будет давать ориентир для управления общественными процессами, формировать общественное мнение как на уровне отдельного государства, так и во всём мире.

Мы считаем, что творческая элита каждого государства должна опираться на общечеловеческие ценности, но в то же время национальная элита должна опираться на собственные, заложенные временем традиции, нравы и обычаи. Взаимодействие общечеловеческих и национальных начал в сознании творческой элиты оказывается под воздействием различных социальных и политических факторов.

Прогресс общества во многом определяется уровнем элиты. Наша страна стремится стать развитым демократическим государством, поэтому ей необходима собственная элита, воспитанная на принципах приоритета общемировых ценностей, но в то же время ориентированная на национальные интересы.

По нашему мнению, если современная правящая российская элита в период модернизации не усвоит новые реалии и возможности, которые предлагают творческие и научные элиты, то рассчитывать на благоприятное развитие нашему обществу не стоит. По мнению П. Л. Карабущенко, «вслед за научной элитой должна быть реформирована и сама элита власти. В противном случае произойдет раскол общества и формирование сразу нескольких центров власти» [7]. Если власть будет прислушиваться к советам творческой элиты, то это позволит выработать самые верные, истинно научные и выверенные традициями, пути цивилизационного движения России в современном мире. Властным элитам стоит искать и поддерживать людей со здоровыми, созидательными, направленными на укрепление авторитета, нравственности и независимости страны, идеями. Но власть замкнута в себе, она не стремится искать таланты в России и продвигать их, она не заинтересована в этом. Интерес вызывают только «приближенные» люди, кото-

рых они продвигают в своих корыстных интересах, а также родственники и друзья. Из-за этого творческая элита все больше отдаляется от власти. Она либо существует небольшим сообществом без видимого влияния, либо занимает оппозиционное положение к власти.

Лучше всего место творческой элиты в период нынешних перемен определил Панарин: «Настоящая элита – страж и пестователь духовного начала. Ей дано открыть человечеству такие перспективы, которые в иных измерениях остаются закрытыми» [8]. Творческая элита – это начало государственности, начало всеобщей народной идеи, начало пути к государству с мыслящими людьми, а значит и к развивающейся стране.

Если творческая элита поддается влиянию со стороны политической и экономической элиты, то она перестаёт создавать свой эксклюзивный и индивидуальный продукт деятельности и начинает удовлетворять спрос бездумной толпы и правящих верхов. В результате этого перестаёт быть творческой элитой как таковой, происходит её вырождение, деградация, коммерциализация.

Экономическая элита может сделать так, что нам негде будет жить и нечего будет есть. Политическая элита может ввести цензуру слова и запрет на деятельность, им неугодную. Но есть категория людей, которым абсолютно все равно, где они живут и голодают ли они, и пока у них есть светлая идея в голове, идея изменить общество или мир к лучшему, – они готовы идти наперекор системе, ведя за собой своих верных соратников.

По нашему мнению, для того чтобы современная творческая элита не повторила ошибок прежних представителей творческой элиты и не перестала быть эффективной, она должна выполнять ряд задач. В первую очередь, она должна заниматься самовоспроизводством, т. е. ей необходимо постоянно обновлять свой состав, готовить себе достойную замену. Рекрутинг элиты происходит за счёт приемников, которые разделяют их взгляды и поддерживают их идеи.

На фоне творческой элиты всплывает псевдоэлита, претендующая на истину, пытающаяся монополизировать мораль, поддерживающая деградацию масс. Данная элита несет в себе подмену привычных понятий, наступая на горло своей совести. Правящая элита может осуществлять поддержку данной «элиты» в своих интересах. Псевдоэлита в цене там, где невежество, глупость и необразованность. Творческая же элита популярна среди наиболее образованных, наиболее интеллектуально развитых людей, в то время как мейнстрим пользуется спросом у большинства. Таким образом, творческой элите остаётся бороться с псевдоэлитой только своим творчеством, хорошо делая своё дело. В конечном счете, люди отличат настоящие особые дарования от коммерческой бездарности.

К сожалению, на современном этапе роль творческой элиты скорее разрушительная, чем созидательная. Разрушительная – потому что общество не имеет единой цели. Когда у общества есть единая, хорошо осознаваемая цель, большая часть усилий творческой элиты сосредоточивается на поиске путей для её достижения. Если же цель отсутствует, или, как в наши дни, явно провозглашено, что единой цели у общества не должно быть, и что для нашего общества характерен плюрализм мнений, тогда творческий порыв личности сводится к стремлению максимально отличаться от других, не развивать уже существующие достижения, обогащая их собственным творчеством, а наоборот – максимально компрометировать любые достижения кроме, собственных. Роль творческой интеллигенции как созидательной силы может восстановиться только после того как станет общественно осознанной и оправданной новая цель, требующая напряжения всех творческих сил страны.

Руководствуясь морально-нравственными принципами, творческая элита сможет духовно обновиться и стать ориентиром для всего общества. Ведь представитель творческой элиты, имея только ему данное восприятие, способен живо откликаться на общественные явления, улавливать само умонастроение людей, обладать даром предвидения событий, быть генераторами новых общественных отношений, всегда идти впереди дум и разума своего народа.

Представители творческой элиты берут на себя ответственность за создание необходимых целей для развития общества, за укрепление стабильности в социуме. За свои идеи и результат их воплощения они несут ответственность перед обществом и перед своей совестью.

Примечания

1. *Силантьева И. И., Клименко Ю. Г.* Актер и его alterego / вступ. ст. и ред. И. И. Силантьевой. М.: Грааль, 2000. (Науч.-худож. издание). С. 533.
2. *Бердяев Н. А.* Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Изд-во «АСТ», 2006. (Философия. Психология). С. 36.
3. *Пархоменко Т. А.* Интеллектуальная элита в контексте русской истории XIX–XX вв. / под ред. Т. А. Пархоменко. М.: РОССПЭН, 2012. (Актуальная культурология). С. 314.
4. *Панарин А. С.* Дезертирство элит в эпоху катастроф // Трибуна русской мысли. 2002. № 1. С. 58.
5. *Панарин А. С.* Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // Наш современник. 2001. № 11. С. 128.

6. Осипов Ю. М. Россия – сокровищница идей // Русский мир. 2008. № 6. С. 14.

7. Карабущенко П. Л. Элитология и философия избранности в эпоху нанотехнологий // Современная российская элита: материалы II Элитологических чтений (г. Астрахань, 9–11 апреля 2009 г.) / сост. Б. В. Кайгородов, Е. В. Борисова, С. С. Куличева. Астрахань: Изд. дом «Астрахан. ун-т», 2009. С. 24.

8. Панарин А. С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой... С. 219.

Notes

1. Silanteva I. I., Klimenko Yu. Akter i ego alterego [The actor and his alterego] / introd.art. and ed. I. I. Silanteva. M. Grail. 2000. (Scient.-art ed.) P. 533.

2. Berdyaev N. A. Dukhovnye osnovy russkoy revolyutsii. Istoki i smysl russkogo kommunizma [Spiritual Foundations of the Russian revolution. The origins and meaning of Russian communism.] M. "AST" Publishing House. (Filosofiya. Psihologiya). 2006. P. 36.

3. Parkhomenko T. A. Intellektual'naya elita v kontekste russkoy istorii XIX–XX vv. [The intellectual elite in the context of Russian history of the XIX–XX centuries] / Ed. T. A. Parkhomenko. M. ROSSPEN. 2012. (Current Cultural Studies) P. 314.

4. Panarin A. S. Dezertirstvo elit v epokhu katastrof [The desertion of the elites in the era of catastrophes] // Tribuna Rossijskoj mysli – Tribune of Russian thought. 2002, № 1, p. 58.

5. Panarin A. S. Narod bez elity: mezhdou otchayaniem i nadezhdoj [People without elite: between despair and hope] // Nash sovremennik - Our Contemporary. 2001, № 11, p. 128.

6. Osipov Yu. Rossiya- sokrovishchnitsa idej [Russia is treasure trove of ideas] // Russkij mir – Russian mir. 2008, №6, p. 14.

7. Karabushchenko P.L. Elitologiya i filosofiya izbrannosti v epokhu nanotekhnologiy [Elitology and philosophy of chosenness in nanotechnology era] // Sovremennaya rossijskaya elita: materialy II Elitologicheskikh chteniy - Modern Russian elite: materials of the II Elitology readings (Astrakhan, April 9–11, 2009) / comp. B. V. Kaygorodov, E. V. Borisova, S. S. Kulicheva. Astrakhan. Publishing house "Astrakhan University". 2009. P. 24.

8. Panarin A. S. Narod bez elity: mezhdou otchayaniem i nadezhdoj... [People without elite: between despair and hope...]

Реформа Кабинета и Сената 1741 г.: к истории государственной деятельности А. И. Остермана и Б. Х. Миниха

В период регентства Анны Леопольдовны был выдвинут ряд инициатив по реформированию государственного управления, которые в том числе касались реорганизации высших органов – Кабинета министров и Сената. Однако как период регентства, так и реформы, предпринятые в это время, оказались на периферии исследований отечественных историков: больший интерес вызывал последующий период царствования Елизаветы Петровны. В то же время проведенный анализ источников – пространного мнения А. И. Остермана, адресованного Анне Леопольдовне, указа от 28 января 1741 г. (согласно ему Кабинет министров разделялся на три департамента), а также проекта реформы Сената, предполагавшего его разделение на четыре экспедиции, – позволяет говорить, что реформаторские инициативы этого непродолжительного периода российской политической истории, будучи фактически осознанным развитием камералистских реформ Петра I, имели немалый потенциал для развития государственного управления.

Under the regency of Anna Leopoldovna were taken a number of initiatives devoted to the reforming of public administration, including the reorganization of higher government institution – the Cabinet of Ministers and the Senate. However, both the period of the regency and the reforms made in this period were on the periphery of the studies of Russian historians: the following period of the reign of Elizabeth Petrovna attracted more interest. At the same time, the analysis of sources – the wordy opinion of A. I. Osterman, addressed to Anna Leopoldovna, the decree of January 28, 1741 (according to which the Cabinet was divided into 3 departments), and the Senate reform project, which suggested its division into 4 expeditions – allows us to make the following conclusion. These reforming initiatives which had a place in this short period of Russian political history, were logical development of Peter I's reforms and had a considerable potential for the development of public administration.

Ключевые слова: история России XVIII в., А. И. Остерман, Б. Х. Миних, Кабинет министров, Сенат, государственные реформы.

Keywords: history of XVIII century Russia, A. I. Osterman, B. Kh. Minich, Cabinet of ministers, the Senate, governmental reforms.

В российской политической истории XVIII в. борьба за наследие Петра I – мнимое и реальное – играла существенную роль в легитимации того или иного правления. Самым ярким примером возвращения к *петровским образцам* стала политическая программа Елизаветы Петровны, пришедшей к власти в результате дворцового переворота 25 ноября 1741 г. Именно «дщерь Петрова» более, чем кто бы то ни был, подходила в символическом плане на роль продолжательницы петровских реформ. Более того, Елизавета Петровна постаралась сделать все, чтобы предшествующее царствование было забыто. Как результат, реформаторские инициативы конца 1740–1741 гг. оказались в тени ее правления. В связи с этим показательно, что в своей фундаментальной работе 2001 г. о реформах в России XVIII в. А. Б. Каменский пишет о периоде между царствованиями Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны как о «безвременье», во время которого «никакие резкие изменения во внутренней политике не были возможны» [1]. Можно также указать и на факт, что в коллективной монографии 2016 г. под редакцией А. Б. Каменского реформам конца 1740 – начала 1741 гг. также не нашлось места [2]. В то же время обращение к источникам, связанным с попытками реформировать Кабинет министров и Правительствующий Сенат в 1741 г., позволяет говорить, что реформаторские инициативы этого непродолжительного периода российской политической истории имели немалый потенциал и демонстрировали не меньшую преемственность с петровским камерализмом и даже его осознанное развитие. Именно это мы и постараемся доказать в настоящей работе.

Одним из первых исследователей, затронувших реформу Кабинета министров 1741 г., был А. Д. Градовский. В работе 1866 г. он отметил, что она была связана с деятельностью Б. Х. Миниха [3]. В то же время С. М. Соловьев пришел к выводу, что реформа стала результатом попыток Остермана ослабить влияние Миниха на Анну Леопольдовну [4]. Его в работе 1910 г. фактически поддержал П. Голицын [5]. В то же время В. М. Строев представил эту реформу как результат совместной деятельности Миниха и Остермана [6].

Современные историки больше склонны к точке зрения, что Б. Х. Миних не был автором реформы. Д. Н. Шанский пишет, что тезис А. Д. Градовского о «какой-то “реорганизации” Кабинета Б. Х. Минихом и отрыве его от Сената представляется малодоказательным» [7]. В. П. Наумов связывает ее с именем А. И. Остермана [8]. И. В. Курукин также утверждает, что «инициатором принятия столь важного акта стал опытный администратор – Остерман» [9].

Одним из первых на неосуществленную реформу Сената 1741 г. обратил внимание А. Н. Филиппов. Он писал, что, хотя А. И. Остерман и не был автором проекта реформы, он был все же связан с его деятельностью [10]. Несколько иной точки зрения придерживается Н. Н. Петрухинцев. Он упоминает: сохранившиеся в остермановских бумагах документы по сенатской реформе 1741 г. являются свидетельствами, что неудавшаяся департаментская реформа Сената 1730 г. «с большей степенью вероятности может считаться творением Остермана» [11]. Кроме того, И. В. Курукин пишет, что именно Остерманом Анне Леопольдовне была подана записка «о разделении Сената на четыре департамента» [12].

Итак, исследователи обращали большее внимание на осуществленную реформу по разделению на департаменты Кабинета министров указом от 28 января 1741 г. Ее возможными авторами назывались Б. Х. Миних и/или А. И. Остерман, при этом большинство историков (С. М. Соловьев, П. Голицын, В. П. Наумов, И. В. Курукин, отчасти В. М. Строев) делали акцент на роли последнего. Несостоявшаяся реформа Сената привлекла существенно меньшее внимание, и ее немногочисленные исследователи связали ее с персоной Остермана. Таким образом, авторство как реформы Кабинета министров, так и реформы Сената в историографии, прежде всего, приписывается Остерману. И если выводы по указу 28 января 1741 г. оказались основанными лишь на предположениях о выгоде его проведения для Остермана с целью ослабления Миниха, то выводы по проекту реформы Сената были сделаны лишь исходя из того, что он сохранился в бумагах Остермана и был изъят при конфискации. Исходя из этого, можно констатировать, что проблема реформирования Кабинета и Сената 1741 г. явно нуждается в дополнительном исследовании.

Будучи при смерти, Анна Иоанновна назначила при младенце-императоре регентом своего фаворита герцога Э. И. Бирона. Однако его правление длилось недолго: он был свергнут в ночь с 8 на 9 ноября 1740 г. Место регента заняла мать императора – Анна Леопольдовна. В связи с произошедшими изменениями во власти А. И. Остерман подготовил для нового регента в конце 1740 г. обширное мнение «о надежнейших способах к благоуспешнейшему управлению государства». В этом документе он обратился и к вопросу о совершенствовании внутреннего управления государством. В качестве одной из мер для его улучшения он предлагал следующее: «Когда б в таких местах, где случаются дела различного и между собою несходного содержания и свойства, учредить различные *департаменты* (выделено нами. – А. Л.), то делопроизводство чрез то весьма бы облегчилось, и все в лучшем порядке содержано было». Далее Остерман выдвинул идею департаментской реформы государственных учреждений: «Департаменты можно учредить, смотря по множеству и разнообразности дел, и по тому ж точно определить число нужных членов». Показательно, что такая внутренняя специализация должна была не только привести к упорядочиванию делопроизводства, но и стимулировать служебное рвение чиновников: «Если департаменты разделить между членами, то каждый из них получит чрез то случай показать свое прилежание и рачение к службе» [13].

Уже 28 января 1741 г. состоялся указ о департаментской реформе Кабинета министров, согласно которому учреждалось три департамента, за каждый из которых отвечал один из кабинетных министров соответственно: «Первому министру, генерал-фельдмаршалу Графу фон Миниху, что касается до всей Нашей сухопутной полевой армии, Ландмилиции и гарнизонов, в рекрутствовании людьми и лошадьми, в снабдении ружьем, мундиром и аммуницією и в содержании потребных магазинов, такожде всех иррегулярных до Артиллерии и Фортификации и укрепления границ Корпуса Кадетского и Ладожского канала и прочаго к тому принадлежащего, рапортуя обо всем том Герцогу Брауншвейг-Люнебургскому». Второму министру, то есть гр. А. И. Остерману, отводилось «все то, что надлежит до иностранных дел и дворов и к тому принадлежащему, також о добром содержании Адмиралтейства и флота и снабдении онаго всем потребным и имении всегда довольнаго флотского магазина и всех в Нашей Империи портов, и об окончании строящегося в Кронштадт канала и доков». Двум другим министрам – кн. А. М. Черкасскому и

гр. М. Г. Головкину – поручалось «все то, что касается до внутренних дел по Сенату и Синоду, и о Государственных по Камер-Колегия сборах и других доходах, о Коммерции, о Юстиции». При этом указ предписывал кабинет-министрам «разсмотреть, не приходят ли в Наш Кабинет такие дела, кои до решения по оному не касаются, а подлежат до Сената и прочих Департаментов, а в Кабинет оныя только нужные дела частию останаливают». По мнению автора указа, такие «побочные дела» следовало «от Кабинетского видения отрешить; а о решении в других Департаментах накрепчайше подтвердить» [14]. Таким образом, указ явным образом был направлен не только на развитие принципов специализации управления по отраслям, а и по уровню властных компетенций. Действительно, Кабинет министров как высший после монарха орган управления не должен был тратить время на решение дел, которые следовало рассматривать в иных учреждениях.

Нормы этого указа вполне соответствовали мнению А. И. Остермана 1740 г. Ввиду этого реформа представляется вполне логичным шагом на пути осуществления его программы улучшения государственного управления. Однако, согласно мемуарам Б. Х. Миниха, именно он «позаботился разделить кабинет, по роду дел, на различные департаменты». Более того, фельдмаршал специально подчеркивал, что «этот порядок был создан мною одним». Таким образом, к настоящему времени нельзя однозначно утверждать, что автором указа был или Остерман, или Миних, или даже они оба вместе. У каждого из них, помимо идейных предпочтений, был свой резон выдвинуть или поддержать такое предложение. Остерман мог рассчитывать на ослабление Миниха, а Миних как первый министр, распределив области ответственности между другими министрами, мог заняться проведением задуманной им программы преобразований, о которой он упоминал в мемуарах [15].

Однако, судя по сохранившимся источникам, не только Кабинет министров должен был быть разделен на департаменты. До нашего времени сохранился комплекс документов, связанных с проектом указа о разделении Сената на четыре экспедиции.

Проект был написан как указ от имени Иоанна Антоновича. В его преамбуле заявлялось: «Известно нам учинилось, коим образом Сенат по нынешнему его состоянию, что все сенаторы одно дело слушают, к скорейшему и наилучшему отправлению дел успеху сделать не может, от чего как в государственных наших делах происходит остановка, так и челобитчикам чиниться немалая волокита и разорение, того ради повелеваем учредить по нижеписанному». Далее шла нормативная часть, согласно которой в Сенате следовало «все дела разделить на 4 экспедиции, по приложенному при сем росписанию, и ко всякой экспедиции определить по равному числу сенаторов, и по одному обер-секретарю, по приложенной при сем другой росписи (выделено нами. – А. Л.), да по 2 секретаря, по одному протоколисту, и по приличному числу приказных служителей». Итак, получалось, что теперь в рассмотрении дел должен был принимать участие не весь Сенат, а только одна из экспедиций. При этом был прописан порядок действий для сложных вопросов, которые не могли решиться в рамках одной экспедиции: «Буде же такое дело придет, что либо которая экспедиция собою решить не может, то надобно для того назначить один день в неделе, дабы из всех экспедиций сенаторы обще то дело слушать и решить могли. Ежели же и общим собранием решить не могут, тогда подавать Кабинет наш доклады со мнениям за руками всех сенаторов». В том случае, если кто-то был не удовлетворён решением, то «позволяется бить челом всему сенату». Отдельный пункт был посвящен механизму надзора за деятельностью канцелярии и приказных служителей. Каждая экспедиция должна была иметь собственную канцелярию во главе с обер-секретарем. Кроме того, специальный сенатор должен был контролировать работу всех четырех канцелярий, то есть всю сенатскую канцелярию. Он исполнял эту должность не на постоянной основе. Каждый месяц первого числа она передавалась следующему сенатору: «Сенатскую канцелярию и приказных служителей ведать ежемесячному сенатору, и того ради всем сенаторам переменяясь быть поочереды в той должности по одному, и вступать с первого числа каждого месяца» [16].

Что касается самих экспедиций, то область их компетенций определялась в пояснительной записке так: «Первой (экспедиции. – А. Л.): Синод, Иностранная коллегия, Рекетмейстерская и Печатная канторы, Юстиц, Вотчинная коллегия и Тайная канцелярия. Второй: Военная и Адмиралтейская коллегии и протчие воинския места, и Генерал-берг-директориум. Третьей: Камор и Комерц коллегии, Штатс-кантора, коллегия Экономии с Раскольнической канторою, Монетная канцелярия, Сибирской приказ. Четвертой: Ревизион-коллегия, Конфискация, и все доимочныя касавшыя до ней дела, дворцовые, Конюшенная, Полицейская, Городовая от строения, Соляная, и Медицинская канцелярии». В отношении неупомянутых учреждений была помещена следующая формулировка: «Оныя по приличности тех экспедиций приписать; а ежели Сенатом устроено будет, что одна экспедиция перед другою делами тягостнее, то с общаго совета прибавить и убавить из одной в другую позволяется». Как и в проекте указа, в записке отмечалось, что если «сии

экспедиции решить не могут, то в пятом суменно в полном собрании решено быть имеет». Кроме того, в ней было определено, что в состав экспедиции должно входить четыре сенатора [17].

В качестве другого приложения к указу шла роспись сенаторов и обер-секретарей по экспедициям. Отдельным пунктом был обозначен сенатор, который должен был контролировать работу всех четырех канцелярий. Таким образом, в списке значились имена и фамилии 17 сенаторов и четырех обер-секретарей (М. Кузьмин, В. Демидов, А. Сверчков, П. Севергин).

Следует отметить, что к началу 1741 г. в Сенате числилось 10 сенаторов: гр. Г. П. Чернышев, А. И. Ушаков, А. Л. Нарышкин, М. С. Хрущов, И. И. Бахметев, Ф. В. Наумов, В. Я. Новосильцов, В. И. Стрешнев, М. И. Философов и П. М. Шипов [18]. Правда, пребывание в Сенате Шипова было под вопросом, так как в 1740 г. он был назначен губернатором в Сибирскую губернию. Более того, кабинетским распоряжением в Сенат от 29 декабря 1740 г. было предписано его «отправить в ту губернию немедленно» [19]. Из этих 10 сенаторов только восемь попали в роспись (не вошли Философов и Шипов). Несложно подсчитать, что в числе 17 сенаторов должно было быть девять вновь назначенных членов, то есть более чем половина.

Кем были эти «новые» люди, которые должны были быть введены в состав Правительствующего Сената по планам автора проекта? Четверо из нового списка были гвардейскими офицерами: гвардии Семеновского полка секунд-майор Н. Стрешнев, гвардии Семеновского полка секунд-майор Н. Соковнин, гвардии Преображенского полка секунд-майор Ф. Ушаков, Конной гвардии секунд-майор кн. П. Черкасский. Трое были придворными служителями: камергеры И. О. Брылкин, А. М. Пушкин, П. Б. Шереметьев. Заметим, что Брылкин и Пушкин были близки к Брауншвейгской фамилии. Наиболее опытными государственными деятелями из списка новых сенаторов являлись генерал-лейтенант граф П. С. Салтыков и тайный советник князь М. М. Голицын (младший). Следует заметить, что предшествующая деятельность и Салтыкова, и Голицына была так или иначе связана с вооруженными силами.

Проект указа, роспись сенаторов и пояснительная записка об экспедициях не датированы. Однако благодаря тому что в росписи указаны не только фамилии сенаторов, но и их чины, можно попытаться определить примерное время их составления. Так, П. С. Салтыков был упомянут в чине «генерал-адъютанта», который он получил 2 января 1741 г. [20] Соответственно, нижняя граница сочинения проекта, о которой можно говорить без сомнений, – 2 января 1741 г. Так как указ должен был быть провозглашен от имени Иоанна Антоновича, верхняя бесспорная граница – это 25 ноября 1741 г.

Говорить о более точной датировке хотя и затруднительно, но возможно. Так, среди четырех обер-секретарей в росписи был указан А. С. Сверчков. Последний действительно был до 8 января 1741 г. сенатским обер-секретарем, когда он был определен Сенатом членом Ревизион-коллегии [21]. Это позволяет предположить, что проект реформы был составлен в первой половине января 1741 г.

Впрочем, если принять во внимание другой критерий, можно предложить иное время составления документов. Как уже отмечалось, по сравнению с актуальным составом на начало 1741 г. в новый список не были включены М. И. Философов и П. М. Шипов. Возможно, автор проекта просто не желал их видеть среди сенаторов. Однако можно предположить, что они оба не были сенаторами на момент составления проекта. Действительно, в 1741 г. году был период, когда они, получив другие назначения, выбыли из Сената. Так, 20 августа Философову надлежало быть в Ревеле, а Шипову – в Выборге. Но уже 10 сентября Шипов определялся «для присутствия, по-прежнему, в Сенате» [22]. Если автор проекта руководствовался именно этой логикой при невключении Философова и Шипова, то документ можно датировать временем между 20 августа и 10 сентября 1741 г.

Несмотря на то что проект был написан в виде указа, который оставалось только подписать, его не утвердили, а направили на обсуждение. К настоящему времени сохранилось одно мнение на проект. Оно начиналось следующими словами: «Весьма трудно и сумнительно на решеное, или от кого-либо на мере постановленное дело, свое мнение каково б совестно и честно оное быть ни могло, объявить. О сочинении других людей рассуждать невозможно, ежели притом о истинных и собственных видах и резонах, на которых оное основывается, не сообщится». Отсюда следует, что автору мнения принесли проект, готовый вот-вот воплотиться в жизнь. Видимо, до полной реализации проекта оставалось лишь получить одобрение автора мнения, что говорит о его высоком статусе. Однако эта персона не решилась с ходу одобрить его и предложила следующее: «И того ради я от чистаго сердца желаю, чтоб о таких делах, о которых мое малое мнение потребовано быть может и онаыя некоторой важности суть или до новаго учреждения касаются, порядочно в собрании рассуждаемо, о пользе и порядке, каким образом оное налутче в действо произведено быть может, якоже всех к оному принадлежащих обстоятельствах зрело рассмотре-

но и таким образом согласно решено и постановлено быть могло». И так, хотя автор и не выступил прямо против этой реформы, он все же предложил повременить с ней. Более того, был предложен фактически иной план реформирования государственного управления: «Мои малые мнения к тому клонятся, что для скорейшего и порядочного отправления дел, потребно, чтоб при коллегиях начали, их инструкции и порядок разсматривать, и потом потребное прибавлять, а излишнее убавлять. Потому дела и в сенате учредить можно» [23].

На этом мнении отсутствуют сведения о времени создания и авторе. Однако ряд фактов позволяют установить его имя. В документе указано: «Я во всю мою жизнь, к тому склонен был, чтоб в Коллегиях и в самом Сенате дела между членами в некоторыя департаменты разделены были, как то в других краях отправляется, и таким образом дела скорее и притом с совершенным разсмотрением отправляемы будут» [24]. Такое заявление более чем перекликается с остермановскими рассуждениями о департаментах из упомянутого в начале статьи обширного мнения конца 1740 г. И это не единственная параллель между этими двумя документами. Так, в мнении конца 1740 г. А. И. Остерман писал, что «множество членов иногда более препятствует делопроизводству, чем споспешествует оному» [25]. Автор же мнения 1741 г. заявлял, что «множество членов не всегда дело решить, и некогда в отправление оных вящше препятствует, нежели споспешествует» [26]. Кроме того, витиеватый стиль документа также соответствовал манере письма Остермана. Исходя из этого, можно с полной уверенностью утверждать, что мнение принадлежало Остерману. Соответственно, он не мог выступать автором или даже соавтором в отношении проекта указа. На это указывает еще один факт. 17 сентября 1741 г. был назначен ряд новых сенаторов, среди которых были кн. М. М. Голицын и кн. А. Д. Голицын. При этом последний был еще и восстановлен в чине действительного статского советника [27]. Выражая свое недовольство этими назначениями, Остерман напоминал Анне Леопольдовне об участии представителей семьи Голицыных в событиях междуцарствия 1730 г.: «Какое старание фамилия Г[олицыных] о опровержении самодержавства имела, то известно. Тех опять производят, и многие из них входят в Сенат» [28]. Имея такое негативное отношение к этой фамилии, Остерман едва ли мог включить М. М. Голицына в список персон, которые должны были войти в состав обновленного Сената.

В качестве одного из возможных претендентов на авторство сенатской реформы можно назвать кабинет-министра М. Г. Головкина. 17 сентября 1741 г. в Сенат был назначен ряд новых членов: кн. М. М. Голицын, кн. Г. А. Урусов, гр. П. С. Салтыков, А. М. Пушкин, кн. Я. П. Шаховской, кн. А. Д. Голицын. Трое из них – М. М. Голицын, Салтыков и Пушкин – фигурировали в росписи сенаторов, приложенной к проекту указа. Как известно из мемуаров Шаховского, последний, будучи в непростых отношениях с А. И. Остерманом, был назначен сенатором благодаря Головкину [29]. Если предположить, что такие назначения в Сенат были как-то связаны с предполагаемой реформой, то ее авторство можно приписать Головкину. В таком случае работает гипотеза, что время составления проекта – конец августа или начало сентября 1741 г.

Однако в качестве другого автора этой реформы можно предложить Б. Х. Миниха, который до 3 марта 1741 г. занимал должность первого кабинет-министра. В своих мемуарах он писал, что кроме Кабинета министров «Сенат был также разделен на несколько департаментов». И так, Миних прямо заявил, что он был автором как департаментской реформы кабинета, так и Сената. Конечно, можно предположить, что Миних желал присвоить себе чужие лавры. Тем не менее некоторые факты позволяют говорить, что его заявление не стоит воспринимать как небезосновательное. Так, в мемуарах он упомянул, что «число сенаторов было увеличено назначением г. Брылкина и других». Здесь старого фельдмаршала явно подводила память: в 1741 г. камергер И. О. Брылкин не был назначен сенатором. Однако, что важно подчеркнуть, Брылкин числился в росписи сенаторов в качестве сенатора в первом департаменте [30]. Таким образом, получается, что Миних неслучайно вспомнил фамилию Брылкина при упоминании несостоявшейся реформы Сената.

Упомянем и следующий факт: 5 января 1741 г. сенатор М. С. Хрущов в собрании Сената объявил, что ему было высказано для сенаторов первым кабинет-министром Б. Х. Минихом мнение, которое якобы он получил от Анны Леопольдовны. Согласно этому документу «в сенате г.г. сенаторы дел слушают и решают мало, а как известно, что только слушают инструкцию о полицеймейстерской канцелярии и за тем в делах чинится медление; також де по именным Е.И.В. указам исполнения не чинится дня по четыре и больше» [31]. Такая миниховская критика медлительности и нерасторопности работы общего собрания сенаторов вполне соответствовала логике проекта реформы Сената. Кроме того, роспись сенаторов, приложенная к проекту указа, дает еще один повод предполагать, что автором был именно Миних. Генерал-лейтенант П. С. Салтыков в 1730-е гг. воевал под командованием Миниха, а четверо из девяти вновь назначаемых сенаторов, как отмечалось выше, были гвардейскими офицерами. Столь существенное пополнение Сената гвардейцами соответствовало как сфере влияния Миниха, так и его желанию повысить исполнительность Сената.

Итак, можно сделать вывод, что автором проекта указа о разделении Сената на экспедиции был Б. Х. Миних, и, с определенной долей уверенности, датировать январем 1741 г. Соответственно, миниховские мемуарные утверждения касательно его авторства этой реформы можно считать справедливым. И с осторожностью можно предположить, что и изменения в Кабинете министров, как и утверждалось в тех же мемуарах, были осуществлены под руководством фельдмаршала.

Однако проект сенатской реформы не был реализован. Скорее всего, это было связано с вмешательством Остермана, который смог отложить его утверждение, мотивировав это необходимостью дополнительного обсуждения. Эта остермановская реакция, скорее всего, была связана с тем, что Миних, подав готовый проект реформирования Сената, в рамках которого последний не только разделялся на экспедиции, а и радикально обновлялся, тем самым стал угрожать влиянию Остермана. Последний мог быть недоволен еще и тем, что Миних не собирался ограничиться лишь реформой Кабинета и Сената: «Моя отставка воспрепятствовала мне устроить все, согласно общему плану, который я себе составил» [32]. Получалось, что у Остермана были все основания не только приостановить реформу, но и способствовать в дальнейшем увольнению самого Миниха. Будучи уволенным указом от 3 марта 1741 г. с поста первого министра, Миних потерял необходимую власть и личный кредит доверия регентши для реализации своей программы преобразований.

Таким образом, в период регентства Анны Леопольдовны двумя выдающимися сановниками постпетровской империи – А. И. Остерманом и Б. Х. Минихом – разрабатывались программы реформирования государственного управления, включая и его высшие органы – Кабинет министров и Сенат. При этом и Миних, и Остерман предлагали провести преобразование этих двух органов примерно на одинаковых основаниях: их следовало разделить на экспедиции/департаменты со строго определенной компетенцией каждого. Направленные таким образом на развитие специализации внутри учреждений, эти реформы являлись логическим продолжением камералистских начал петровских реформ. Однако, руководствуясь не только идеями общего блага, но и личными амбициями, Остерман и Миних оказались конкурентами на ниве «административного предпринимательства» (выражение И. И. Федюкина) [33], из-за чего в итоге вступили в борьбу за возможность реализации своего варианта реформаторского плана. В результате получалось, что их программы оказывались не только развитием петровского государственного строительства, но и инструментами борьбы за влияние. В то же время их взаимные попытки ослабления друг друга привели к общему ослаблению авторитета их обоих в придворных кругах, а начатые были инициативы не способствовали существенному улучшению внутреннего управления. Как представляется, это в том числе стало одной из причин, позволивших совершить переворот 25 ноября 1741 г.

Придя к власти под лозунгами возвращения к наследию своего отца, Елизавета Петровна фактически перечеркнула реформаторские инициативы Остермана и Миниха. Получилось, что посредством возврата к петровским образцам новая императрица в некоторых случаях отбросила тот опыт, который был наработан продолжателями петровских камералистских реформ. О том, что их идеи имели перспективу, говорит факт, что спустя более чем 20 лет они оказались востребованными: в декабре 1763 г. Екатериной II была проведена реорганизация Сената, включавшая и разделение последнего на шесть департаментов.

Примечания

1. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 252.
2. См.: Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 2: XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. А. Б. Каменский. М., 2016.
3. Градовский А. [Д.] Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 160–161.
4. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. XXI–XXV. СПб., 1895–1896. С. 29–30.
5. Голицын П. Первый век Сената. СПб., 1910. С. 114.
6. Стров В. М. Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны. Ч. 2. Вып. 1. СПб., 1910. С. 60.
7. Шанский Д. Н. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20–60-е годы) // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 125.
8. Наумов В. П. Послепетровская эпоха глазами российских немцев // Перевороты и войны. М., 1997. С. 498.
9. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 298–299.
10. Филиппов А. Н. Правительствующий Сенат в царствования Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. Т. I. СПб., 1911. С. 545.
11. Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб., 2001. С. 75.
12. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь». С. 312.
13. Памятники новой русской истории. Т. III. СПб., 1873. С. 269–270.
14. Полное собрание законов Российской империи. Т. 11. СПб., 1830. № 8326. С. 357–359.

15. Миних Б. Х. Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874. С. 79–80.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Д. 156. Л. 1–3.
17. РГАДА. Ф. 16. Д. 156. Л. 4–6.
18. Внутренний быт русского государства с 17 сентября 1740 года по 25-е ноября 1741 года. Кн. II. М., 1886. С. 142.
19. Сенатский архив. Т. II. СПб., 1889. С. 304.
20. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящейся в С-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. III. 1740–1762 / сост. П. Баранов. СПб., 1878. С. 18.
21. Сенатский архив. Т. II. СПб., 1889. С. 363, 377.
22. Сенатский архив. Т. IV. СПб., 1891. С. 310, 388.
23. РГАДА. Ф. 16. Д. 156. Л. 5–6, 7.
24. РГАДА. Ф. 16. Д. 156. Л. 6 об–7.
25. Памятники новой русской истории. Т. III. С. 269.
26. РГАДА. Ф. 16. Д. 156. Л. 7.
27. Сенатский архив. Т. IV. СПб., 1891. С. 419.
28. Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. 9. СПб., 1872. С. 160.
29. Внутренний быт русского государства... Кн. II. С. 142; Шаховской Я. П. Записки // Империя после Петра 1725–1765. М., 1998. С. 26.
30. Миних Б. Х. Записки. С. 80; РГАДА. Ф. 16. Д. 156. Л. 8.
31. Сенатский архив. Т. II. СПб., 1889. С. 358.
32. Миних Б. Х. Записки. С. 80.
33. См.: Федюкин И. И. Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники // Российская история. 2014. № 4. С. 80–101; Федюкин И. И. «Прожектеры» как административные предприниматели: Становление раннемодерных государственных институтов и индивидуальная инициатива // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М., 2015. С. 13–33.

Notes

1. Kamenskii A. B. Kamenskij A. B. Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt celostnogo analiza) [From Peter I to Paul I: reforms in Russia in the XVIII century (the experience of a holistic analysis)]. М. 2001. P. 252.
2. See: Reformy v Rossii s drevnejshih vremen do konca XX v. T. 2: XVIII – pervaya polovina XIX v. – Reforms in Russia from ancient times to the late twentieth century. Vol. 2: XVIII – first half XIX century / ed. by A. B. Kamensky. М. 2016.
3. Gradovskij A. [D.] Vysshaya administraciya Rossii XVIII st. i general-prokurory [Supreme administration of Russia of XVIII century and the General prosecutors]. SPb. 1866. Pp. 160–161.
4. Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia from ancient times]. Book V. Vol. XXI–XXV. SPb. 1895–1896. Pp. 29–30.
5. Golicyn P. Pervyj vek Senata [The first century of the Senate]. SPb. 1910. P.114.
6. Stroev V. M. Bironovshchina i Kabinet ministrov. Oчерk vnutrennej politiki imperatricy Anny [Biron and the Cabinet of Ministers. Essay on the domestic policy of the Empress Anna]. Part 2. Vol. 1. SPb. 1910. P. 60.
7. SHanskij D. N. K karakteristike vysshih gosudarstvennyh uchrezhdenij Rossii XVIII v. (20–60-e gody) [To the characteristics of higher state establishments of Russia of XVIII century (20–60 years)] // Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVI–XVIII vv. – State institution, Russia XVI–XVIII centuries, М. 1991. P. 125.
8. Naumov V. P. Poslepetrovskaya ehpora glazami rossijskih nemcev [Post-Petrine era through the eyes of the Russian Germans] // Perevoroty i vojny – Coups and war. М. 1997. P. 498.
9. Kurukin I. V. Kurukin I. V. Ehpora «dvorskih bur'»: Oчерki politicheskoj istorii poslepetrovskoj Rossii, 1725–1762 gg. [Era of "court storms": essays on the political history of post-Petrine Russia, 1725–1762]. Ryazan. 2003. Pp. 298–299.
10. Filippov A. N. Pravitel'stvuyushchij Senat v carstvovanii Anny Ioannovny i Ioanna Antonovicha [Government Senate in the reign of Anna Ivanovna and John Antonovich] // Istoriya Pravitel'stvuyushchago Senata za dvesti let. 1711–1911 – History of the Ruling Senate for two hundred years. 1711–1911. T. I. SPb., 1911. S. 545.
11. Petruhincev N. N. Carstvovanie Anny Ioannovny: formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud'by armii i flota 1730–1735 g. [The reign of Anna Ivanovna: the formation of domestic policy and the fate of the army and Navy 1730–1735] Spb. 2001. P. 75.
12. Kurukin I. V. Kurukin I. V. Ehpora «dvorskih bur'» [Era of "court storms"]. P. 312.
13. Pamyatniki novej russkoj istorii - The monuments of the new Russian history. Vol. III. Spb. 1873. Pp. 269–270.
14. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii - Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 11. SPb., 1830. No. 8326. Pp. 357–359.
15. Minih B. H. Zapiski fel'dmarshala grafa Miniha [Memoirs of field-marshal count Minih]. SPb. 1874. Pp. 79–80.
16. Russian state archive of ancient acts (RGADA). F. 16. File 156. Sh. 1–3.
17. RGADA. F. 16. File 156. Sh. 4–6.
18. Vnutrennij byt russkogo gosudarstva s 17 sentyabrya 1740 goda po 25-e noyabrya 1741 goda – The internal life of the Russian state from 17 Sep 1740 to 25 November 1741. Book II. М. 1886. P. 142.
19. Senatskij arhiv – The Senate archives. Vol. II. SPb. 1889. P. 304.

20. Opis' vysochajshim ukazam i povelenyam, hranyashchejsya v S-Peterburgskom Senatskom arhive za XVIII vek – The inventory of Supreme decrees and commands stored in the St. Petersburg Senate archive for the XVIII century. Vol. III. 1740–1762 / comp. P. Baranov. SPb. 1878. P. 18.
21. Senatskij arhiv – The Senate archives. Vol. II. SPb. 1889. Pp. 363, 377.
22. Senatskij arhiv – The Senate archives. Vol. IV. SPb. 1891. Pp. 310, 388.
23. RGADA. F. 16. Sh. 156. Sh. 5–6, 7.
24. RGADA. F. 16. Sh. 156. Sh. 6–7.
25. Pamyatniki novoj russkoj istorii – The monuments of the new Russian history. Vol. III. P. 269.
26. RGADA. F. 16. Sh. 156. Sh. 7.
27. Senatskij arhiv – The Senate archives. Vol. IV. SPb. 1891. P. 419.
28. bornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii Nauk - The collection of the Department of Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 9. SPb. 1872. P. 160.
29. Vnutrennij byt russkogo gosudarstva... – The internal life of the Russian state... Book II. P. 142; SHahovskoj YA. P. Zapiski [Notes] // Imperiya posle Petra 1725–1765 – Empire after Peter 1725–1765. M. 1998. P. 26.
30. Minih B. H. Zapiski [Notes]. P. 80; RGADA. F. 16. Sh. 156. Sh. 8.
31. Senatskij arhiv – The Senate archives. T. II. SPb., 1889. P. 358.
32. Minih B. H. Zapiski [Notes]. P. 80.
33. See: Fedyukin I. I. Rol' administrativnogo predprinimatel'stva v petrovskih reformah: Navigackaya shkola i pozdnemoskovskie knizhniki [The role of the administrative business in the Petrine reforms: Naval school and late-Moscow scribes] // Rossijskaya istoriya - Russian history. 2014, No. 4, pp. 80–101; Fedyukin I. I. «Prozhektery» kak administrativnye predprinimateli: Stanovlenie rannemodernyh gosudarstvennyh institutov i individual'naya iniciativa ["Projectors" administrative entrepreneurs: the Formation of early modern state institutions and private initiative] // «Regulyarnaya akademiya uchrezhdjena budet...»: Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoj polovine XVIII veka - "Regular Academy will be established...": Educational projects in Russia in the first half of the XVIII century. M. 2015. Pp. 13–33.

УДК 94 (470.5) "17"

Плате Алисе

О правовом статусе сельских заседателей в сословных судах Пермского наместничества (1780–1790-е гг.)*

Статья посвящена вопросу определения правового статуса свободного сельского населения в законодательстве последней четверти XVIII в. Анализируются сложности, возникшие в процессе реализации законодательного акта «Учреждений для управления губерний империи», впервые распространявшего государственную правовую и судебную систему на часть крестьянства. По материалам верхних и нижних расправ Среднего Урала подробно рассматривается степень интеграции, а также возможности включения сельских представителей в деятельность созданных для защиты правовых интересов своего сословия судов. В отличие от преобладающих в научной литературе «крайних» позиций о реализации правительственных намерений, автор приходит к выводу, что их взаимоотношения определялись в первую очередь практическими соображениями – стремлением совмещать требования законодательства с возможностями их реализации в условиях провинции. Исследование функционирования названных судов показывает, что они действовали с осторожностью и были готовы к компромиссам, как и само правительство, приступившее к осуществлению такого социального эксперимента.

The article is dedicated to the question of defining the legal status of the free rural population in the legislation of last quarter of the 18th century. It researches the difficulties appearing during the implementation process of the "Statute of Administration of the Provinces of 1775" having for the first time extended positive law and the state court system to a part of the country's peasantry. The issue to what a degree the latter were integrated into this system and the key question whether the rural representatives elected to those courts as lay judges were given the possibility to defend their legal interests are analyzed by the example of the Upper and Lower Summary Courts of the Central Urals. In contrary to the "extreme" positions prevailing in the historiography on this matter the author comes to the conclusion that the relationship between the courts and the rural representatives was mainly guided by practical motivation, that is by the attempt to reconcile central legislation and the conditions of the province. In its actions towards the realization of this project, those courts showed great caution and willingness to accept compromises, thus reflecting the government's attitude towards the implementation of this social experiment.

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археологии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Ключевые слова: сословная политика, правовой статус свободного сельского населения, судебная реформа, законодательство Екатерины II.

Keywords: policy towards social estates, legal status of the free rural population, legal reforms, legislation of Catherine II.

«Учреждениями для управления губерний империи» (далее «Учреждения») от 7 ноября 1775 г. в России была учреждена сословная юстиция. Кроме того, определением прав и обязанностей законодательный акт дал представление о правовом статусе, который правительство было готово предоставить отдельным группам населения.

Это имело особенное значение в случае впервые активно и пассивно интегрированного в государственную правовую и судебную систему свободного сельского населения. В отличие от дворянства и городского населения, правовая консолидация которых была оформлена в 1785 г. [1], законодательство Екатерины II по вопросам формирования правового статуса свободного сельского населения (если не учитывать такие локальные нормативные акты, как «Наставление на постановление волостных судов» Пермского и Тобольского генерал-губернатора Е. П. Кашкина и указ об «Установлении сельского порядка» 1787 г.) не выходило за пределы уставов Учреждений и уточняющих этот законодательный акт частных указов [2].

Согласно статутам «Учреждений», наместник или генерал-губернатор имел право на учреждение суда первой инстанции для решения местных гражданских и уголовных дел – нижней расправы, – в тех уездах, где доля свободного сельского населения («однодворцы [...], или черносошные, или государственные крестьяне, приписные к каким не есть местам или заводам») составляла не менее 30% жителей [3]. Присутствие суда комплектовалось из назначенного расправного судьи девятого класса и восьми сельских заседателей, избираемых членами сельских общин данного судебного округа сроком на три года. Четверо из них участвовали в заседаниях самой нижней расправы, а остальные служили в нижнем земском и в совестном судах. Верхняя расправа – апелляционный суд – учреждалась в тех губерниях, где работала по меньшей мере одна нижняя расправа. Этот суд второй инстанции состоял из двух назначенных председателей седьмого класса и десяти сельских заседателей, ровно распределявшихся по обоим департаментам учреждения [4].

В своих функциях и полномочиях нижняя и верхняя расправы практически не отличались от сословных судов, созданных для дворян и горожан, но при установлении критериев их укомплектования законодатель сделал ряд ограничений. Так, расправные судьи и председатели верхних расправ не избирались членами соответственной группы населения, как это было в случае остальных сословий, а назначались наместническим правлением из чиновников. Статус сельского заседателя, в отличие от представителей дворянства и городов, занимавших ранги 7–10-го классов, не предполагал предоставления чина и, соответственно, регулярного жалованья за службу. Вместо этого они получали ежегодное денежное вознаграждение в размере 60 рублей, а также привилегии и обещания, апеллировавшие к их чувству чести. К тому же было принято решение, что заседателям в нижних и верхних расправах не обязательно быть выходцами из сельского населения; они могли происходить «из дворян, или ученых людей, или из чиновных людей, или из разночинцов» [5].

В историографии, посвященной преобразованиям последней четверти XVIII в., вопрос о правовом статусе свободного сельского населения до сих пор недостаточно освещен. Распространенное среди дореволюционных историков мнение о том, что крестьяне и в созданных для защиты их интересов судах были притеснены преобладающим в этих судах дворянством, нашло свое продолжение в трудах советских, а также ряда зарубежных исследователей второй половины XX в. [6] В научной литературе последних двух десятилетий утверждается более оптимистический взгляд на реформаторскую деятельность и сословную политику Екатерины II [7]. Среди них выражено ревизионистской позицией отличаются работы В. А. Воропанова, по мнению которого, реформа Екатерины II способствовала интеграции сельского населения в государственную судебную систему и создавала условия для формирования активной позиции в процессе осуществления правосудия [8].

В отношении к рассматриваемому региону В. А. Воропанов отметил, что сельское население Среднего Урала сумело получить максимальную выгоду от предоставленных ему прав и обязанностей благодаря своему преимущественному происхождению из государственных крестьян европейского Севера страны, имевших давний опыт в самоуправленческой деятельности и общении с представителями государственных административных органов [9]. Более осторожного взгляда придерживается Н. А. Миненко. Исследовательница подчеркивает, что на Среднем Урале ко второй половине XVIII в. в результате колонизационных потоков, в том числе и из зон поме-

щичьего землевладения, произошло объединение разных крестьянских культур. При оценке самоуправленческой инициативности и уровня правосознания сельского населения в регионе, по ее мнению, необходимо учесть, что статус приписных к заводам крестьян во многом был равным статусу помещичьего крестьянина [10].

Несмотря на то что права и связанные с ними обязанности представителей свободного сельского населения были законодательно определены, для названного региона вопрос об их осуществлении, то есть о том, насколько они могли быть реализованы в условиях данного региона, до сих пор не утратил актуальность. Остались недостаточно рассмотренными такие аспекты, как установление наличия и степени их интеграции в процесс отправления правосудия, а также, что нам кажется для получения более однозначного ответа не менее важным моментом, вопрос об их интегрируемости в деятельность принимающих судебных учреждений.

Цель настоящей статьи – внести вклад в изучение вышепредставленной проблематики на примере Среднего Урала, где судам, отвечающим за правовые вопросы свободного сельского населения, отводилась особенная роль в местной судебной системе. Низкая доля дворянства, а также тот факт, что с роспуском Горнозаводского правления разные приписанные к заводу категории населения перешли под юрисдикцию государства, несомненно, влияли на решение открыть нижние расправы в созданном в октябре 1781 г. Пермском наместничестве [11]. Нижние расправы были учреждены в 12 из 16 уездов, а после перехода Челябинского уезда в состав Уфимского наместничества – в 11 из 15 административных единиц. Соответственно были созданы две верхние расправы: одна – в столице региона Перми, а вторая – в областном городе Екатеринбурге [12].

Относительно высокий уровень сохранности делопроизводственной документации (особенно в случае Верхотурской нижней расправы, о деятельности которой свидетельствуют более 50 журналов, реестров и дел «с записками из разных мест, указами, сообщениями и другими делами») позволяет подробно изучить осуществление процесса выборов сельских заседателей, их социальное происхождение и уровень образованности. Также имеющиеся источники способствуют проведению анализа таких ключевых для понимания ситуации моментов, как степень присутствия сельских заседателей на заседаниях принимающего учреждения и их регулярного участия в деятельности последнего.

Проводимые каждые три года под присмотром нижних земских судов выборы на должность сельского заседателя состоялись в Пермском наместничестве в конце сентября – начале октября, после окончания сельскохозяйственного сезона. Начало строго нормированному избирательному процессу полагал, как правило, напоминающий о предстоящих выборах указ из наместнического правления, рассылаемый в конце августа во все земские суды. Заканчивался процесс в декабре того же года, с утверждением в должности очередной смены заседателей. Сам акт передачи должности назначался на 18 октября – день открытия наместничества. Событие было торжественным, включало в себя такие моменты, как богослужение, приведение к присяге новых заседателей, зачитывание текста «Учреждений» городничим, а также награждение уходящей смены заседателей аттестатами «о добропорядочном их в трех годах поведении» [13].

В массе своей кандидаты, избираемые в судебные учреждения Среднего Урала, соответствовали критериям законодателя – они были представителями среднего слоя сельского общества, мужчинами без судимости и пороков не моложе тридцати лет, и при этом достаточно зажиточными, чтобы иметь семью и собственный дом. Судя по формулярным спискам, содержащим данные о сельских заседателях, на должность заседателя в государственные суды выбирали в основном опытных мужчин, средний возраст которых составил 42 года. Из них четыре человека были на 2–9 лет моложе установленного минимального возраста, а в четырех случаях селения отправили в суды кандидатов преклонного возраста, старше 55 лет [14].

Распределение сельских заседателей по учреждениям осуществлялось по географическим критериям: были равномерно представлены все уезды и волости; оно отражало также социальное, этническое и религиозное многообразие состава местного населения. В сельские заседатели избирали в основном выходцев из крестьянства разных категорий, при этом среди них встречались также ямщики и представители разных этнических групп: «иноверцы», «инородцы», татары, мурзы и мещеряки [15].

Местные власти строго следили за сохранением этого равновесия. Так, летом 1783 г. в Далматовской нижней расправе после смерти одного из сельских заседателей было принято решение временно оставить его место вакантным за неимением подходящего кандидата из «инородцев» [16]. Сельского заседателя Верхотурской нижней расправы Василия Посникова, переписавшего весной 1784 г. из государственных крестьян в купечество, наместническое правление велело заменить по той причине, что он был «к сей должности крестьянами выбран» [17].

Аналогично неоднородную картину сельские заседатели региона представляли собой с точки зрения изъявленного правительством желанья о минимальной грамотности [18]. Основная масса заседателей, прикрепленных к учреждениям губернского уровня, а также представителей местного нерусского населения, как следует из подписей в журналах и под судебными решениями, была обучена грамоте [19]. Существенно ниже оказался уровень образованности заседателей русского происхождения в уездных учреждениях, где в среднем один, реже два человека, приложив заметное усилие, умели расписаться [20]. В связи с этим с 1784 г. под документами появлялись индивидуальные печати с аббревиатурой «СЗ» и инициалами соответствующего сельского заседателя; а весной 1786 г. по указу наместнического правления для неграмотных использование таких печатей стало обязательным [21].

Как уже говорилось, одним из наиболее подходящих способов получения достоверных сведений о вовлеченности в производственный процесс является установление степени посещаемости сельских заседателей, а также, что, на наш, взгляд имеет не меньшее значение, анализ документов, отражающих отношение к этой проблеме со стороны руководства учреждений.

Согласно закону, как члены судейского аппарата, сельские заседатели имели право на увольнение «в домовые отпуска» продолжительностью до 29 дней в течение одного периода заседания. В свое место жительства им разрешалось отлучаться не только между периодами заседания суда, а также и во время неотложных сельскохозяйственных работ, в связи с праздниками, либо в случае заболевания, либо по семейным обстоятельствам и другим личным причинам. Отказы на частые просьбы о временном увольнении в изученных документах не встречаются. Как правило, в журнал присутствия заносились дата, срок и причина увольнения. Затем обеспеченные билетом сельские заседатели регулярно возвращались на 10–20 дней в свои деревни не только «для своих домашних надобностей», но и чтобы поднять хозяйство заболевшего родственника, свататься или взять из дома зимние вещи и припасы [22]. Чаще всего сельские заседатели «продлевали» свое пребывание в родном селе, чтобы лечиться от «приключившейся весьма тяжелой болезни на руке» [23].

Пример Верхотурской нижней расправы показывает, что на практике подобное истолкование предоставленного им права нередко приводило к явному расхождению между установленным законодательством и фактическим количеством присутственных дней. Например, из ежемесячно отправляемых в вышестоящие инстанции ведомостей «о присутствии Верхотурской нижней расправы» следует, что в период с 1785 по 1790 г. сельские заседатели находились на месте службы 28–87% присутственных дней в году [24].

Описанное поведение вполне одобрялось руководством этого суда. Превышение же позволенных сроков (от нескольких дней до целого месяца) было достаточно распространенным явлением. Такие нарушения либо совсем не упоминались (в таких случаях о возвращении сельского заседателя на служебное место свидетельствует лишь соответствующая запись в журнале присутствия), либо вели к напоминаниям. В итоге, однако, для опоздавшего они никаких более серьезных последствий, чем требования прочесть именной указ «о скорейшем решении дел» от 10 февраля 1763 г., не имели [25].

Реакция руководства суда на проверочные мероприятия позволяет предположить, что подобная «снисходительность» была мотивирована стремлением убедить вышестоящие инстанции в безупречном функционировании учреждения. После того как в начале 1786 г. областной прокуратурой было обнаружено, что в части выставленных Верхотурским сельским заседателям отпускных билетов нерегулярно были указаны сроки [26], этому вопросу начали уделять пристальное внимание. Впоследствии в журналах 1786–1787 гг. все передвижения сельских заседателей тщательно фиксировались. Теперь длительные задержки влекли за собой наведение справок через волостного старосту, земского исправника или лекаря. Важным рычагом дисциплинарного воздействия в таких случаях стало использование системы коллективного поручительства [27].

Скоро, тем не менее, все вернулось в прежнее русло. Сельским заседателям разрешалось «буде нет дел чрезвычайных» увольняться [28]. Из Перми следовали напоминания о том, «чтобы отлучило присутствие только для выездных заседаний» [29]. В журналах присутствия по-прежнему отмечаются довольно длительные периоды отсутствия одного или нескольких заседателей при одновременном наличии их индивидуальных печатей под документами [30].

Верхотурская нижняя расправа не представляла собой исключения; подобные практики были распространены и в других учреждениях региона. Сельские заседатели отпрашивались в свои дома по состоянию здоровья, на похороны родственника или для того, чтобы готовиться к зиме, но в большинстве случаев они задерживались по той причине, что в их хозяйствах теперь не хватало мужских рук [31]. Наличие подписей и личных печатей под документами указывает на то, что в заседаниях присутствия редко принимали участие все четыре заседателя, и то, в основном, в начале сессии; к середине периода заседания чаще всего «дежурили» по одному-два человека [32].

Сельские заседатели региона регулярно вовлекались в деятельность принимающих их судов. Во время проводимых совместно с нижним земским судом выездных заседаний в судебных округах знания сельских заседателей о местных условиях и обычаях, несомненно, были на пользу. Они помогали улаживать земельные и иные споры, допрашивать сбежавших с заводской работы крестьян, надзирать за строительными работами, оказывали переводческие услуги [33].

Гораздо сложнее оценить характер деятельности сельских заседателей в самом судебном учреждении. Известно, что двое из них, когда предстояли неотложные дела, должны были оставаться и между периодами заседания на служебном месте. Кроме того, в случае отсутствия кворума, их могли вызвать из отпуска [34]. Во время выездов или командировок расправного судьи и секретаря на сельских заседателей, как формальных членов судейского аппарата, возлагалась ответственность за учреждение. В таких случаях им доверялась казенная печать, повелевалось хранить, но не открывать до возвращения присутствия, входящую почту. Присутствие, о чем свидетельствуют записи в журналах, в эти дни отменялось [35].

Таким образом, к сельским заседателям, проходившим службу в сословных судах Пермского наместничества, не относились с «пренебрежительным равнодушием», как порой представлено в научной литературе [36]. Но говорить о полной реализации всех правительственных намерений, то есть о воплощении в жизнь созданной сверху общественной структуры, в которой все сословные группы сознательно пользовались предоставленными им правами для этого периода и региона, анализ документов также не позволяет [37]. На наш взгляд, доминирующим фактором во взаимоотношениях между представителями сельского населения и руководством принимающих судебных учреждений являлось стремление соблюсти все формальности. Обе стороны объединяло на данном этапе, прежде всего, их обоюдное старание совмещать требования центрального и местного законодательства с возможностями их осуществления в условиях отдаленной провинции, отличавшейся неоднородным социальным, этническим и религиозным составом населения.

Место и восприятие роли сельских заседателей в местной судебной системе были во многом неоднозначны, что и нашло свое отражение в формулярных списках присутствия. В документах одних учреждений данные о сельских заседателях были включены, в других сведения о них отсутствуют; в списках третьих учреждений они следовали в очередности за секретарем, а четвертые поступали каждый год по-новому [38]. Руководство соответствующих судебных учреждений решало этот вопрос в индивидуальном порядке, в зависимости от того, какой статус данная организация была готова отвести представителям сельского населения.

Подобная точка зрения подтверждается и снисходительностью, с которой местные власти относились к реальным возможностям сельских заседателей оказывать влияние на процесс отправления судопроизводства, и соответственно принимать на себя часть ответственности за деятельность суда. Взыскания за несоблюдение сроков и формальностей налагались не на весь состав судейского аппарата, а исключительно на расправного судью и секретаря [39].

Намерение законодателя определить правовой статус свободного сельского населения обуславливалось стремлением найти компромисс между несомненным желанием распространить государственную судебную систему на свободное сельское население, с одной стороны, и его опасением перед тем, как подобное вмешательство в существующее общественное устройство могло быть воспринято дворянством – с другой. Вполне возможно, что подобные мотивы подвигли авторов «Учреждений» к вышеупомянутым ограничениям – к решению оставить создание крестьянских сословных судов факультативным, а также к дополнению о том, что в заседатели сельских судов могут быть выбраны и представители других сословий. По той же причине на предоставление чина представителям крестьянского сословия правительство не решилось, поскольку принятие такого, не учитывающего межсословных отношений, шага, как, на наш взгляд, совершенно правильно отметил А. Б. Каменский, ссылаясь на О. А. Омельченко, оказалось бы немыслимым в условиях России второй половины XVIII в. [40]

Распространение государственной правовой и судебной системы на часть крестьянства являлось своего рода социальным экспериментом, к реализации которого законодатель приступал постепенно и с большой осторожностью. Решение самого сложного вопроса – определение правового статуса сельских представителей – было длительным процессом, и к тому времени, когда реформа проводилась во всех регионах страны, еще далеко не законченным. Возникавшие в ходе реализации реформы проблемы нередко становились поводом к появлению новых решений и разъясняющих документов.

Так, на Среднем Урале, вскоре после открытия новых присутственных мест, интересовавшиеся своим положением сельские заседатели стали поднимать вопрос об их «увольнении от исправления заводских работ». Наместническое правление в ответ на это приняло решение о том, чтобы они в течение всего срока исполнения должности «заводские работы исправили наймом

или каким другим образом беспрепятственно», поскольку статус сельского заседателя не подразумевал их освобождения от платежа государственных податей [41].

Примечания

1. Каменский А. Б. Сословная политика Екатерины II // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 42–43.
2. Писарькова Л. Ф. Развитие местного управления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право. // Отечественная история. 2001. № 2. С. 29.
3. ПСЗ-1. Т. 20. №. 14392. Ст. 335.
4. Там же. Ст. 35, 37, 50, 52, 74–75, 335, 337, 351, 356, 358.
5. ПСЗ-1. Т. 20. № 14392. Ст. 58, 66, 72, 75; Т. 44. Ч. 2. С. 255–257.
6. Блинов И. А. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 151; Готье Ю. В. История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II. М., 1941. Т. 2. С. 199–200; Градовский А. Д. Собрание сочинений А. Д. Градовского. Т. 9. Начала русского государственного права. Ч. 3. Органы местного управления. СПб., 1904. С. 117–119; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 22; Исаев И. А. История государства и права России: учебник. М., 1996. С. 205; Павлова-Сильвянская М. П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной и педагогической деятельности Б. В. Кафенгауза. М., 1964. С. 484, 490; Baberowski J. Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt a.M., 1996. P. 23–29; Kaiser F. B. Die russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. bis 1917. Leiden, 1972. P. 17.
7. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. (Опыт целостного анализа). М., 2001. С. 26–45; Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993; Слободняк И. П. Реформа судебной системы в России в период «просвещенного абсолютизма» // Сборник обзоров и рефератов / гл. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2004. С. 122–123; Scharf C. Modernisierung und Absolutismus: Die Reformen Katharinas II. von Russland // Begegnungen Schriftenreihe des Europa Institutes Budapest. Band 22. URL: <http://www.europainstitut.hu/index.php/publikationen/begegnungen/17-begegnungen/488-begegnungen22scharf>. (дата обращения 12.06.2013).
8. Воропанов В. А. Практика местного правосудия: государственные суды для сельских обывателей Оренбургской губернии в последней четверти XVIII – начале XIX вв. // Ab imperio. 2002. № 3. С. 149; он же. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. Челябинск, 2005. С. 44–49.
9. Воропанов В. А. Власть и население в российской провинции: опыт сотрудничества в губернских органах управления и суда (последняя четверть XVIII в.). URL <http://vestnik.uara.ru/ru-ru/issue/2008/03/21> (дата обращения 28.9.2013).
10. Миненко Н. А. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века / Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова, Н. А. Миненко, И. В. Побережников. М., 2003. С. 25, 73; она же. Традиционная русская культура в условиях горнозаводского Урала XVIII–XIX вв. // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 28–32.
11. ПСЗ-1. Т. 22. № 15115. П. 4.
12. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 316. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
13. ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 111; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 491. Оп. 1. Д. 106. Л. 127; Д. 159. Л. 165, 185; Д. 298. Л. 126, 138, 160; Д. 377. Л. 187.
14. ГАПК. Оп. 1. Д. 46. Л. 122–124, 134–137, 139–140, 194–195; ГАСО. Ф. 491. Д. 179. Л. 1–2; 13–14.
15. ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–5; Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 122–124; 134–137; ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–2; 13–14; Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.
16. ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 221.
17. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 107. Л. 353.
18. Готье Ю. В. История областного управления в России. 1941. С. 269.
19. ГАПК. Ф. 4. Д. 1. Л. 5; Ф. 290. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 344; Ф. 20. Л. 127.
20. ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; Ф. 290. Д. 39. Л. 47, 142; ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 3; Д. 417. Л. 1.
21. ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 9. Л. 121, Д. 25. Л. 54; ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 161. Л. 3; Д. 218. Л. 3; Д. 283. Л. 10.
22. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 175. Л. 121; Д. 261. Л. 1; Д. 283. Л. 10, 17; Д. 356. Л. 118.
23. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 98. Л. 212, 280, 288; Д. 256. Л. 67; Д. 260. Л. 121; Д. 377. Л. 47.
24. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 159. Л. 75, 81, 89, 94; Д. 181. Л. 1, 5, 7, 9, 13, 16–18; Д. 184. Л. 1–12; Д. 222. Л. 1–4, 7, 10–13; Д. 424а. Л. 164.
25. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 112. Л. 150–151; Д. 175. Л. 5, 11, 78.
26. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 99. Л. 71.
27. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 99. Л. 42–43, 45, 75, 86, 102–103.
28. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 261. Л. 1; Д. 283. Л. 17.
29. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 316.
30. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 16, 89; Д. 161. Л. 97–108; Д. 175. Л. 3–28; Д. 377. Л. 47–64, 104.
31. ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 6. Л. 7, 22; Ф. 569. Оп. 1. Д. 26. Л. 165–166, Д. 60. Л. 147.
32. ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 95; Д. 26а. Л. 3; Д. 56. Л. 176; ГАСО. Ф. 491. Д. 84. Л. 7; Д. 130. Л. 11; ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 14. Л. 3; Д. 110. Л. 8; Д. 179. Л. 13.
33. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 23; Д. 6. Л. 181, 193; Ф. 290. Оп. 1. Д. 9. Л. 105; ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 115. Л. 2–3.
34. ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 9. Л. 152.
35. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 175. Л. 74; Д. 258. Л. 24; Д. 261. Л. 59.

36. Гессен В. М. Старый суд // Судебная реформа: сб. / под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. Т. 1. М., 1905. С. 10.
37. Воропанов В. А. Практика местного правосудия. С. 149.
38. ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33. Л. 17; Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 99, 122–124, 134–137, 139–140, 154–157, 168–169, 194–195, Д. 47; Д. 111; Д. 112; Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–3; ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–2, 13–16, 22–24, 34–36; Д. 290. Л. 16–17, 31–32.
39. ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 25. Л. 124; Ф. 569. Оп. 1. Д. 56. Л. 181; ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 107. Л. 250–253, 373, Д. 108. Л. 499.
40. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 430.
41. ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 4. Л. 31; Д. 5. Л. 386, 390–400; ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 85.

Notes

1. Kamenskij A. B. Soslovnaya politika Ekateriny II [Class policy of Catherine II] // Voprosy istorii – Questions of history. 1995, No. 3, pp. 42–43.
2. Pizar'kova L. F. Razvitie mestnogo upravleniya v Rossii do Velikih reform: obychaj, povinnost', pravo [Development of local government in Russia before the Great reforms: custom, duty, right] // Otechestvennaya istoriya – Domestic history. 2001, No. 2, p. 29.
3. CCL 1. Vol. 20. No. 14392. Art. 335.
4. Ibid. Art. 35, 37, 50, 52, 74–75, 335, 337, 351, 356, 358.
5. CCL 1. Vol. 20. No. 14392. Art. 58, 66, 72, 75; Vol. 44. Part 2. Pp. 255–257.
6. Blinov I. A. Gubernatory: istoriko-yuridicheskij ocherk [Governors: historical and legal essay]. SPb. 1905. P. 151; Got'e YU. V. Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii. Ot Petra I do Ekateriny II [History of regional governance in Russia. From Peter I to Catherine II]. M. 1941. Vol. 2. Pp. 199–200; Gradovskij A. D. Gradovskij A. D. Sobranie sochinenij A. D. Gradovskogo. T. 9. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. CH. 3. Organy mestnogo upravleniya [Works of A. D. Gradovskogo. Vol. 9. The beginning of Russian state law. Part 3. Local authorities]. SPb. 1904. Pp. 117–119; Eroshkin N. P. Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii [History of public institutions of pre-revolutionary Russia]. M. 1983. P. 22; Eroshkin N. P. Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii [History of state and law of Russia: textbook]. M. 1996. P. 205; Pavlova-Sil'vyanskaya M. P. Social'naya sushchnost' oblastnoj reformy Ekateriny II [Social nature of the provincial reform of Catherine II] // Absolyutizm v Rossii (XVII–XVIII vv.): sb. st. k semidesyatiletiyu so dnya rozhdeniya i sorokapyatiletiyu nauchnoj i pedagogicheskoy deyatel'nosti B. V. Kafengauza - The absolutism in Russia (XVII–XVIII centuries): collection of articles to the seventieth anniversary from the birthday and forty-fifth anniversary of scientific and pedagogical activity of B. V. Kafengauz]. M. 1964. P. 484, 490; J. Baberowski Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt a.M., 1996. Pp. 23–29; Kaiser F. B. Die russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. bis 1917. Leiden, 1972. P. 17.
7. Kamenskij A. B. Ot Petra I do Pavla I. Reformy v Rossii XVIII veka. (Opyt celostnogo analiza) [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia XVIII century. (The experience of a holistic analysis)]. M. 2001. Pp. 26–45; Omel'chenko O. A. «Zakonnaya monarhiya» Ekateriny II. Prosveshchennyj absolyutizm v Rossii [“Legitimate monarchy” of Catherine II. Enlightened absolutism in Russia]. M. 1993; lobodnyak I. P. Reforma sudebnoj sistemy v Rossii v period «prosveshchennogo absolyutizma» [Reform of the judicial system in Russia in the period of “enlightened absolutism”] // Sbornik obzorov i referatov - Collection of reviews and abstracts / chief editor Yu. S. Pivovarov. M. 2004. Pp. 122–123; Scharf C. Modernisierung und Absolutismus: Die Reformen Katharinas II. von Russland // Begegnungen Schriftenreihe des Europa Institutes Budapest. Band 22. Available at: <http://www.europainstitut.hu/index.php/publikationen/begegnungen/17-begegnungen/488-begegnungen22scharf>. (accessed 12.06.2013).
8. Voropanov V. A. Praktika mestnogo pravosudiya: gosudarstvennye sudy dlya sel'skih obyvatelej Orenburgskoj gubernii v poslednej chetverti XVIII – nachale XIX vv. [Practice of local justice: state courts for the rural inhabitants of Orenburg province in the last quarter of XVIII – early XIX centuries] // Ab imperio – Ab imperio. 2002, No. 3, pp. 149. Also him. udebnaya sistema Rossijskoj imperii na Urale i v Zapadnoj Sibiri [The judicial system of the Russian Empire in the Urals and Western Siberia]. Chelyabinsk. 2005. Pp. 44–49.
9. Voropanov V. A. Vlast' i naselenie v rossijskoj provincii: opyt sotrudnichestva v gubernskih organah upravleniya i suda (poslednyaya chetvert' XVIII v.) [Power and population in the Russian province: the experience of cooperation to the provincial government and the court (last quarter of XVIII century)]. Available at: <http://vestnik.uapa.ru/ru/EN/issue/2008/03/21> (accessed on 28.9.2013).
10. Minenko N. A. Sel'skoe i gorodskoe samoupravlenie na Urale v XVIII – nachale XX veka [Rural and urban self-government in the Urals in the XVIII – early XX century] / Y. Y. Apkarimova, S. V. Golikova, N. A. Minenko, E. V. Poberezhnikov. M. 2003. P. 25, 73; Also she. Tradicionnaya russkaya kul'tura v usloviyah gornozavodskogo Urala XVIII–XIX vv. [Traditional Russian culture in the conditions of the mining of the Urals XVIII–XIX centuries]. // Ural'skij istoricheskij vestnik – Ural historical journal. 1995, No. 2, pp. 28–32.
11. CCL 1. Vol. 22. No. 15115. P. 4.
12. State archive of Perm Region (GAPK). F. 316. Inv. 1. File 21. Sh. 1.
13. GAPK. F. 316. Inv. 1. File 111; State archive of the Sverdlovsk region (GASO). F. 491. Inv. 1. File 106. Sh. 127; File 159. Sh. 165, 185; File 298. Sh. 126, 138, 160; File 377. Sh. 187.
14. GAPK. Inv. 1. File 46. Sh. 122–124, 134–137, 139–140, 194–195; GASO. F. 491. File 179. Sh. 1–2; 13–14.
15. GAPK. F. 290. Inv. 1. File 6. Sh. 3 5; F. 316. Inv. 1. 46. Sh. 122–124; 134–137; GASO. F. 491. Inv. 1. File 179. Sh. 1–2, 13–14; F. 591. Inv. 1. File 5. Sh. 3.

16. GAPK.F. 569. Inv. 1. File 16. Sh. 221.
17. GASO. F. 491. Inv. 1. File 107. Sh. 353.
18. Gauthier J. V. Got'e YU. V. Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii [History of regional management in Russia]. 1941. P. 269.
19. GAPK. F. 4. File 1. Sh. 5, F. 290. Inv. 1. 6. Sh. 1; F. 569. Inv. 1. File 16. Sh. 344; F. 20. Sh. 127.
20. GAPK. F. 3. Inv. 1. File 5. Sh. 1; f. 290. File 39. Sh. 47, 142; GASO. F. 491. Inv. 1. File 101. Sh. 3, File 417. Sh. 1.
21. GAPK. F. 290. Inv. 1. File 9. Sh. 121, 25. Sh. 54; GASO. F. 491. Inv. 1. File 161. Sh. 3, File 218. Sh. 3, File 283. Sh. 10.
22. GASO. F. 491. Inv. 1. File 175. Sh. 121; File 261. Sh. 1; File 283. Sh. 10, 17; File 356. Sh. 118.
23. GASO. F. 491. Inv. 1. File 98. Sh. 212, 280, 288; File 256. Sh. 67; File 260. Sh. 121; File 377. Sh. 47.
24. GASO. F. 491. Inv. 1. File 159. Sh. 75, 81, 89, 94; File 181. Sh. 1, 5, 7, 9, 13, 16-18; File 184. Sh. 1-12; File 222. Sh. 1-4, 7, 10, 13; File 424a. Sh. 164.
25. GASO. F. 491. Inv. 1. File 112. Sh. 150-151; File 175. Sh. 5, 11, 78.
26. GASO. F. 491. Inv. 1. File. 99. Sh. 71.
27. GASO. F. 491. Inv. 1. File 99. Sh. 42-43, 45, 75, 86, 102-103.
28. GASO. F. 491. Inv. 1. File 261. Sh. 1; File 283. L. 17.
29. GASO. F. 491. Inv. 1. File 101. Sh. 316.
30. GASO. F. 491. Op. 1. File 101. Sh. 16, 89; D. 161. L. 97-108; 175. Sh. 3-28; File 377. Sh. 47-64, 104.
31. GAPK. F. 290. Inv. 1. File 6. Sh. 7, 22; F. 569. Inv. 1. File 26. Sh. 165-166, File 60. Sh. 147.
32. GAPK. F. 569. Inv. 1. File 16. Sh. 95; File 26a. Sh. 3; No. 56. Sh. 176; GASO. F. 491. File 84. Sh. 7, File 130. Sh. 11; GASO. F. 771. Inv. 1. File 14. Sh. 3; File 110. Sh. 8, File 179. Sh. 13.
33. GASO. F. 4. Inv. 1. 6. Sh. 23; 6. Sh. 181, 193; F. 290. Inv. 1. File 9. Sh. 105; GASO. F. 491. Inv. 1. File 115. L. 2-3.
34. GAPK. F. 290. Inv. 1. File 9. Sh. 152.
35. GASO. F. 491. Inv. 1. 175. Sh. 74; File 258. Sh. 24; File 261. Sh. 59.
36. Gessen V. M. Gessen V. M. Staryj sud [Old court] // Gessen V. M. Staryj sud – Court reform: proceedings / ed. V. Davydov, N. N. Polanski. Vol. 1. M. 1905. P. 10.
37. Voroponov V. A. Praktika mestnogo pravosudiya [Practice of local justice]. P. 149.
38. GAPK. F. 3. Inv. 1. File 33. Sh. 17; F. 316. Inv. 1. File 46. Sh. 99, 122-124, 134-137, 139-140, 154-157, 168-169, 194-195, File 47; File 111, File 112; F. 569. Inv. 1. File 3. Sh. 2-3; GASO. F. 491. Inv. 1. File 179. Sh. 1-2, 13-16, 22-24, 34-36; File 290. Sh. 16-17, 31-32.
39. GAPK. F. 290. Inv. 1. File 25. Sh. 124; F. 569. Inv. 1. 56. Sh. 181; GASO. F. 491. Inv. 1. File 107. Sh. 250-253, 373, 108. Sh. 499.
40. Kamenskij A. B. Ot Petra I do Pavla I [From Peter I to Paul I] P. 430.
41. GAPK. F. 569. Inv. 1. File. 4. Sh. 31; File 5. Sh. 386, 390-400; GASO. F. 491. Inv. 1. File 101. Sh. 85.

УДК 940.2

А. С. Зинченко

Формирование революционного мировоззрения В. Ф. Костюрина

В статье рассматривается первый этап формирования мировоззрения одного из революционеров-народников 1870-х гг. Виктора Федоровича Костюрина. Изложена подробная биография В. Ф. Костюрина, рассмотрены семейные взаимоотношения и связи, которые были приобретены во время обучения в гимназии и университете. Дается описание исторической ситуации накануне «хождения в народ» и отношения В. Ф. Костюрина к нелегальной пропагандистской деятельности, в том числе к революционным элементам общества. В частности, рассмотрено отношение Виктора Федоровича к декабристам, землевольцам и нечаявцам.

При написании данной статьи автором были использованы материалы Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Тюменской области и Государственного исторического музея. В работе также использованы рукописные материалы В. Ф. Костюрина, которые были написаны им в Тобольской ссылке.

The article deals with the first stage in the formation of one of the world revolutionary populists of the 1870s. Viktor Fedorovich Kostyurin. Presented detailed biography V. F. Kostyurin are considered family relationships and bonds that were acquired during training in high school and university. The description of the historical situation on the eve of "going to the people" and the relationship of V. F. Kostyurin to illegal propaganda activities, including the revolutionary elements of society. In particular, we consider the ratio of V. F. the Decembrists, and Land and nechayavtsam.

When writing this article, the author of materials were used the Russian State Archive, the State Archive of Tyumen Region and the State Historical Museum. We used manuscripts V. F. that have been decorated by the author in Tobolsk link.

Ключевые слова: народник, революционер, «хождение в народ», студент, депутат.

Keywords: "Going to the people", populist, revolutionary, student, deputy.

На современном этапе развития исторической науки продолжается спад интереса к российскому революционному движению, и в частности к изучению деятельности народничества. За последние десять лет издано крайне незначительное число обобщающих работ по данной теме [1]. Более того, по-прежнему недостаточно изученными остаются вопросы, связанные с формированием революционных взглядов отдельных представителей народнического движения, хотя нельзя сказать, что в данном направлении ничего не сделано. В последние годы появилось несколько интересных статей на эту тему [2]. Но, к сожалению, в отношении изучения абсолютного большинства биографий революционеров-народников «второго плана» в настоящее время сделано очень мало.

Одним из таких деятелей является Виктор Федорович Костюрин (1853–1919), в революционной жизни которого своеобразно отразились многие значимые тенденции развития народнического сознания. Для выходца из мелко дворянского рода, пополнившего ряды радикально настроенной интеллигенции, биография В. Ф. Костюрина, представляется как вполне типичная, так и индивидуальная.

Виктор Федорович Костюрин, сын военного чиновника, родился 24 июля 1853 г., вырос в Дубоссарах, городе в Херсонской губернии. Семейный достаток семьи Костюриных был невелик, сам В. Ф. Костюрин отмечал: «...нас было семь сыновей у нее; пока мы были маленькие, служба отца, большой виноградный сад, небольшое имение давали возможность жить не широко» [3]. Поэтому с 4-го класса В. Ф. Костюрин начал зарабатывать деньги уроками, отдавая их матери на хозяйство.

В своих воспоминаниях В. Ф. Костюрин указывал, что в глухой провинции не было даже возможности пользоваться газетой – считалось роскошью, дорого стоила. Зато в родительском сундуке он нашел «Отечественные записки» за 50-е гг. и перечитал их неоднократно [4].

В 1861 г. Виктор Федорович поступил в провинциальный французский пансион. По воспоминаниям Марии Николаевны (Емельяновой) Костюриной, за четыре года обучения В. Ф. Костюрин жаловался на отсутствие каких-либо газет, что влекло весьма скучный досуг. Однако за время обучения в пансионе в Дубоссарах, в условиях отсутствия возможности получать новые знания, у Костюрина только возросла мотивация к знаниям [5].

В 1865 г. Виктора Федоровича Костюрина отправляют на обучение в Кишиневскую гимназию, за год до поступления 19 ноября 1864 г. Министерством народного просвещения утвержден новый «Устав гимназий и прогимназий» [6]. Новый устав предусматривал наличие в империи классических (с правом поступления в университет – без вступительных испытаний) и реальных (без права поступления в университет) гимназий. Также новый закон декларировал всеобщность и отменил телесные наказания. Однако прогресс был относительным, поскольку устав 1864 г. вводил такую высокую плату за обучение, что она закрывала доступ простому народу. К тому же на практике наиболее распространенным стал тип неполноценной классической гимназии, из программ которой был изъят греческий язык, а в некоторых губерниях существовала только реальная гимназия, что исключало для местной молодёжи возможность выбора и, как указывалось ранее, возможности поступления в университет [7].

Согласно новому уставу Виктор Федорович Костюрин поступил во второй класс классической гимназии в двенадцать лет. Первое время обучения В. Ф. Костюрин имел доступ только к ограниченной литературе, такой как «Подснежник» Чистякова, и только в старших классах появляется возможность пользоваться общей библиотекой – «но для чтения не было хороших руководителей». Сам В. Ф. Костюрин жаловался, что «не было ни одного литературного вечера для учеников» [8]. Стоит отметить, что подобные вечера устраивались для педагогического состава гимназии, встречи были направлены на укрепление профессиональных связей между учителями и развитию самообразования посредством знакомства с педагогической литературой (отечественной и зарубежной). У самих гимназистов в большой моде были драки с семинаристами, «ежедневно по приходе в класс мы собирались вокруг великовозрастных и с любопытством слушали рассказы о вчерашних подвигах, – ожесточение этих драк доходило до того, что иногда гимназисты и семинаристы бросали друг друга в воду; редкий день проходил без того, чтобы кто-нибудь из "героев" не щеголял перед слушателями синяками на всем теле, эти синяки были какими-то своеобразными трофеями, которые демонстрировались перед восхищенной толпой». Помимо драк гимназисты, в том числе и Виктор Федорович, массово занимались гимнастикой [9].

Нельзя забывать, что 1863 г. стал последним годом первого революционного подъема. С 1864 г. началась полоса временного спада освободительной борьбы по 1868 г. включительно.

Массовое движение резко пошло на убыль: если в 1861 г. насчитывалось 1859 крестьянских волнений, в 1862 г. – 844, а в 1863 г. – 509, то в 1864 г. их оказалось всего 156, в 1865 г. – 135, в 1866 г. – 91, в 1867 г. – 68 и в 1868 г. – 60 [10]. Всероссийская организация революционеров «Земля и воля», строившаяся в расчете на крестьянское восстание 1863 г., лишилась перспективы и прибегла к самороспуску. Ведущие деятели первого революционного подъема были тогда уже в могиле (Н. А. Добролюбов, Т. Г. Шевченко, А. А. Потебня), за тюремной решеткой (Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, И. В. Шелгунов, Н. А. Серно-Соловьевич, М. Л. Михайлов, В. А. Обручев, С. С. Рымаренко), в эмиграции (наряду с А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, М. А. Бакуниным, которые эмигрировали ранее, Н. И. Утин, А. А. Слепцов, А. А. Серно-Соловьевич, М. К. Элпидин). Учитывая государственные репрессии, проникновение «неблагонадежной литературы» было весьма ограничено. Более того, в апреле 1866 г. произошло покушение на жизнь государя в виде единоличного акта Д. В. Каракозова, покушение закончилось неудачей. После данного покушения в империи начались суровые репрессии над «вредными направлениями», в том числе они распространялись на периодические издания [11] как следствие «по Высочайшему повелению, объявленному министру внутренних дел представителем комитета министров 28-го мая, журналы “Современник” и “Русское слово”, вследствие доказанного с давнего времени вредного их направления, прекращены» [12]. Стоит отметить, что закрывались не только периодические издания в России, также прекратилось с 1867 г. издание «Колокола». Как отмечает Н. А. Троицкий, «либералы удовлетворялись дарованными реформами и пошли на сделку с правительством» [13]. Даже в случае революционного подъема в стране вероятность, что в гимназию могли проникнуть запрещенные элементы, была равна нулю.

В последний год обучения, благодаря приезжему из другой гимназии ученику, составилась небольшой кружок для чтения, но, учитывая, что надо было готовиться к выпускному экзамену, чтение шло урывками, больше «зубрили» учебники. По утверждению М. В. Фроленко, «во время нахождения в Кишиневе у В. Ф. Костюрина не было возможности ознакомиться с периодической печатью, как следствие ученики гимназии ничего не знали о жизни за стенами гимназии», сам же В. Ф. Костюрин в своих воспоминаниях указывал, что до поступления в университет имел возможность ознакомиться с литературой «умеренного пропагандистского» толка – «в голове теснились сплошь лишь фантастические или героические образы... бунт Стеньки Разина, сцены в Астрахани, сцена казни Стеньки, “Капитанская дочка”... Костюшко, Гарибальди, Петр Великий... как смутный сон стояли сцены последних дней крепостного права, случаи кулачной расправы с безответными крестьянами и детские клятвы мести учителям народа» [14].

Замкнутость в стенах гимназии и влияние семьи не позволили «зародить» у В. Ф. Костюрина протестных взглядов. Уже после экзаменов в гимназии В. Ф. Костюрин наткнулся на отчет о процессе С. Г. Нечаева в небольшой газетке, первое впечатление было таково: «...я дал себе слово не участвовать ни в каком деле, конечных целей и всех участников которого я бы не знал» [15]. Негативное восприятие любой нелегальной деятельности было обусловлено тем, что в 1860-х гг. в провинции, где прошло детство В. Ф. Костюрина, слово «студент» считалось синонимом «заговорщик», по воспоминаниям Виктора Федоровича, «...дома только и приходилось слышать – “смотри, пожалуйста, не попадись! Там тебя обязательно завербуют!”» [16]. Несмотря на это отношение к декабристам было прямо «благоевуйное», как к мученикам за идею. Учитывая, что по окончании гимназии о жизни гимназисты не имели ни малейшего понятия, так как они ее не видели и не знали ни по газетам, ни по книжкам, которых не читали, то целью многих было наверстать упущенное. В это время много говорилось о А. И. Герцене и его «Колоколе», о влиянии и осведомленности А. И. Герцена, так как он продолжал порождать целые легенды, в том числе о нелегальной деятельности, ставшей ореолом героизма, который стал обязывающим для каждого честного человека [17].

Отец и дядя долго выбирали, куда отправить в университет В. Ф. Костюрина, чтобы он не подвергся революционному влиянию. Сначала они надумали послать его в Швейцарию (Цюрих), но Швейцария к этому времени оказалась очагом революции. Тогда они ухватились за Технологический институт в Питере, но и он их разочаровал. Наконец, остановились на Одессе. Здесь университет только что образовался из бывшего Ришельевского лицея и еще не имел революционных традиций [18]. Поступив в 1871 г. в Императорский Новороссийский университет на физико-математический факультет [19], В. Ф. Костюрин отвергает любую возможность в участии незаконной деятельности: «Я поступил в университет, как я уже говорил, с твердым намерением не поддаваться никакой “нечаевщине” и таинственной загадочности... либеральные фразы вызывали у меня презрительное отношение, которое я не скрывал и в первое время часть студенчества считала меня, как и вообще всех нас, чистых математиков... людьми совершенно безнадежными в отношении политики» и это несмотря на то, что в империи в это время проходил процесс

над «нечаевцами» [20]. При детальном изучении данного вопроса Н. А. Троицкий справедливо отмечал: «Суд над участниками нечаевской организации “Народная расправа” (Петербург, 1 июля – 11 сентября 1871 г.) занимает особое место среди политических процессов в царской России как первое испытание судебных уставов 1864 г. на политическом деле» [21]. Процесс приобрел большую гласность, что не могло не вызвать у студенческой среды начала 70-х гг. сопереживание и сочувствие к подсудимым. Но все получилось наоборот, С. А. Мусин-Пушкин в своих воспоминаниях отмечает: «Неразборчивость в средствах, мистификации, обман, к которым прибегал С. Г. Нечаев при вербовке в свой кружок, встретили среди тогдашней молодежи резкое отрицательное к себе отношение». Стоит отметить, что если исключить саму фигуру С. Г. Нечаева, то процесс действовал на молодое поколение «положительно», так как участники процесса «держались на суде в высшей степени стойко». Это произвело на колеблющихся особое впечатление и дало осознание того, что деятельность подсудимых направлена на «службу народу» [22]. Между тем обвинение («заговор с целью ниспровержения правительства во всем государстве и перемены образа правления в России»), хотя и делилось между разными группами подсудимых (составление и участие заговора, пособничество, недонесение) [23], придавало «нечаевскому процессу» политическую значимость. Это подчеркивало масштабы процесса. По числу подсудимых дело «нечаевцев» из всех народнических процессов уступает только процессу «193-х» – как самому крупному политическому делу в истории царской России. К следствию по делу «нечаевцев» были привлечены 152 чел., но 65 из них, в том числе М. А. Натансона, Н. Ф. Анненского, Н. Ф. Даниельсона, А. А. Черкесова, В. Засулич [24], властям пришлось освободить ввиду недостатка улик. Как следствие, суду должно было быть предано 87 обвиняемых, но восемь человек по разным причинам (смерть, побег, отсутствие доказательств) не сели на скамью подсудимых [25].

Недели через две после начала занятий, по семейным обстоятельствам, В. Ф. Костюрин уехал на несколько дней в Кишинев домой. Возвращаясь назад, по дороге он узнал, что университет закрыт и часть студентов ждут суда. Уже по приезду В. Ф. Костюрин от товарищей узнает о причинах данного обстоятельства. В начале учебного года (в октябре) профессор Б. В. Богишич, ввиду своего «высокомерного отношения к студентам», оскорбил на лекции первокурсника – «обругав его дураком» [26]. Слух о данном происшествии разнесся по всему университету, студенты собрали собрание и выдвинули требование уволить Б. В. Богишича. Б. В. Богишич хотел уйти в отставку, но начальство считало, что уступать студентам нельзя, и заставило Б. В. Богишича продолжать лекции. Студенты ответили сходками, которые организовывали в университете, и бойкотом профессора. Как следствие, университет был закрыт, и начался суд над «зачинщиками» и «главарями» беспорядков. В число таковых прежде всего попали «наиболее резкий оратор», студент III курса юридического факультета А. И. Желябов и вместе с ним еще студент Белкин. Их исключили из университета, а администрация, забрав – по принятому обычаю – их «бумаги» из канцелярии, решила выслать их «на родину» [27]. После высылки Желябова и Белкина администрация университета потребовала подписку от студентов, что они никогда никаких сходок учинять больше не будут. После малых колебаний 400 человек дают подписку и только 60, в том числе и В. Ф. Костюрин, упорствуют, но затем, желая продолжать обучение, дают ее.

Университет открыли, занятия были продолжены, но, несмотря на подписку, студенты решили завести студенческую кухмистерскую и организовать кружки по курсам и факультетам, с тем чтобы депутаты кружков собирались регулярно для обсуждения текущих дел. В. Ф. Костюрин вспоминает: «Группа шестидесяти первое время держалась довольно дружно – из ее среды выбирались и курсовые депутаты и заведующие кассой, кухмистерской председатели общих сходок» [28]. Стоит заметить, что создание кружков не сопровождалось антигосударственными лозунгами, за исключением небольшой группы, составлявшей ядро группы 60-ти, все одесское студенчество к словам «революция», «социализм» относились отрицательно и враждебно, и очень опасно к тем из товарищей, а тем более посторонних людей, кого можно было бы заподозрить в тяготении к политике. Сам В. Ф. Костюрин отмечает, что «“нечаевец” было ругательным словом среди одесского студенчества» [29].

От курсов выбирали депутатов, среди которых был и В. Ф. Костюрин: «...я попал в депутаты первого курса математиков и получил такие полномочия от своего курса, предъявил его на собрании депутатов». Свои депутатские полномочия Виктор Федорович хранил в письменном столе, на квартире, где дядя арендовал для него комнату. На квартире также останавливался и отец В. Ф. Костюрина, когда приезжал в Одессу. Однажды возвратившись домой, Виктор Федорович застал в комнате разъяренных отца и дядю, нашедших в его столе депутатские полномочия, которые тут же были сожжены. Виктору Федоровичу удалось убедить отца и дядю, что данные полномочия даны ему с согласия курса и он не ведет деятельность по подрыву административного устоя университета. Когда В. Ф. Костюрин сообщил однокурсникам «о печальной участи, постигшей данную ему “верительную грамоту”, то они со смехом одобрили действия отца и дяди» [30].

Первый год обучения в университете «пролетел незаметно», большую часть свободного времени Виктор Федорович усиленно занимался, собираясь поочередно в разных квартирах для составления лекций, и посещал театр.

Таким образом, можно с полной уверенностью констатировать факт, что до первого курса университета Виктор Федорович Костюрин был аполитичен, ориентирован на науку. Родители Виктора Федоровича приложили все силы и средства, чтобы привить ему трудолюбие и послушание. В это время В. Ф. Костюрин все еще находился под сильным влиянием отца, человека простого и без больших претензий, но всегда говорившего: «Лучше быть первым в деревне, чем последним в городе», – и выбиравшего себе службу в захолустье. Даже в случае конфликтов отец проявлял рассудительность и положительное отношение к каждому человеку, будь то прислуга или крестьяне. В своей автобиографической рукописи Виктор Федорович отмечает: «...я не сумею хорошо объяснить, как сложились мои народнические симпатия и взгляды... Старших товарищей, которые смогли бы повлиять на меня, у меня не было, к тому же я был страшно самолюбивым мальчуганом, который прежде всего ставил свою личную независимость, а отчасти может быть и неосознанное влияние отца, человека простого и без больших претензий» [31]. Однако нельзя отрицать тот факт, что несмотря на семейное отторжение любой революционной деятельности, историческая ситуация в стране прямо повлияла на формирование протестного мировоззрения у многих будущих революционеров, в том числе и у Виктора Федоровича Костюрина.

Примечания

1. Народники в истории России: межвуз. сб. Вып. 2. Воронеж, 2016; *Милевский О. А.* Ирландский фактор в российском освободительном движении 1860–1880-х гг.: к постановке проблемы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 70–90; Пелевин Ю. А. Идеейные основы «Земли и воли» // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 3–19.
2. *Милевский О. А. С. Л.* Перовская: становление революционерки (опыт психологического портрета) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). С. 62–72; *Он же.* «Маленькая личность» на фоне больших чигиринских событий: судьба сельского учителя Ильи Фролова // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 5 (36). С. 553–562; *Пелевин Ю. А.* Александр Дмитриевич Михайлов // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 43–69.
3. ОПИ ГИМ Ф. 282. Оп. 1 ед. 335. С. 29.
4. Там же. С. 37.
5. Там же.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 39. Отд-ние первое. 1864. СПб., 1876. Т. 3.
7. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. СПб., 1902. С. 134.
8. Фроленко М. Ф. В. Ф. Костюрин. М.: Изд-во Всесоюз. О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. С. 8.
9. ОПИ ГИМ Ф. 282. Оп. 1. Ед. 335. 47 с.
10. Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг.: сб. документов. М., 1964. С. 798–800.
11. *Богучарский В.* Активное народничество семидесятых годов. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912. С. 56.
12. Северная почта. 1866. № 18.
13. *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976.
14. ОПИ ГИМ Ф. 282. Оп. 1. Ед. 335. 47 с.
15. Там же. С. 38.
16. Там же.
17. Там же. С. 39.
18. *Фроленко М. Ф.* Указ. соч. С. 10.
19. ГБУТО ГАТО Ф.Г-1 Д. 7 Л. 130 – Сибирский листок 1919 г. некролог М. Н. Костюриной.
20. ОПИ ГИМ Ф. 282. Оп. 1. Ед. 335. С. 39.
21. *Троицкий Н. А.* Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. С. 121.
22. *Мусин-Пушкин С. А. А. И.* Желябов // Голос минувшего. 1915. № 12.
23. Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 1 / под ред. Б. Базилювского. СПб., 1906. 350 с.
24. *Засулич В. И.* Воспоминания / под ред. Л. М. Сурица. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 23.
25. *Богучарский В.* Указ. соч. С. 147.
26. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: историческая записка профессора А. И. Маркевича и академические списки. Одесса: Экономическая типография, 1890. С. 490.
27. *Шехтер А.* Каторга и ссылка // Из далекого прошлого. 1923. № 5.
28. ОПИ ГИМ Ф. 282. Оп. 1. Ед. 335. С. 40.
29. Там же. С. 40 об.
30. Там же. С. 41.
31. Там же. С. 12.

Notes

1. Narodniki v istorii Rossii: mezhvuz. sb. – Populists in the history of Russia: interuniv. coll. Vol. 2. Voronezh. 2016; Milevskij O. A. Irlandskij faktor v rossijskom osvoboditel'nom dvizhenii 1860–1880h gg.: k postanovke problemy [Irish factor in the Russian liberation movement 1860–1880's: to statement of a problem] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of the Surgut State Pedagogical University. 2013, No. 4 (25), pp. 70–90; Pelevin YU. A. Idejnye osnovy «Zemli i voli» [Ideological foundations of the "Land and freedom"] // Voprosy istorii - Questions of history. 2014, No. 3, pp. 3–19.
2. Milevskij O. A. S. L. Perovskaya: stanovlenie revolyucionerki (opyt psihologicheskogo portreta) [S. L. Perovskaya: the making of a revolutionary (the experience of a psychological portrait)] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Herald of the Surgut State Pedagogical University. 2014, No. 4 (31), pp. 62–72. Also him. «Malen'kaya lichnost'» na fone bol'shih chigirinskih sobytij: sud'ba sel'skogo uchitelya Il'i Frolova ["Little person" against big Chigirinsk events: the fate of rural teacher Ilya Frolov] // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya - History magazine: researches. 2016, No. 5 (36), pp. 553–562. Pelevin J. A. Aleksandr Dmitrievich Mihajlov [Alexander Dmitrievich Mikhailov] // Voprosy istorii - Questions of history. 2011, No. 6, pp. 43–69.
3. OPI GIM F. 282. Inv. 1 Unit 335. P. 29.
4. Ibid. P.37.
5. Ibid.
6. Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 2d. Vol. 39. Dep. first. 1864. SPb. 1876. Vol.3. (in Russ.)
7. Rozhdestvenskij S. V. Istoricheskij obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya 1802–1902 [Historical overview of the activities of the Ministry of education 1802-1902]. SPb. 1902. P. 134.
8. Frolenko M. F. V. F. Kostyurin [F. V. Kostyurin]. M. Publishing house of the all-Union society of political convicts and exiles. 1928. P.8.
9. OPI GIM F. 282. Inv. 1. Unit 335. P. 47
10. Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1861–1869 gg.: sb. dokumentov – The peasant movement in Russia in the years 1861–1869: collection of documents. M. 1964. Pp. 798–800.
11. Boguchar'skij V. Boguchar'skij V. Aktivnoe narodnichestvo semidesyatykh godov [Active populism of the seventies]. M. Publishing house of M. and S. Sabashnikovs. 1912. P. 56.
12. Severnaya pochta – The Northern mail. 1866. No. 18.
13. Troickij N. A. Carskie sudy protiv revolyucionnoj Rossii. Politicheskie processy 1871–1880 gg. [Royal courts against revolutionary Russia. Political processes in 1871-1880 gg]. Saratov. Publishing house of Saratov University. 1976.
14. OPI GIM F. 282. Inv. 1. Unit 335. P. 47.
15. Ibid. P. 38.
16. Ibid.
17. Ibid. P.39.
18. Frolenko M. F. Op. cit. P.10.
19. GBOTO GATO F. G-1 File 7 Sh. 130 – Siberian sheet 1919 obituary to M. N. Kosturina.
20. OPI GIM F. 282. Inv. 1. Unit 335. P.39.
21. Troickij N. A. Pervye iz blestyashchej pleyady (Bol'shoe obshchestvo propagandy 1871–1874 gg.) [The first of the brilliant galaxy (Big society propaganda. 1871-1874)]. Saratov. Publishing house of Saratov University. 1991. P. 121.
22. Musin-Pushkin S. A. A. I. Zhelyabov [A. I. Zhelyabov] // Golos minuvshego - Voice of the past. 1915, No. 12.
23. Gosudarstvennye prestupleniya v Rossii v XIX veke - State crimes in Russia in the XIX century. Vol. 1 / under. ed. of B. Bazilevsky. SPb. 1906. 350 p.
24. Zasluch V. I. Vospominaniya [Memories] / ed. by L. M. Suris. M.; Berlin. Direct-Media. 2015. P. 23.
25. Boguchar'skij V. Op. cit. P. 147.
26. Dvadcatipyatiletie Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta: istoricheskaya zapiska professora A. I. Markevicha i akademicheskie spiski - Twenty-fifth anniversary of the Imperial Novorossiysk University: a historical note by Professor A. I. Markevich and academic lists. Odessa. Economic printing house. 1890. P. 490.
27. SHekhter A. Katorga i ssylka [Penal servitude and exile] // Iz dalekogo proshlogo – From the distant past. 1923, No. 5.
28. OPI GIM F. 282. Inv. 1. Unit 335. P. 40.
29. Ibid. P. 40 turn.
30. Ibid. P. 41.
31. Ibid. P.12.

Благотворительная деятельность женщин Уфимской губернии в годы Первой мировой войны

Статья посвящена рассмотрению благотворительной и милосердной деятельности женщин, женских организаций в годы Первой мировой войны на примере одного из тыловых регионов страны – Уфимской губернии. В этот период в губернии, как по всей России, активизируются уже имеющиеся и возникают новые многочисленные женские кружки, общества, дамские комитеты, в которые объединяются женщины, сочувствующие общему делу помощи пострадавшим от войны. На основе архивных источников, отчетов благотворительных организаций, периодической печати и современных исследований рассмотрены различные аспекты благотворительной работы женских обществ. Представленный материал позволяет сделать вывод, что деятельность женщин в годы войны в этом направлении была разноплановой и заключалась в оказании посильной помощи армии и всем категориям пострадавшего от войны населения.

The article is devoted to a charitable and compassionate activities of women, women's organizations during the First world war, for example, one of the rear regions of the Ufa province. During this period in the province, as throughout Russia, work with existing and new numerous women's clubs, society, women's committees, which United women sympathetic to the common cause of helping the victims of the war. On the basis of archival sources, reports, charitable organizations, local periodicals and modern studies discusses the various aspects of the charity women's work, women's societies. The material presented leads to the conclusion that the activities of women during the war in this direction were diverse and consisted in providing all possible help to the army and all categories of the population that suffered the war.

Ключевые слова: Первая мировая война, Уфимская губерния, благотворительная деятельность, женщины.

Keywords: First world war, Ufa province, charity, women.

Начало Первой мировой войны вызвало всеобщий патриотический подъем и расширение общественной благотворительности среди населения России. В это время по всей стране возникают различные благотворительные организации по оказанию помощи армии и жертвам войны. Заметный вклад в благотворительное движение России военного периода внесли женщины. Они поступали на курсы сестер милосердия и отправлялись на фронт, создавали благотворительные общества и активно работали в них, делали крупные пожертвования и многое др.

Вклад женщин в благотворительность и проявления женского милосердия в годы войны в России относительно недавно начали привлекать внимание исследователей [1]. Некоторые аспекты этой большой проблемы в Урало-Поволжском регионе освещают в своих работах Р. Н. Сулейманова, Е. Ю. Казакова-Апкаримова, Н. Н. Шмакова и др. [2] Несмотря на это вопрос об участии женщин в благотворительном движении, охватившем многие тыловые регионы страны, в том числе Уфимскую губернию, остается малоизученным.

Война вызвала большой подъем благотворительности во всех регионах страны и привела к возникновению общественных организаций по оказанию помощи больным и раненым воинам, фронтовикам и их семьям, в деятельности которых активное участие принимали женщины. Возникли такие организации и в Уфимской губернии. Так, при созданном в августе 1914 г. местном комитете Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам (ВСГ) было открыто попечительство для обслуживания и удовлетворения духовных нужд эвакуированных воинов под руководством Н. Н. Хасабовой, позже З. А. Бехтеревой. Комитет ВСГ занимался созданием и оборудованием госпиталей в городах губернии. Для этих целей при нем была открыта мастерская по изготовлению белья для лазаретов, которая работала под руководством Н. С. Комаровой [3]. Женщины работали также в составе местных комитетов Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (ВЗС). Так, в уфимском уездном комитете ВЗС активную работу по оказанию помощи пострадавшим от войны вели Н. Н. Хасабова, А. С. Коврайская, А. Левитская, М. Уманская, Е. Гарденина. Члены Бирского комитета Е. Н. Смородинцева, И. О. Калашникова, Н. Н. Сыркина занимались заготовкой белья и перевязочных материалов для лазаретов Союза. В Белебеевском комитете ВЗС сбором добровольных пожертвований занимались А. Максимова, М. Т. Дворжецкая и др. [4] Почетными членами местного отделения Романовского комитета, который занимался призрением детей сирот погибших воинов, были А. И. Алгазина, К. Ф. Степано-

ва, И. М. Моштакова, Е. П. Белицкая, А. А. Хаткевич [5]. Многие известные уфимки входили в состав Уфимского отдела общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. Таких примеров активного участия женщин в деятельности благотворительных обществ губернии огромное количество.

Вступая в эти и многие другие благотворительные организации, женщины создавали при них дамские комитеты, занимались шитьем белья для раненых воинов, собирали пожертвования для отправки на фронт и в пользу семей участников войны, создавали секции музыки и пения, специальные театральные комиссии для постановки спектаклей, концертов и сбора пожертвований на них, помогали открывать приюты и ясли для детей-сирот и заведовали ими, оказывали содействие беженцам и многое др.

Активно работали женщины также в районных санитарно-благотворительных попечительствах и городских комитетах, оказывающих посильную помощь семьям призванных и раненым воинам. Так, Уфимский городской комитет помощи семьям мобилизованных на войну, работавший под руководством графини А. И. Толстой, насчитывал около 200 членов, главным образом женщин [6]. Комитет занимался выдачей единовременных пособий, трудоустройством членов семей, оказывал также помощь тем семьям, которые по закону не имели права на получение казенного пайка.

Многие женщины участвовали в деятельности нескольких благотворительных обществ. Так, супруга губернатора Е. П. Башилова была членом Уфимского отделения Елизаветинского комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, и попечительницей Александринской общины сестер милосердия при местном отделении Российского общества Красного Креста (РОКК). В годы войны под ее руководством община вела подготовку сестер милосердия для работы в лазаретах губернии и фронта, занималась пошивом белья и перевязочных материалов для больных и раненых воинов, изготовлением противогазовых повязок, производила сбор пожертвований деньгами, теплой одеждой, бельем, выдавала единовременные денежные пособия солдатам выписывающимся из госпиталей. При непосредственном участии Е. П. Башиловой в августе 1914 г. общиной был сформирован и отправлен в действующую армию этапный лазарет в составе одного врача и шести сестер милосердия, а в Уфе открыт лазарет РОКК на 50 коек [7].

В этот период среди населения края, благотворительных организаций развернулась работа по оказанию помощи эвакуированным в губернию больным и раненым воинам. Женщины всех слоев общества приняли деятельное участие в открытии, оборудовании и работе лазаретов и госпиталей, в изготовлении перевязочных материалов и бинтов. Из-за мобилизации большей части врачей на фронт медицинские учреждения губернии работали под руководством женщин, врачей и фельдшеров, многие из которых трудились на безвозмездной основе. К примеру, в Уфе в 1915 г. лазареты Всероссийского союза городов возглавляли Р. А. Кутлубаева, А. В. Куракина, К. Т. Борковская, С. Э. Некрасова [8]. Д. И. Ермольева была попечителем открытого в 1914 г. лазарета Давлекановского комитета по призрению больных и раненых воинов [9]. В качестве фельдшеров и сестер милосердия в лазаретах Всероссийских земского и городского союзов и в уездных земских больницах работали ученицы фельдшерско-акушерской школы Уфы [10]. В уходе за больными и ранеными, в заготовке белья для лазаретов посильную помощь оказывали послушницы и сестры женских монастырей Уфимской епархии. Женщины проявляли инициативу и отзывчивость не только в оказании помощи больным и раненым воинам, но и при участии в различных благотворительных акциях и мероприятиях.

Объединяясь в дамские кружки, комитеты и общества, они с небывалым энтузиазмом занимались сбором средств в пользу армии и пострадавшего населения. Добровольные сборы пожертвований производились на различных культурных мероприятиях: концертах, лотереях, лекциях, кинематографических сеансах, спектаклях, литературно-музыкальных вечерах. Активно работал в этом направлении Дамский педагогический кружок, образованный в октябре 1914 г. при управлении Оренбургского учебного округа, под председательством супруги попечителя округа М. П. Тихомировой. Кружок собирал средства на изготовление и приобретение обуви, белья и теплой одежды, подарков, продовольствия для отправки в действующую армию солдатам и офицерам, также занимался оказанием посильной помощи больным и раненым воинам, детям учителей, призванных на войну, детям беженцев [11].

Действенную помощь армии и пострадавшему населению в годы войны оказывала одна из первых организаций женщин-мусульманок – Уфимское дамское мусульманское общество, образованное еще в 1907 г. в Уфе под председательством М. Т. Султановой. Занимаясь сбором пожертвований и организовывая различные мероприятия и благотворительные акции, оно оказывало помощь также больным и раненым воинам. С этой же целью общество открыло лазарет в Уфе на

10 коек [12]. Женщины-мусульманки также принимали участие в работе немусульманских благотворительных обществ. Так, М.-П. С. Шейхалиева долгие годы возглавляла женское благотворительное отделение Уфимского попечительного о бедных, в состав которого входили женщины из знатных семей, крупные землевладелицы, супруги и дочери государственных служащих. Среди членов распорядительного комитета отделения были также мусульманские женщины Ф. М. Алкина, Г. С. Ахтямова, М. И. Султанова, М. Т. Султанова, З. Ш. Юсупова [13]. В годы войны отделение оказывало помощь неимущим семьям, в том числе семьям мобилизованных. Для этого оно содержало за свой счет бесплатные квартиры, выделяло ежемесячные пособия, в том числе на обучение детей в школах, приобретение учебных пособий, одежды и проч. Этим же целям служили существовавшие при женском отделении богадельня и приют для престарелых женщин, в которых в конце войны призревало более 130 человек. Посильная помощь женским отделением оказывалась также непосредственно пострадавшим участникам войны. Для этого был открыт лазарет в Уфе [14].

По мере затягивания войны возникали новые направления в деятельности многих благотворительных организаций. Так, в Уфимской губернии, как и по всей стране, возникают в это время благотворительные организации по оказанию помощи беженцам, в работе которых самое активное участие принимали женщины. При них создавались дамские секции, кружки и попечительства, которые помогали в сборе пожертвований в пользу беженцев и снабжении их одеждой и обувью, оказывали помощь в выдаче денежных пособий, работе приютов для детей-беженцев и проч. Так, дамский кружок, образованный при Губернском совете о беженцах в августе 1915 г., занимался заготовкой одежды и обуви, помогал в работе приюта, открытого советом для детей-беженцев в Уфе. Объединившись в Дамский железнодорожный кружок под руководством М. Ф. Афанасьенко, жены железнодорожных служащих организовывали дежурства и обход вагонов на станции Уфа для раздачи проезжающим детям беженцев молока и калачей [15]. Женщины входили также в состав национальных организаций, которые возникли в губернии в этот период с целью оказания помощи своим «соплеменникам», пострадавшим от войны.

Таким образом, в годы Первой мировой войны среди населения Уфимской губернии, как и многих других регионов страны, развернулась масштабная работа по оказанию посильной помощи армии и тылу, в которой самое деятельное участие приняли женщины. Объединяя в этом свои усилия, вступая и активно работая в благотворительных организациях, женщины края внесли заметный вклад в поддержку действующей армии и пострадавшего от войны населения.

Примечания

1. *Баженова К. Е., Поршнева О. С.* Женское движение помощи фронту в Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы Пятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН. 2012. Т. 1. С. 186–188; *Долидович О. М.* Деятельность женских благотворительных обществ Барнаула в годы Первой мировой войны // Вестник ТГПУ. 2016. № 12 (177). С. 151–157; *Максимова Л. Б.* Вклад Великой княгини Елизаветы Федоровны в благотворительное движение России конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... кад. ист. наук. М., 1998; *Грицаева А. Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Щербинин П. П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.

2. *Казакова-Анкаримова Е. Ю.* Общественная жизнь уральского города в годы Первой мировой войны // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2010. № 2 (76). С. 113–126; *Сулейманова Р. Н.* Благотворительное движение в России в годы I мировой войны (на примере Уфимской и Оренбургской губерний) // Отечественные войны 1812–1814 и 1914–1917 гг. Память и уроки: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2014. С. 282–284; *она же.* В единении – сила! Женские общества в Башкортостане на рубеже XIX–XX вв. Краткий исторический очерк. Уфа: Белая река, 2008; *она же.* Женщины в общественно-политической жизни в Башкирии в XX веке: формы социальной активности и динамика социально-политического статуса. Уфа, 2014; *она же.* Участие населения Уфимской губернии в поддержке армии и тыла в годы Первой мировой войны // Актуальные вопросы российской истории по материалам Южного Урала: материалы всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня начала Первой мировой войны. Уфа, 2014. С. 75–79; *Шмакова Н. Н.* Оренбургская губерния в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и российская провинция: материалы междунар. науч. конф. Орел, 2014. С. 99–109.

3. *Сулейманова Р. Н.* Деятельность местных комитетов Всероссийского Союза Городов, Всероссийского Земского Союза, благотворительных организаций и населения Уфимской губернии в первые годы I мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 12 (341). История. Вып. 60. С. 56.

4. Война и уезды. Белебеевский уездный комитет. Журналы Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Оттиск из Врачебно-санитарной хроники Уфимской губернии за 1915 г. Уфа, 1915. № 5. С. 11–12.

5. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 769. Оп. 1. Д. 1. Л. 112.

6. Справочник по Уфимскому городскому общественному управлению. Уфа, 1915. С. 18.

7. Сулейманова Р. Н. Участие населения Уфимской губернии в поддержке армии и тыла в годы Первой мировой войны // Актуальные вопросы российской истории по материалам Южного Урала: материалы все-рос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня начала Первой мировой войны. Уфа, 2014. С. 77.
8. Справочник по Уфимскому городскому общественному управлению. Уфа, 1915. С. 152–153.
9. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1915 год. Уфа: Изд. Уфим. губерн. стат. комитета. 1915. С. 103.
10. Отчет по акушерско-фельдшерской школе Уфимского губернского земства с 16 сентября 1914 года по 16 сентября 1915 года. Уфа, 1916. С. 4.
11. Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1915. С. 178–179.
12. Сулейманова Р. Н. Женщины в общественно-политической жизни в Башкирии в XX веке: формы социальной активности и динамика социально-политического статуса. Уфа, 2014. С. 23.
13. Женское движение в Башкортостане. 1900–1941 гг.: сб. документов и материалов / Р. Н. Сулейманова (отв. ред), Ш. Н. Исянгулов, Г. Ю. Султангужина. Уфа, 2008. С. 42.
14. РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 1197. Л. 24.
15. Уфимский сельскохозяйственный листок. 1915. 25 авг. С. 36.

Notes

1. Bazhenova K. E., Porshneva O. S. Zhenskoe dvizhenie pomoshchi frontu v Permskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny [Women's movement of aid front in the Perm province during the First World War] // Zhenshchiny i muzhchiny v kontekste istoricheskikh peremen: materialy Pyatoy mezhdunar. nauch. konf. RAIZHI i IEHA RAN - Women and men in the context of historical change: proceedings of the Fifth Intern. scientific conf. RARWH and IEA RAS. M. IEA RAS. 2012. Vol. 1. Pp. 186–188; Dolidovich O. M. Deyatel'nost' zhenskikh blagotvoritel'nyh obshchestv Barnaula v gody Pervoj mirovoj vojny [Activities of women's charitable societies of Barnaul during the First World War] // Vestnik TGPU - Herald of TSPU. 2016, No. 12 (177), pp. 151–157; Maksimova L. B. Vklad Velikoj knyagini Elizavety Fedorovny v blagotvoritel'noe dvizhenie Rossii konca XIX – nachala HKH v.: avtoref. dis. ... kad. ist. nauk [Contribution of the Grand Duchess Elizabeth Feodorovna in the charity movement in Russia in the late XIX – early XX century: abstr. dis. ... Cand. Hist. sciences]. M. 1998; Gricaeva A. N. Blagotvoritel'nost' v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917 g.): opyt pomoshchi postradavshim ot voennyh dejstvij: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Charity in Russia during the First World War (1914 – February 1917): help experience to the suffered from military actions: abstr. dis. Cand. Hist. Sciences]. M. 2009; SHCherbinin P. P. Voennyj faktor v povsednevnoj zhizni russkoj zhenshchiny v XVIII – nachale XX v. [Military factor in the daily life of Russian women in the XVIII – early XX century] Tambov. 2004.

2. Kazakova-Apkarimova E. YU. Obshchestvennaya zhizn' ural'skogo goroda v gody Pervoj mirovoj vojny [Social life of Ural city during the First World War] // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta - News of Siberian Federal University. Ekaterinburg, 2010. No. 2 (76). P. 113–126; Sulejmanova R. N. Blagotvoritel'noe dvizhenie v Rossii v gody I mirovoj vojny (na primere Ufimskoj i Orenburgskoj gubernij) [Charity movement in Russia in the years of World War I (on the example of Ufa and Orenburg provinces)] // Otechestvennye vojny 1812–1814 i 1914–1917 gg. Pamyat' i uroki: materialy Vseros. nauch.-prakt. Konf. - Patriotic war of 1812–1814 and 1914–1917 Memory and lessons: materials of all-Russia scientific-pract. conf. Ufa. 2014. Pp. 282–284; Also she. V edinenii – sila! Zhenskie obshchestva v Bashkortostane na rubezhe XIX–HX vv. Kratkij istoricheskij ocherk [In unity – power! Women's companies in Bashkortostan in the XIX–XX centuries. a Brief historical sketch]. Ufa: White river. 2008; Also she. Henshchiny v obshchestvenno-politicheskoy zhizni v Bashkirii v HKH veke: formy social'noj aktivnosti i dinamika social'no-politicheskogo statusa [Women in public political life in Bashkiria in the twentieth century: forms of social activity and dynamics of the socio political status]. Ufa, 2014; Also she. Uchastie naseleniya Ufimskoj gubernii v podderzhke armii i tyla v gody Pervoj mirovoj vojny [The participation of the Ufa province in support of the army and the home front during the First World War] // Aktual'nye voprosy rossijskoj istorii po materialam YUzhnogo Urala: materialy vseros. nauch. konf., posvyashch. 100#letiyu so dnya nachala Pervoj mirovoj vojny - Current issues of Russian history according to the materials of the southern Urals: materials of all-Russia scientific conf. to the 100 anniversary of the outbreak of the First World War]. Ufa, 2014. Pp. 75–79; SHmakova N. N. Orenburgskaya guberniya v gody Pervoj mirovoj vojny [Orenburg province during the First World War] // Pervaya mirovaya vojna i rossijskaya provinciya: materialy mezhdunar. nauch. konf. - World War I and the Russian province: the materials of Intern. scientific conf. Orel. 2014. Pp. 99–109.

3. Sulejmanova R. N. Deyatel'nost' mestnyh komitetov Vserossijskogo Soyuza Gorodov, Vserossijskogo Zemskogo Soyuza, blagotvoritel'nyh organizacij i naseleniya Ufimskoj gubernii v pervye gody I mirovoj vojny [The activities of the local committees of the Russian Union of Cities, the all-Russian Zemstvo Union, charitable organizations and citizens of Ufa province in the first years of World War I] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of the Chelyabinsk State University. 2014. No. 12 (341). History. Vol. 60. P. 56.

4. Vojna i uezdy. Belebeevskij uezdnyj komitet. Zhurnaly Vserossijskogo zemskogo soyuza pomoshchi bol'nym i ranenym voenam. Ottisk iz Vrachebno-sanitarnoj hroniki Ufimskoj gubernii za 1915 g. – War and counties. Belebeev district Committee. Logs of the all-Russian Zemstvo Union for the sick and wounded soldiers. Print of the Medical sanitary Chronicles of the Ufa province for 1915 Ufa. 1915. No. 5. Pp. 11–12.

5. The Russian state historical archive (hereafter RGIA). F. 769. Inv. 1. File 1. Sh. 112.

6. Spravochnik po Ufimskomu gorodskomu obshchestvennomu upravleniyu - Handbook of Ufa city public administration. Ufa. 1915. P. 18.

7. Sulejmanova R. N. Uchastie naseleniya Ufimskoj gubernii v podderzhke armii i tyla v gody Pervoj mirovoj vojny [The participation of the Ufa province in support of the army and the home front during the First World War]

// Aktual'nye voprosy rossijskoj istorii po materialam YUzhnogo Urala: materialy vseros. nauch. konf., posvyashch. 100#letiyu so dnya nachala Pervoj mirovoj vojny - Current issues of Russian history according to the materials of the southern Urals: materials of all-Russia scientific conf. to the 100 anniversary of the outbreak of the First World War. Ufa. 2014. P. 77.

8. Spravochnik po Ufimskomu gorodskomu obshchestvennomu upravleniyu - Handbook of Ufa city public administration. Ufa. 1915. Pp. 152-153.

9. Adres-kalendar' Ufimskoj gubernii na 1915 god - The address calendar of the Ufa province for 1915. Ufa. Publ. of Ufim. gubern. stat. committee. 1915. P. 103.

10. Otchet po akushersko-fel'dsherskoj shkole Ufimskogo gubernskogo zemstva s 16 sentyabrya 1914 goda po 16 sentyabrya 1915 goda - Report of obstetric medical school of the Ufa provincial Zemstvo from 16 Sep 1914 to 16 Sep 1915. Ufa. 1916. P.4.

11. Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga - Herald of Orenburg educational district. Ufa. 1915, pp. 178-179.

12. Sulejmanova R. N. ZHenshchiny v obshchestvenno-politicheskoj zhizni v Bashkirii v HKH veke: formy social'noj aktivnosti i dinamika social'no-politicheskogo statusa [Women in public political life in Bashkiria in the twentieth century: forms of social activity and dynamics of the socio political status]. Ufa. 2014. P. 23.

13. ZHenskoe dvizhenie v Bashkortostane. 1900-1941 gg.: sb. dokumentov i materialov - The women's movement in Bashkortostan. 1900-1941 gg: collection of documents and materials / by R. N. Suleymanova (resp. ed), S. N. Isyngulov, G. Yu Sultangazina. Ufa. 2008. P. 42.

14. RGIA. F. 768. Inv. 2. File 1197. Sh. 24.

15. Ufimskij sel'skohozyajstvennyj listok - The Ufa agricultural sheet. 1915. 25 Aug. P. 36.

Электронная книга как форма книжной коммуникации*

В статье рассматриваются отличительные черты электронной книги, обусловленные иным уровнем гипертекстовости и интерактивности по сравнению с традиционной книжной формой, определяется их значение для современной книжной коммуникации. Автор характеризует эти качества как проявление новой информационной культуры, как новые тенденции развития системы книги, обусловленные электронной средой и трансформирующие книжную культуру. Вместе с тем автор утверждает, что эта трансформация должна быть основана на положениях культуры книги, выработанных по отношению к её печатной форме, а их трансляцию в компьютерную среду необходимо осуществлять с учётом преимуществ электронной коммуникации. В этом контексте особенно важно выстраивать концепцию электронной книги в зависимости от целевого назначения и читательского адреса электронного контента. Эти факторы прежде всего должны определять уровень гипертекстовости и интерактивности, реализованный в электронном тексте.

The article deals with features such as an e-book hypertext and interactivity, is determined by their importance for the modern book communication. The author describes these qualities as a manifestation of a new information culture and justifies the position that when you create an e-book their level depends on the purpose and the reader's e-content.

Ключевые слова: электронная книжная коммуникация, гипертекстовость, интерактивность, информационная культура, интернет-технологии.

Keywords: e-book communication, hypertext, interactivity, information culture, internet technology.

Рассмотрение электронной книги как особой формы книжной коммуникации необходимо осуществлять с опорой на положения о том, что электронная книга так же, как и любая другая, является продуктом духовной деятельности человека, а одна из главных её функций – сохранять и приумножать духовные ценности общества. В этом смысле электронная книга отражает те особенности духовной культуры человечества, которые возникли в области электронных технологий и свойственны информационному обществу.

Одним из главных признаков культуры информационного общества является развитие интернет-технологий, основанных на гипертекстуальности, что фундаментально изменило всю систему коммуникации. Их появление позволило совместить в условиях свободного доступа в одной и той же системе тексты, изображения, звуки, взаимодействующие в глобальной сети из множества разных точек в избранное время [1]. Появление таких технологий сделало возможным соединение различных текстов, созданных в прошлом и настоящем, в единой среде, где они могут изучаться одновременно, тем самым обеспечивая непрерывность коллективного знания. С этой позиции изобретение Интернета стало воплощением идеи Универсальной книги, которая, согласно П. Отле, объединяет все знания, накопленные человечеством в течение истории его развития [2].

Технология гипертекста не является инновационной, она отражает идею интертекстуальности, согласно которой традиционный текст осмысливается как часть обширного целого, тексты пересекаются по содержанию, продолжают друг друга, задают друг другу вопросы и отвечают на них [3]. Гипертекст свойствен и печатной книге, но появление глобальной сети позволило преодолеть такие недостатки, присущие письму и печати, как медленное распространение информации и ограниченность доступа к ней. В настоящее время информация проникает всюду, при наличии соответствующего цифрового устройства её можно получить в любой точке, причём

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, заявка № 16-03-00242.

с любого сервера, если она находится в свободном доступе. Развитие информационных технологий позволило создать «облачные», виртуальные серверы, обеспечивающие возможность иметь доступ к данным, не устанавливая специальных приложений на компьютерном устройстве.

В научной литературе понятие «гипертекст» определяется как способ хранения информации и манипулирования ею, при котором она представлена в виде сети связанных между собой узлов. Каждый узел может содержать текст, графику, видео- или аудиоинформацию. Доступ к узлам, их просмотр или манипулирование ими может быть осуществлено в интерактивном режиме [4].

В научных работах к числу важнейших особенностей гипертекста отнесены следующие:

- децентрализованность и безграничность;
- деперсонализация автора, обусловленная «множественностью» авторов;
- дисперсность его структуры: информация представлена в виде фрагментов-звеньев, и войти в её структуру можно с любого звена;
- нелинейность: читатель может сам выбирать путь восприятия информации, переходя от ссылки к ссылке; разнородность и мультимедийность: применение всех возможных средств воздействия на читателя [5].

Таким образом, идея гипертекстуальности в электронной среде коренным образом изменила способ построения текстового пространства: на смену одномерному тексту, представленному в линейной форме, пришёл многомерный электронный гипертекст. Именно эта качественная трансформация самой природы текста, согласно исследованиям, указывает на вхождение в «постгутенбергову эру» – текст больше не имеет только определенную направленность, структуру и границы, «он перестает соответствовать принципам, наложенным как станком Гутенберга, так и мировоззрением модерна, и становится воплощением постмодернистского мироощущения» [6]. В этом плане информационная составляющая электронной книги, которая может быть представлена фрагментами различных текстов, находящихся в разных уголках киберпространства, но объединённых одной композиционной идеей, утверждает новый образ реальности, формирующий так называемую фрагментарную культуру, свойственную информационному обществу.

Гипертекстуальность, свойственная электронной коммуникации, сообщает электронной книге преимущества, обусловленные как быстрым доступом к любой информации, так и её объёмом. Этот факт отмечен, например У. Эко, который пишет: «В отличие от энциклопедии, по которой нужны мне данные рассеяны, гипертекст позволяет... получить перечень всех слов на “А”, выявить все случаи, когда имя Наполеона совпадает с именем Канта, сравнить даты жизней множества людей... Тот самый пыльный, грязный и утомительный физический труд я выполняю за несколько минут» [7].

В этом смысле электронная книга имеет неограниченные возможности в области процессов, связанных с составлением текстов, их редактированием, обогащением инфраструктуры книги. Например, с помощью гипертекста можно автоматизировать формирование указателей к тексту, создание новых словарей, процессы редактирования, составление комментариев и приложений к тексту и т. д. Электронная книга, построенная на основе гипертекста, даёт массу возможностей для современных филологических и книговедческих исследований, на этой основе появляются принципиально новые области научного знания, такие как компьютерная лексикография и текстология, корпусная лингвистика и др.

Важно и то обстоятельство, что возможность нелинейного, то есть многомерного, построения текста в электронной книге закрепляется и в нормативных документах. Например, в национальном государственном стандарте «Электронные документы. Основные виды, выходные сведения, технологические характеристики» в соответствии с критерием «по структуре» вводятся понятия плоского и объёмного электронных документов, отличающихся принципом построения структуры текста. Под объёмным документом авторы государственного стандарта понимают электронный документ с пространственной нелинейной связью элементов, например веб-сайт, директорию с файлами и др. [8]

Технология гипертекстовости привнесла в систему книги и ещё одно важное качество – интерактивность. Если учесть, что термин «интерактивность» (от англ. interaction – «взаимодействие») многозначен и буквально обозначает любое взаимодействие, то свойство интерактивности для книжной коммуникации не является инновационным, поскольку проявляется в активном взаимодействии читателя с текстом книги. Работая с печатной книгой, мы можем делать пометки на полях, выделять в тексте те или иные фрагменты, выписывать их, оставлять свои комментарии. Но если по отношению к печатной книге такая работа выражается в форме внутреннего диалога, то в электронной коммуникации этот диалог имеет и внешнее проявление: появляется возможность самостоятельно компоновать фрагменты текста книги, вносить в неё собственные изменения и т. д.

Это позволяет сделать вывод о том, что в электронной книге можно констатировать совершенно другой уровень интерактивности, так как она заменяет мысленную интерпретацию художественного объекта реальным взаимодействием, которое трансформирует этот образ материально. Согласно культурологическим исследованиям, «принцип обратной связи, режим реального времени, чувственный, поведенческий контакт с иллюзорной квазиреальностью, присутствующий интерактивности, формируют новый тип эстетического сознания», который является главным в том числе и для гиперлитературы, переориентирует реципиента с позиции интерпретатора на роль сотворца, реально влияющего на становление произведения [9].

Такой характер интерактивности проявляется, например, в особенностях жанра блога, зародившегося в сети и, согласно исследованиям, ставшего одним из видов автодокументальной литературы [10]. В научной литературе он определяется как своеобразный гипержанр, представляющийся авторам и читателям новой формой дневника (бытописательного, литературного, профессионального и т. д.), функционирующего и построенного по законам Интернета. Согласно исследованиям, ему присущи такие черты сетевой коммуникации, как интерактивность, гипертекстуальность, анонимность, ритуальность, которые воплощаются в принципах дискурсивности и динамичности текста, в близости его бытования к игровому поведению [11]. В создании произведения такого жанра принимают участие многие пользователи Интернета, которых можно назвать соавторами.

В контексте книговедческих исследований информативная составляющая книги, в том числе и электронной, рассматривается как статичная; именно в этом, по мнению авторов, заключается духовная сущность книги как социального объекта. Так, И. Г. Моргенштерн отмечает, что представление о стабильности содержания книги наполнено «не только правовым, но и – главное – социокультурным значением, ставшим ведущим стимулом изобретения книгопечатания. В этом смысле игнорирование его значения ведёт к тому, что смешивается сама книга и работа с нею» [12]. Признавая, что содержание книги не может оставаться неизменным, даже если речь идёт о книге печатной, автор считает, что любая книга должна быть защищена от вмешательства читателя в её содержание.

Следуя рассуждениям И. Г. Моргенштерна, можно сделать вывод: электронный документ, содержание которого не допускает вмешательства читателя, может рассматриваться в качестве электронной книги; если же это требование не соблюдается, то документ книгой назвать нельзя. Однако такой подход, с одной стороны, позволяет причислить к книге не обладающие статикой семантической составляющей электронные объекты, с другой – не даёт возможности отнести к книжной коммуникации информационные объекты, специфика которых заключается в активной роли читателя по отношению к содержанию книги. Например, с этой позиции к книге нельзя причислить электронное учебное пособие, часть материалов которого находится на форумах и в чатах, несмотря на то что оно обладает главными типологическими свойствами книги.

Решая проблему отнесения такого рода объектов к книге, необходимо, во-первых, учитывать, что книга – это размытое множество информационных объектов, а во-вторых, исходить из конвенциональности понятия «книга» [13]. В этом плане необходима взвешенная договорённость, которая в конечном итоге позволит классифицировать такие объекты коммуникации и изучать их с книговедческих или других позиций. Кроме того, социокультурное значение книги как феномена и объекта коммуникации состоит не только в том, чтобы сохранять духовные ценности, но и в том, чтобы способствовать духовной эволюции. Это напрямую зависит от особенностей развития культуры на том или ином этапе жизни общества. В этом плане свойство интерактивности, присущее электронной книге, имеет потенциал для развития творческой активности читателей, так как позволяет сочетать различные уровни взаимодействия с ними.

В этом контексте в процессе создания электронной книги необходимо осуществлять выбор уровня интерактивности и средств, с помощью которых он может быть реализован. Такой выбор обусловлен целевым назначением, читательским адресом электронной книги, а также психологическими особенностями восприятия информации, присущими современному читателю.

Примером этого может служить «Википедия» – свободно распространяемая многоязычная онлайн-энциклопедия, создаваемая энтузиастами в рамках проекта фонда Викимедиа. Согласно М. Бернштейну, одному из наиболее продуктивных авторов русской Википедии, при создании её проекта ставилась цель собрать все знания и сделать их доступными каждому [14]. При этом одной из главных задач Википедии является повышение уровня знаний тех, кто не включён в процесс обучения, но стремится расширить свой кругозор, то есть она выполняет функции, присущие книге. Исходя из этого в энциклопедии рассчитан и уровень интерактивности, который даёт возможность каждому пользователю оставить свой комментарий, добавить сведения в статью или править её, то есть стать соавтором текста. В этом смысле Википедия не только рас-

пространяет знания, но и побуждает к духовному совершенству, так как рамки проекта предполагают размещение объективной, проверенной информации.

Другой уровень интерактивности реализован, например, компанией ENAZA, в 2014 г. выпустившей интерактивные книги, формат которых приближен к психологии человека, читающего с мобильного устройства. С учётом такого подхода главной задачей для разработчиков стало выявление приёмов, способных адаптировать художественный текст к мобильному устройству. Например, для адаптации книги В. Пелевина «Чапаев и Пустота» был выбран приём геймификации, дополняющий авторский текст интерактивным «предметным миром» и позволяющий читателю «взаимодействовать с реальными артефактами эпохи» и «собирать» предметы в процессе чтения [15]. В этом случае вмешательство читателя в структуру текста произведения не происходит, однако дополняется инфраструктура книги, что не только вызывает у пользователя интерес к процессу чтения, но и позволяет глубже постичь содержание книги.

Интерактивная среда, свойственная электронной коммуникации, имеет большое значение для учебной литературы. Его реализация даёт возможность обучающимся осуществлять контроль усвоения знаний в режиме онлайн, подготовиться к проверочным, экзаменационным работам в удобной, в том числе и игровой, форме. Кроме этого интерактивный характер учебного пособия позволяет моделировать те или иные обучающие ситуации, реализация которых в реальной жизни затруднительна [16].

Такая среда сделала возможным внедрение в образовательный процесс дистантных технологий, которые имеют решающее значение в обучении студентов заочного отделения, инвалидов, людей, проживающих на удалённых от образовательного центра территориях, и т. д. Главным в дистантных технологиях является метод интерактивного обучения. Он позволяет не только организовать взаимодействие студента и преподавателя в условиях удалённого доступа, но и обеспечить интерактивное общение группы студентов, что является немаловажным в процессе усвоения знаний. Поэтому концепция электронного учебного пособия как объекта обучающей среды должна включать, например, доступ к материалам форумов, вебинаров, возможность обратной связи с преподавателем и т. д., то есть реализация принципа эргономичности здесь определяется задачами процесса обучения.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что в процессе создания электронного книжного контента необходимо не только учитывать традиции книжной культуры, выработанные на протяжении столетий, но и использовать преимущества электронного носителя информации, благодаря которым книжная коммуникация может выйти на новый, соответствующий современной информационной среде, уровень.

Примечания

1. Кузнецов М. Философия Маршалла Маклюэна и коммуникативные стратегии Интернет. URL: <http://www.isn.ru/index162> (дата обращения: 20.03.2015)
2. Отле П. Библиотека, библиография, документация: избранные труды пионера информатики / пер. Р. С. Гиляревского. М.: Изд-во ФАИР-ПРЕСС, 2004. 350 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 138.
4. Электронные документы: создание и использование в публичных библиотеках: справочник / науч. ред. Р. С. Гиляревский, Г. Ф. Гордукалова. СПб.: Профессия, 2007. 664 с.
5. Там же.
6. Емелин В. Гипертекст и постгутенберговская эра. URL: http://www.geocities.com/emelin_vadim/hiper-text.htm (дата обращения: 28.03.2015)
7. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. М.: Традиция, 2000. С. 275–279.
8. ГОСТ 7.0.95 – 2016 «Электронные документы. Основные виды, выходные сведения, технологические характеристики» / Стандартиформ. М., 2016. URL: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 09.09.2016)
9. Бычков В. В. Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 30.03.2015)
10. Там же.
11. Булдакова Ю. В. Автодокументалистика и тексты интернет-словесности: точки взаимовлияния // Филология и культура. Philoligi and Culture. 2014. № 3 (37). С. 85–89.
12. Моргенштерн И. Г. Динамика и статика книги // Книга: исследования и материалы. М., 2002. Сб. 80. С. 147–161.
13. Динер Е. В. Концептуальные решения в проблеме определения книги: книга как тип документа // Современное издательское дело: новое в теории и практике: коллективная монография / науч. ред. Л. А. Мосунова. Киров: Радуга ПРЕСС, 2015. С. 6–27.
14. Бернштейн М. С чем едят Википедию // Ежедневник: электронный журнал. URL: <http://ej.by/news/sociaty/2012/03/20/> (дата обращения: 31.03.2015)

15. Соснина А. Книга осваивает мобильный мир: Text 2.0 на марше // Книжная индустрия. 2014. № 7. С. 49–52.
16. Ученик в школе XX века // Книжная индустрия. 2014. № 7. С. 29.

Notes

1. Kuznetsov M. Kuznecov M. *Filosofiya Marshalla Maklyuehna i kommunikativnye strategii Internet* [Philosophy of Marshall McLuhan and communication strategies of Internet] / M. Kuznetsov. Available at: <http://www.isn.ru/index162> (reference date: 20.03.2015)
2. Otle P. *Biblioteka, bibliografiya, dokumentaciya: izbrannye trudy pionera informatiki* [Library, bibliography, documentation: selected writings of the pioneer of computer science] / transl. R. S. Gilyarovskiy. M. Publishing house FAIRPRESS. 2004. 350 p.
3. Bahtin M. M. *Ehstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M. 1979. P.138.
4. *Ehlektronnye dokumenty: sozdanie i ispol'zovanie v publicnyh bibliotekah: spravochnik – E-documents: create and use in public libraries: handbook* / scient.ed. Gilyarevskiy R. S., G. F. Gordukalova. SPb. Professiya. 2007. 664 p.
5. Ibid.
6. Emelin V. *Gipertekst i postgutenbergovaya ehra* [Hypertext and postgutenberg era]. Available at: http://www.geocities.com/emelin_vadim/hipertext.htm (reference date: 28.03.2015)
7. EHko U. *Ot Interneta k Gutenbergu: tekst i gipertekst* [From Internet to Gutenberg: the text and hypertext] // *Obschestvo i kniga: ot Gutenberga do Interneta - Society and book: from Gutenberg to the Internet*. M. Traditsiya. 2000. Pp. 275–279.
8. GOST 7.0.95 – 2016 "Electronic documents. Principal, output information, process specifications" / STANDARTINFORM. M. 2016. Available at: <https://docviewer.yandex.ru> (date accessed: 09.09.2016) (in Russ.)
9. Bychkov V. V. *Leksikon nonklassiki. Hudozhestvenno-ehsteticheskaya kul'tura XX veka* [Lexicon of non-classics. Artistic and aesthetic culture of the XX century]. Available at: <http://dic.academic.ru/> (accessed: 30.03.2015)
10. Ibid.
11. Buldakova YU. V. *Avtodokumentalistika i teksty internet-slovesnosti: tochki vzaimovliyaniya* [Autodocumentation and texts of Internet literature: points of interaction] // *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 2014, No. 3 (37), pp. 85–89.
12. Morgenshtern I. G. *Dinamika i statika knigi* [Dynamics and statics of books] // *Kniga: issledovaniya i materialy - Book: studies and materials*. M. 2002. Coll. 80. Pp. 147–161.
13. Diner E. V. *Konceptual'nye resheniya v probleme opredeleniya knigi: kniga kak tip dokumenta* [Conceptual solution to the problem of defining the book: the book as document type] // *Sovremennoe izdatel'skoe delo: novoe v teorii i praktike: kollektivnaya monografiya - Modern publishing: new in the theory and practice: collective monograph* / scientific ed. L. A. Mosunova. Kirov. Raduga-PRESS, 2015. Pp. 6–27.
14. Bernshtejn M. S *chem edyat Vikipediyu* [What to eat Wikipedia with] // *Diary: electronic journal*. Available at: <http://ej.by/news/sociaty/2012/03/20/> (accessed: 31.03.2015)
15. Sосnina A. *Книга осваивает мобильный мир: Text 2.0 на марше* [Book develops a mobile world: Text 2.0 on the march] // *Book industry*. 2014, No. 7, pp. 49–52.
16. *A student at the school of the XX century* // *Knizhnaya industriya – Book industry*. 2014. No. 7. P. 29.

УДК [811.112.2+811.111]: 81'362

Л. Г. Попова, О. Ю. Воробьева

Первичная концептуализация воды в английских, немецких и русских текстах героического эпоса

В статье делается обзор теоретических работ, посвященных дефиниции и репрезентации первичной концептуализации знаний об окружающем мире. Предлагается собственная точка зрения на возможность установления первичной концептуализации знаний на примере текстов героического эпоса.

Результаты концептуализации выражаются вербально в языке и в речи. В устных и письменных текстах сосредоточен познавательный опыт народа, который передается из поколения в поколение. Исследование проводилось на базе трех родственных языков: английского, немецкого и русского.

В сопоставительном плане осуществлялся анализ первичной концептуализации воды как природного явления в английских, немецких и русских текстах героического эпоса. Анализ выборки показал, что в сопоставляемых языках исследуемый концепт представлен номинациями воды как моря. В английских текстах героического эпоса концепт «вода» репрезентируется значениями «водная пучина», «поток, волна». Это природная стихия, с которой приходится бороться путнику при продвижении по воде куда-нибудь. В немецких текстах концепт «вода» представлен значением «водные пути». В текстах русских былин концепт «вода» репрезентируется номинациями рек, озер. Созданные природой реки, озера присутствуют в мире, где живет человек того времени.

This article gives theoretical review of definitions and representation of initial conceptualization of outward world knowledge. The reader is provided by authors' personal opinion of the initial conceptualization establishment possibilities. There are given comparative analysis of water conceptualization in English, German and Russian heroic epic. The conceptualization results are expressed in words in the language and in the speech. In oral and written texts there is an experience of people, which is given from old generation to young one. The research was made on three relative languages: English, German and Russian.

In the comparison there is made an analyses of initial conceptualization as a natural phenomenon in English, German and Russian heroic epic. The texts analyses have shown that in compared languages the concept is represented in nominations of water as a sea. In English heroic epic the concept "water" is represented in meanings "water deep", "flow; wave". This is a natural phenomenon which a man fights on his water way everywhere with. In German heroic epic this concept is represented in the meaning "water ways". In Russian heroic epic the concept is represented in nominations of rivers, lakes. These rivers, lakes are created by the nature; they are in the world of the man at that time.

Ключевые слова: первичная концептуализация, концепт «вода», тексты героического эпоса, английский, немецкий и русский языки, сопоставительный анализ, вербализация.

Keywords: initial conceptualization, concept *water*, heroic epic texts, English, German and Russian languages, comparative analysis, verbalization.

В когнитивной лингвистике единицей концептуализации является концепт, понимаемый как результат когниции. Концепт является единицей ментального лексикона. Концепты объединяются в концептосферы и образуют концептуальную картину мира. В рамках предлагаемого исследования мы не акцентируем нашего внимания на дефиниции концепта и ссылаемся на определение концепта, данное В. И. Карасиком, который в этой ментальной единице выделяет понятийную, образную и ценностную составляющие части концепта [1].

В результате процессов концептуализации и категоризации, осуществляемых на данном этапе, как отмечает О. В. Магировская, создается необходимая когнитивная база для дальнейшего осмысления мира в рамках формирования первичного знания [2]. О первичной концептуализации высказывается в своей монографии Е. И. Голованова, которая в рамках когнитивного терминоведения выделяет наряду с первичной концептуализацией вторичную, метафорическую / метонимическую; индивидуальную (авторскую); оценочную; пространственную концептуализацию [3]. Результаты концептуализации находят вербальное выражение в языке и в речи. В устных и письменных текстах сосредоточен познавательный опыт народа, передаваемый из поколения в поколение. В своей докторской диссертации Г. И. Богин подчеркивал, что язык отражает способ представления (концептуализации) мира национальной языковой личностью [4].

В нашей статье мы предлагаем считать первичной концептуализацию окружающего мира, представленную вербально в письменных текстах средних веков, дошедших до наших дней. К разряду таких текстов мы относим тексты героического эпоса, в достаточной мере сохранившие концептуализацию мира, имевшую место в виде вербального воплощения первых былин, баллад, созданных народами сначала в устной форме; и обратимся для выяснения общих и отличительных черт отражения такого концепта, как концепт «вода» в текстах героического эпоса на английском, немецком и русском языках. Перечисленные языки являются родственными языками, так как относятся к одной индоевропейской языковой семье. При этом английский и немецкий языки относятся к одной группе германских языков и одной подгруппе западногерманских языков. Это близкие родственные языки.

Анализ выборки показал, что в сопоставляемых родственных языках в одинаковой мере понятийная часть исследуемого концепта представлена значениями лексических единиц, номинирующих воду как «море». В английском языке для номинации «море» мы встретили лексемы: *sea (holm)*, *sea-street (lagustraéte)*, *sea-streams(lagustréamas)*. В немецких текстах такими лексемами выступают лексемы *das Meer* (древневерхненемецкий: *mere*), *die See* (средневерхненемецкий: *seo*). В русских текстах – это лексема «море».

К примеру:

Tha gyt hi him asetton segen geldenne
(Еще ему поставили знамя золотое)
Heah ofer heafod, leton **holm** beran,
(Высоко над головой, дали морю нести (его),
Geafon on *gar-secg*; him waes geomor sefa,
(Отдали на окружающий океан; их была печальна душа,)

Murnende mod. Men ne cunnon
(Горестенум. Люди не могут)
Secgan to sothe, sele-raedende,
(Сказать по правде, ни мудрецы в чертогах,
Haeleth under heofenum, hwa thaem hlaeste onfeng [5].
(Ни воины под небом, кто тот груз получил.) [6]

Ez was ein kuniginne gesezzen vber se;
(Царила королева на острове морском,
ir geliche enheineman wesse ninder me
(Была она прекрасна и телом, и лицом,
div was vnmazen schoene vil michel was ir chraft
(Но женщины сильнее не видел мир досель.)
si schoz mit snellen degenen vmbe minne den schaft
(Она могла, метнув копье, насквозь пробить им цель)
Den stein den warf si verre darnach si wite spranch
(И, бросив тяжкий камень, прыжком его догнать.)
swer an si wenden wolde sinen gedanch
(В трех состязаньях с нею был верх обязан взять
Любой, кто к королеве посвататься решался,
driv spil mvser an behaben der frowen wol geborn
(В трех состязаньях с нею был верх обязан взять
Любой, кто к королеве посвататься решался,
gebrast im an dem einen er het daz hovbet sin verlorn [7].
(Но, проиграв хотя б одно, он головы лишался.) [8]

Похотелоя Вольги много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему **в глубоких морях**,
Птицей-соколом летать под оболока,
Серым волком рыскать да по чистым полям [9].

Отдельно рассмотрим отличия, специально обозначив в рамках статьи только часто встречаемые специфичные выражения понятийной части изучаемого концепта. В английских текстах героического эпоса понятийная часть исследуемого концепта репрезентируется нередко значением «водная пучина», которое передает лексема *wæter*. Человек в английских текстах вступает в борьбу с этой стихией, воспевается при этом сила человека побороть водную стихию.

'Eart þú sé Béowulf sé þe wið Breca wunne
(«Не тот ли ты Беовульф,
on sídne saé ymb sund flite?
(с которым Брека соревновался)
Ðaér git for wlence wada cunnedon
(в умении плавать, когда, кичась)
ond for dolgilpe on déop **wæter**
(непечатой силой, **с морем спорили**)
aldrum néþdon né inc aénig mon? [10].
(вы, бессмысленные, жизнью рискуя?) [11].

В английских текстах героического эпоса понятийный компонент концепта представлен значением «поток, волна», которое номинирует лексемы *flood*:

...Thaer waes madma fela
(... Там было много сокровищ)
Of feor-wegum, fraetwa gelaeded;
(Из дальних стран, украшений, принесенных)
Ne hyrde ic sumlicor ceol gegyrwan
(Не слышал я о более красиво оснащенном корабле)
Hilde-waernum ond heatho-waedum,
(Военным оружием и доспехами,)

Billum ond byrnum; him on bearme laeg
(Мечами и кольчугами; ему на грудь положили)
Madma maenigo, tha him mid scoldon
(Сокровища большие, которые с ним должны были)
On flodes aeht feor gewitan [12].
(**Во власти волны** далеко уплыть.) [13]

В немецких текстах концепт «вода» получает вербализацию в виде слова *Wasserstraßen*, выражающего значение «водные пути».

Do sp/ra\ch d/er\ starche Sivrit ich kan ivch vf d/er\ flvot
(«Меня, – ответил Зигфрид. – Я наш корабль туда,)
hinnen wol gefveren daz wizzet helede gvot
(Где царствует Брюнхильда, доставлю без труда:)
die rehte wazzerstrazen die sint mir wol bekant
(**Пути-дороги в море** давно знакомы мне». –)
mit frevdenn si do schiedenn vz d/er\ Buregonden lant [14].
(«Прощай!» – сказали весело бойцы родной стране) [15].

В текстах русских былин концепт ВОДА вербализуется в виде лексем *река/реки, озеро/озера*.

Тут стоели-смотрели бояра со стены да городовые,
Здраво стали они да полем чистыим;
Здраво стали они да **реки** быстрые;
Здраво стали они да в землю в дальнюю,
А во дальнюю землю да в Ляховинскую
А ко стремени ко королю ко краснѹ крыльцу [16].

Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, **озерка** промеж ног спущал.
Подъезжает он **коречке** ко Смородинке,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко той ли ко березе ко поклапыя,
К тому славному кресту ко Леванидову [17].

Итак, результаты сопоставительного анализа показывают, что в родственных языках (английском, немецком и русском языках) первичная концептуализация воды как природного явления получает свое воплощение в текстах героического эпоса в виде лексем, выражающих представление о воде как о море.

Вода – море.

Выявленная специфика репрезентации первичной концептуализации в текстах героического эпоса отражает условия жизни носителей языка того времени. В английских текстах героического эпоса вода – это морская пучина, волны. Это природная стихия, с которой приходится бороться, чтобы добраться куда-либо.

Вода – водная стихия.

Вода – морские волны.

В немецких текстах героического эпоса первичные знания о воде – это водные пути, то есть возможность добраться куда-либо.

Вода – водные пути.

В русских былинах вода – это, прежде всего, созданные природой реки, озера, которых достаточно кругом, в том мире, где живет человек того времени.

Вода – река.

Вода – озеро.

Необходимо отметить, что в данной статье представлена лишь часть результатов проделанной работы, и вследствие этого расширение выборки примеров может дать другие данные. Поэтому такое направление изучения первичной концептуализации воды считаем весьма перспективным.

Примечания

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
2. Магировская О. В. Особенности концептуализации и категоризации мира в рамках когнитивной деятельности наблюдателя. URL: http://knowledge.allbest.ru/languages/3c0b65625a3ac78a4d53b89421206d36_0.html (дата обращения: 20.02.2016).
3. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. URL: http://modernlib.ru/books/e_i_golovanova/vvedenie_v_kognitivnoe_terminovedenie_uchebnoe_posobie/read_2 [4] (дата обращения: 20.02.2016).
4. Богин Г. И. Концепция языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1982.
5. Beowulf in Old English and modern English. URL: <http://www.heorot.dk/beowulf-rede-text.html> (дата обращения: 25.02.2016).
6. Беовульф. URL: http://modernlib.ru/books/eposi_legendi_i_skazaniya/beovulf/read/ (дата обращения: 25.02.2016).
7. Das Nibelungenlied nach der Handschrift C, hg. v. U. Hennig (Altdeutsche Textbibliothek 83). Tübingen 1977. S. XIV.
8. Песнь о Нибелунгах. URL: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/pnibelun/006.htm> (дата обращения: 25.02.2016).
9. Русские былины. Вольга и Микула. URL: <http://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/18460-byliny-kollektiv-avtorov/read/page-5.html> (дата обращения: 25.02.2016).
10. Beowulf in Old English and modern English...
11. Беовульф...
12. Beowulf in Old English and modern English...
13. Беовульф...
14. Das Nibelungenlied nach der Handschrift C, hg. v. U. Hennig...
15. Песнь о Нибелунгах...
16. Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг., с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. СПб., 2003. Т. 3. № 310.
17. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Изд. 4-е. М.; Л., 1950. Т. 2. № 74.

Notes

1. Karasik V. I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd. Peremena. 2002.
2. Magirovskaya O. V. Osobennosti konceptualizacii i kategorizacii mira v ramkah kognitivnoj deyatel'nosti nablyudatelya [Peculiarities of conceptualization and categorization of the world through the cognitive activities of the observer]. Available at: http://knowledge.allbest.ru/languages/3c0b65625a3ac78a4d53b89421206d36_0.html (date accessed: 20.02.2016).
3. Golovanova E. I. Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie: ucheb. posobie [Introduction to cognitive terminology: tutorial. Available at: http://modernlib.ru/books/e_i_golovanova/vvedenie_v_kognitivnoe_terminovedenie_uchebnoe_posobie/read_2 [4] (accessed: 20.02.2016).
4. Bogin G. I. Konceptiya yazykovoj lichnosti: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Concept of linguistic personality: abstr. dis. ... Dr philol. sciences]. M. 1982.
5. Beowulf in Old English and modern English. Available at: http://www.heorot.dk/beowulf_rede_text.html (date accessed: 25.02.2016).
6. Beovulf - Beowulf. Available at: http://modernlib.ru/books/eposi_legendi_i_skazaniya/beovulf/read/ (accessed: 25.02.2016).
7. Das Nibelungenlied nach der Handschrift C, hg. v. U. Hennig (Altdeutsche Textbibliothek 83). Tübingen 1977. P. XIV.
8. Pesn' o Nibelungah – The song of the Nibelungs. Available at: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/pnibelun/006.htm> (date accessed: 25.02.2016).
9. Russkie byliny. Vol'ga i Mikula - Russian epics. Vol'ga and Mikula. Available at: <http://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/18460-byliny-kollektiv-avtorov/read/page-5.html> (date accessed: 25.02.2016).
10. Beowulf in Old English and modern English...
11. Beovulf'f...– Beowulf...
12. Beowulf in Old English and modern English...
13. Beovulf'f...– Beowulf...
14. Das Nibelungenlied nach der Handschrift C, hg. v. U. Hennig...
15. Pesn' o Nibelungah... - Nibelungenlied...
16. Arhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A. D. Grigor'evym v 1899–1901 gg., s napevami, zapisannymi posredstvom fonografa: v 3 t.- Arkhangelsk epic and historical songs collected by A. D. Grigoriev in 1899–1901., with the tunes recorded by the phonograph: in 3 vol. SPb. 2003. Vol. 3. No. 310.
17. Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t. – Onega bylinas recorded by A. F. Hilferding in the summer of 1871 in 3 volumes. Ed. 4th. M.; Leningrad. 1950. Vol. 2. No. 74.

Особенности деперсонификации в немецкой обиходно-разговорной речи

Статья посвящена проблеме деперсонификации человека через метафору в лексиконе немецкого языка. Автор рассматривает деперсонификацию как единицу секундарной номинации, образованную в результате переноса наименования с предмета неживой природы на человека, описывает понятийные поля и их лексическое наполнение. В статье проводится исследование как отдельных слов разной словообразовательной структуры, так и словосочетания устойчивой характеристики (фразеологизмы) по лексико-семантическим полям вокруг лексико-семантического поля «человек», то есть по полям, лексика которых денотативно привязана к объекту «человек». В результате анализа выявлено, что гораздо большее количество единиц метафорического происхождения, чем метонимического. Исследование деперсонификации на уровне лексико-семантического словообразования позволяет глубже проникнуть в психологию носителей немецкого языка в рамках познания формирования их языковой картины мира, что важно для решения проблем межкультурной коммуникации.

The article is devoted to human depersonification through a metaphor in the German language lexis. The author examines depersonification as a unit of a secondary nomination formed in the result of transfer of an inanimate nature denomination on a human being, describes the notional fields and their lexical filling. The article explores self-contained words of a different word formation structure, word combinations of stable characteristics (phraseological units) on lexical and semantic fields around "a human being" lexical and semantic field, i.e. on the fields whose lexis is denotatively attached to "a human being" object. As a result of an analysis it is revealed that there exist much more metaphoric origin units than metonymic origin ones. Depersonification research on the level of lexical and semantic word formation allows to penetrate deeper into psychology of German native speakers in the framework of perception of their language worldview formation which is important for cross-cultural communication problems solution.

Ключевые слова: метафора, деперсонификация человека, вторичная номинация, лексико-семантическое словообразование, понятийные поля, объект номинации, лексическое наполнение.

Keywords: metaphor, mans depersonifikation, second nomination, lexico-semantic world-building, notional fields, the object of nomination, lexical filling (vocabulary).

Анализ коллоквиального словаря немецкого языка показал, что основными способами лексико-семантического словообразования являются переносы наименований с одного предмета на другой на основе метафоры и метонимии. Этой же цели служит и перифраз [1]. Материалом исследования в статье являются как отдельные слова разной словообразовательной структуры, так и словосочетания устойчивой характеристики (фразеологизмы), как уже лексиколизированные, так и являющиеся авторскими образованиями по стандартным моделям обиходно-разговорной речи. Исследование проводится по лексико-семантическим полям, являющимся периферийными полями вокруг лексико-понятийного поля «человек», то есть по полям, лексика которых денотативно привязана к объекту «человек» со всеми его проявлениями, от духовно-психологических, до материально-физических.

Одним из главных методов определения содержания слова стал метод языкового поля, когда содержание слова выявляется по его ближайшему окружению в кругу близких ему по смыслу лексических единиц. И если возникает необходимость определения лишь содержательной стороны слова, можно говорить о словарных полях. Этот принцип позволяет использовать понятие поля и для расшифровки более крупных языковых единиц, что дает возможность предпочесть термин «языковое поле». Поле не следует рассматривать как какое-то двухмерное измерение, как мозаику из слов. Это скорее силовое поле, Kraftfeld, по терминологии Г. Гиппера [2], что говорит о том, что слова в поле стоят не изолированно, что между ними имеют место отношения взаимозаменяемости, взаимопротяжения в зависимости от координат этих слов, а иногда и от времени. Идея поля базируется на представлении, что из всего словарного состава языка можно выделить отдельные слои, содержание которых определяется соседями по полю, а значение – рамками поля, будучи выделенным из какого-то конкретного контекста употребления [3].

Одним из основных сторонников полевой теории в языкознании является И. Трир [4], а продолжая его, многие немецкие лингвисты пришли к единому мнению, что словарное поле

(Wortfeld) состоит из синонимов или близких по смыслу слов с разной степенью различий в их семантике. Но все едины в том, что слова одного и того же лексико-семантического поля реферируют с одним и тем же денотатом, отличаясь друг от друга семантически лишь наличием характеризующих его коннотаций [5], интерпретирующих его смыслов [6].

В данной статье под лексико-семантическими полями понимаются группы слов, которые в отечественной германистике принято называть семантическими полями, лексико-семантическими полями /группами [7]. Поле группируется вокруг ядра поля – гиперонима поля. Так, русское «собака» является гиперонимом по отношению к словам «овчарка», «дог», «моська», «колли» и т. п., а последние состоят в гипонимических отношениях к ядру и могут образовывать периферийные поля. В связи с тем что невозможно установить объем и границы того или иного поля, в данной работе избегается бытующий в некоторых исследованиях термин «макрополе», а под «макрополем» понимается поле, состоящее из небольшого количества отобранных единиц. В статье не выделяются, как это имеет иногда место в лингвистике, понятийное поле, так как понятие выражается в языке словом и входит как слово в то или иное лексико-семантическое поле.

Первичный подход к исследуемому материалу выявил одну интересную особенность. Дело в том, что само понятие «человек», если его рассматривать как семантическое ядро поля, в обиходном лексиконе представлено буквально в единичных выражениях, ни одно из которых не может быть в силу семантических причин принято за центральное как ядро поля. Обобщающее понятие, адекватное по семантике нейтрально-литературному *der Mensch*, в обиходной сфере отсутствует, что понятно уже по самой специфике разговорной сферы, где основную роль информации играют коннотативные нагрузки. С денотатом «человек» в обиходно-разговорной речи коррелируют всего пять существительных, глубинная семантическая структура которых может быть выражена как *Person*. Это *Haus*, *Nudel*, *Nummer*, *Sorte*, *Marke*. Однако существительное *Haus* не употребляется без атрибута, с одной стороны, и оно хотя и отмечено словарями как «человек», но на практике, с другой стороны, всегда входит в атрибутивные словосочетания со значением «мужчина»: *altes Haus* (друг), *fideles Haus* (весельчак), *gelehrtes Haus* (ученый), *kluges Haus* (умница), *patentes Haus* (надежный человек) и т. д. В студенческом жаргоне *alter Haus*, *bemoostes Haus* – студент старших семестров. Оттенок пренебрежительности как коннотативная нагрузка содержится в *Nudel*, которая хотя и толкуется словарями как *Person*, но обязательно имеет атрибутами *ausgetrocknete*, *freche*, *komische*, *schlappe*, *tolle*, *versoffene* (*Nudel*).

Довольно редким, но возможным, является употребление *altes Haus* в отношении женщин и даже девушек, как это имеет место в следующем примере: «*Schön, altes Haus*», *rief ihr Neffe Fred...*[8].

Как видно из примеров, эти наименования, кроме *Haus*, могут в определенном контексте стать омонимами к начальным формам. Так все эти слова могут обозначать и существо женского пола – женщину или девушку. Нижеследующий пример содержит существительное *Nummer* в значении «девушка» – девушка среди других девушек (*Mieke* – девушка):

“*Da is manche dufte Nummer unter die Micken, die sich hier die ganze Nacht um die Ohren schlagen, bis der falsche Willem Janz schief sitzt uff de Kohlrübe*“[9].

Речь здесь идет на берлинском диалекте о девушках в ночных клубах, которые танцуют так, что парик сползает набок. В данном примере имеет место метафора для наименования головы человека – *Kohlrübe*. Но здесь метафоры из растительного мира не рассматриваются, так же как метонимии от названий частей тела типа *alter Knochen* (старик, приятель) или *dufte, spitze, steile Haut* (шикарная девушка), *anständige, arme, brave, ehrliche Haut* – о мужчине, юноше.

При отборе материала оказалось, что очень многие лексические единицы рассматриваемого характера отражают своего рода омонимические пары или же вступают между собой в отношения энантиосемии, то есть получают возможность выражать антонимические значения, полярно противопоставленные понятия. Так, существительное *Nickel*, возникшее от формы мужского имени собственного *Nikolaus*, изначально получило отрицательную, пейоративную коннотацию – распущенный, своевольный, нахальный и грубый человек. Позже оно стало употребляться с пейоративным усилителем – полупрефиксом *Sau* – (*Saunickel*). Но уже в XIX в. это обозначение солдатской проститутки, а в настоящее время называет жалкую, опустившуюся женщину. Однако первые, полярные по физиологическому полу, значения «грубый, нахальный мужчина» сохраняются и поныне.

Аналогичной поляризацией значения в паре «женщина – мужчина» характеризуется *Tunte*, *Sack*, *Lusche*, *Vogelscheuche*, *Kratzbürste*, *Reibeisen*, *Giftspritze*. Все эти наименования женщины или мужчины содержат в себе сему негативности. При этом *Tunte*, *Sack*, *Lusche* – это мужчина или женщина, о которых, говоря по-русски, можно сказать «ни богу свечка, ни черту кочерга», это медлительные, изнеженные, мечтательные особы мужского или женского пола. Сюда же отно-

сятся *Fressack* (обжора) и *Nervenwrack* (нервный человек независимо от пола), *Temperamentsbolzen*, *Temperamentsbombe* (темпераментный человек). Так, *Fettkloß* может реферировать и с мужским и с женским полом, но в следующем примере это обозначение женщины, что ясно из контекста: "...schickte seiner Frau, die ein wandelnder Fettkloß war ... Hemdchen und Höschen" [10].

Аналогично соотносятся с мужчиной и женщиной *steile Nummer* – человек что надо, *dicker Dampfer* – мужчина или женщина, отличающиеся полнотой, *schlappe Nudel* – неэнергичный человек, *taube Nuss* – глуповатая особа, пустой человек, *trübe Tasse* – бездарь, скучная особа, *vollgepessener Strumpf* – обжора, *lahma Tüte* – медлительная особа и т. п. В вербальном контексте однозначность семантики проявляется и в следующем примере с *Teekessel*, который может соотноситься и с тем и другим полом: "Mutter ist ein richtiger Teekessel, sie kocht immer gleich über" [11].

Словарями не зафиксировано существительное *Perle* со значением «мужчина» или «женщина» вообще. Но в языке молодежи *Perle* – это девушка, имеющая одного постоянного друга. Однако *schwarze Perle*, представленная в нашем материале двумя примерами, в одном случае темнокожая девушка-домработница, а во втором случае мужчина-араб: "Erline, unsere schwarze Perle, trug das Frühstück auf leisen Sohlen auf", «Bring mich zurück zu den anderen, du schwarze Perle von Sahara» [12].

Следует отметить, что данное явление характерно и для русского языка, в разговорно-обиходной речи которого существует большое количество наименований мужчин и женщин одним и тем же словом. Так, широко употребительны «чучело», «дылда», «дубина», «оглобля», «шляпа» и т. п. Однако уже беглое знакомство с лексикографическими источниками русского и немецкого языков показывает, что немецкий язык гораздо богаче русского в вопросах выражения признаков пола одним и тем же морфемным составом. В русском являются «бесполоыми» обычно существительные, оканчивающиеся на -а: шляпа, коломенская верста, заноза, тряпка и т. п. В остальных случаях женский пол оформляется родовыми окончаниями: *вертихвост/вертихвостка*. У некоторых же наименований отсутствуют пары по полу: *лапоть*, *валенок* (о мужчине), *доска* (о плоскогрудой женщине).

Уже предварительный анализ отобранного для исследования материала показал, что понятийное поле «человек» позволяет классифицировать лексику на понятийной основе. Фрагмент внеязыковой реальности «человек» может быть представлен такими полями, как «человек как живое существо», «душа и разум», «человек как общественное существо». Первое поле – «человек как живое существо» может иметь микрополя или периферийные поля «пол», «части тела», «органы и их функционирование», «движение или положение тела», «здоровье»; поле «душа и разум» может включать «ум, мудрость, способности», «восприятие», «сознание», «память», «мышление», «чувства», «мораль». Поле «человек как общественное существо» состоит из микрополей «человек в труде», «профессия» и т. п.

Примерно по такой схеме построен словарь-тезаурус Ф. Дорнзайфа "Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen", переживший несколько изданий после своего выхода в 1933 г. В этом словаре, ориентированном на литературный немецкий язык и научно-техническую терминологию, есть предметная группа слов *der Mensch* (*Sachgruppe Mensch*), представленная только отдельными лексемами. В отличие от нейтрального слоя лексики, коллоквиальные единицы все же несут коннотативную нагрузку, что часто затрудняет отношение той или иной лексической единицы к какому-то определенному полю или ведет к чрезмерному увеличению, выделению периферийных полей. Так, в русском языке существительное «конфетка» может быть употреблено в отношении девушки или женщины. Ясно то, что в коннотативном плане превалирует сема оценочности представительницы женского пола молодого возраста и приятной внешности. Но в первую очередь это пол человека, поэтому подобные отражения в немецкой обиходно-разговорной речи мы будем относить, прежде всего, к полю «пол» и лишь после этого – к остальным микрополям, если это необходимо по логическим причинам. Существительное *Schreckschraube* – пол, возраст, оценка, внешность. Это женщина с определенными характеристиками, но мы не можем сказать что-то конкретное о ее внешности, так как нельзя определяющий компонент *Schreck* соотносить в этом композите с понятием «ужас» и т. п. Этот композит представляет собой дальнейшее образование *alte Schraube* (старуха), внешний неприятный вид, который уже сам по себе «нагоняет страх». Слово адекватно русскому «старая ведьма», «старая карга» и т. п. Но и здесь причиной отнесения этого слова к периферическому полю «пол» является то, что значение всего образования покоится на понятии «женщина», так же, как *Giftzange*, неприятная, вредная учительница.

Немецкое существительное этой словарной семьи *Typ* может именовать очень симпатичного молодого человека, каким его представляю себе. Но это же слово может иметь значение «индивидуалист» и т. п. В атрибутивном словосочетании *becknackter Typ* – это не совсем нормальный молодой человек. Основная же масса словосочетаний-номинаций с этим существительным может иметь в качестве денотата как мужчину, так и женщину, объединяемых общим понятием «человек»: *dufter Typ* – обходительный, общительный человек, *klammer Typ* – глупый, духовно бедный

человек, *lahmer Typ* – несимпатичный, несимпатичная (партнер, партнерша), *letzter Typ* – с отрицательной коннотацией как в русском «последний человек», *linker Typ* – неприятный, не заслуживающий доверия человек, *holler Typ* – несимпатичный, старый, чудаковатый тип человека.

Подобно *Marke u Sorte* коллоквиальном *Type* именуется мужчину и женщину со странностями. *A billige Type, miese Type, schräge Type* – наименования непосредственных, несимпатичных, не достойных доверия особей мужского или женского пола.

Как показал анализ, сферой возникновения и создания лексических единиц, ориентированных семантически на языковую деперсонализацию человека, является неофициальный быт человека, а материалом для деперсонализирующих лексических единиц служат уже существующие в немецком языке слова нейтральной лексики и коллоквиализмы. Перенос наименований с одного объекта на другой является издавна одним из продуктивных способов словообразования. Способ этот очень экономный во всех отношениях, так как не требует использования словообразовательных средств.

Примечания

1. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд. лит. на иностр. языках, 1958.
2. Gipper H. Über Aufgabe und Leistung der Sprache beim Umgang mit Farben. Die Farbe 6, 1957, S. 23–48; Gipper H. Der sprachliche Feld // Duden-Grammatik. Mannheim: Bibliographisches Institut, 1959. 702 S.
3. Schreiber H. Deutsche Wortfelder für den Sprachunterricht. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1987.
4. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Heidelberg, 1931. 136 S.
5. Erben Y. Abriss der deutschen Grammatik. Brl.: Akademie-Verlag, 1966. 316 S.
6. Hartmann P. Das Wort als Name, Köln. Opladen, 1958.
7. Степанова М. Д., Чернышова И. И. Лексикология современного немецкого языка. М.: Высш. шк., 1962.
8. Walldorf H. Der Mörder saß im Wembly-Stadion. Halle: Mitteldeutscher Verlag. 970.
9. Flüge G. Altberliner Schnauze // Berliner Zeitung. Brl. 10.03.65. S. 11.
10. Brezan J. Mannesjahre. Brl.: Verlag Neues Leben, 1966. 288 S.
11. Erben Y. Abriss der deutschen Grammatik. Brl.: Akademie-Verlag, 1966. 316 S.
12. Fallada H. Kleiner Mann was nun? Brl. und Weimar: Aufbau Verlag, 1965. 400 S

Notes

1. Gal'perin I. R. Ocherki po stilistike anglijskogo yazyka [Essays on stylistics of the English language]. M. Publ. lit. on the foreign languages. 1958.
2. Gipper H. Über Aufgabe und Leistung der Sprache beim Umgang mit Farben. Die Farbe 6, 1957. Pp. 23–48; Gipper H. Der sprachliche Feld // Duden-Grammatik. Mannheim: Bibliographisches Institut, 1959. 702 p.
3. Schreiber H. Deutsche Wortfelder für den Sprachunterricht. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1987.
4. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Heidelberg, 1931. 136 p.
5. Erben Y. Abriss der deutschen Grammatik. Brl.: Akademie-Verlag, 1966. 316 S.
6. Hartmann P. Das Wort als Name, Köln. Opladen. 1958.
7. Stepanova M. D., Chernyshova I. I. Leksikologiya sovremennogo nemeckogo yazyka [Lexicology of the modern German language]. M. Vyssh. shk. 1962.
8. Walldorf H. Der Mörder saß im Wembly-Stadion. Halle: Mitteldeutscher Verlag. 970.
9. Flüge G. Altberliner Schnauze // Berliner Zeitung. Brl. 10.03.65. P. 11.
10. Brezan J. Mannesjahre. Brl.: Verlag Neues Leben, 1966. 288 p.
11. Erben Y. Abriss der deutschen Grammatik. Brl.: Akademie-Verlag, 1966. 316 p.
12. Fallada H. Kleiner Mann was nun? Brl. und Weimar: Aufbau Verlag, 1965. 400 p.

УДК 81'371+82.51+811.111

Н. В. Кожедуб

Коммуникативно-прагматические особенности разделительных вопросов в перекрестном допросе

Статья посвящена исследованию вопросительных предложений, используемых адвокатом в ходе перекрестного допроса свидетелей противоположной стороны. Перекрестный допрос состоит, в основном, из наводящих вопросов, которые являются эффективным средством контроля опрашиваемого свидетеля. В статье приводится анализ самых распространенных лингвистических форм наводящих вопросов, особое внимание уделяется разделительным вопросам. В работе представлены различные класси-

фикации разделительных вопросов, в том числе и классификации на основе коммуникативной функции. Разделительные вопросы – это сложные речевые акты, которые включают в себя и вопрос, и утверждение. Данный тип вопросов обладает самой высокой степенью воздействия. Тэги передают различные оттенки значений. Грамматическая структура и интонация разделительных вопросов играют важнейшую роль в передаче различных иллокутивных значений для достижения главного перлокутивного эффекта – убеждения.

The article deals with the analyses of cross-examination questions. Leading questions are typical of cross-examination and are very useful tools for controlling the witness of an adverse party. On cross-examination leading questions are more suitable, as these questions help the courtroom speaker pretend to be knowledgeable, persuasive and informed. Different types of leading questions are the focus of this article, particular attention being paid to tag-questions. Different classifications of tag-questions are analyzed. The classification of questions based on their communicative function is given. Tag-questions are universally recognized as the most controlling and coercive interrogative forms. Tags denote different meanings. Grammatical structures and intonation play a great role in reflecting the illocutionary force and achieving the desired perlocutionary effect of the speaker – persuasion.

Ключевые слова: перекрестный допрос, наводящие вопросы, разделительные вопросы, иллокутивная сила, перлокутивный эффект, убеждение.

Keywords: cross-examination, leading questions, tag-questions, illocutionary force, perlocutionary effect, persuasion.

Допрос свидетелей является важной частью судебного процесса. По свидетельским показаниям судья и присяжные могут принять решение о доказанности или недоказанности предъявленного подсудимому обвинения. Целью допроса свидетелей в суде является не только получение доказательств, но и проверка их достоверности.

В странах англо-саксонской системы права допрос свидетеля противоположной стороной называется перекрестным допросом (cross-examination). В данной работе под перекрестным допросом мы будем понимать допрос лица, чьи показания представляются в качестве доказательства противной стороной, для необходимого исследования и проверки содержащихся в них сведений, представленных в ходе прямого допроса, их источника и носителя, а также для получения новых данных от лица, допрошенного на прямом допросе [1]. Адвокат, ведущий перекрестный допрос, преследует несколько целей, а именно: дискредитировать допрашиваемого свидетеля, предложить свою версию событий и убедить суд, что именно его версия произошедшего является единственно правильной. Все эти цели достигаются при помощи вопросов.

В отличие от основного допроса, где вопросно-ответный ход предполагает использование специальных вопросов, перекрестный допрос состоит, в основном, из наводящих вопросов (leading questions), т. к. именно данная категория вопросов позволяет адвокату, проводящему перекрестный допрос, быть убедительным, информирующим и знающим. В России нет официально принятого определения наводящего вопроса, поэтому как в исследованиях, так и в судебной практике под наводящими вопросами понимают совершенно различные виды вопросов. Е. Центров под наводящим вопросом понимает такой вопрос, который с помощью содержащейся в нем информации, а также своей формулировкой, интонационным, эмоциональным подтекстом, с помощью сопровождающих его жестов, мимики или иным образом подсказывает определённый ответ или наводит на него и рассчитан на повторение содержащейся в нем либо подсказываемой им информации. А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский определяют наводящим тот вопрос, который формулируется таким образом, что внушает желаемый ответ. Таким образом, наводящим является всякий вопрос, на который может быть дан ответ «да» или «нет», поскольку вся информация уже «заготовлена» в вопросе допрашиваемого лица и ее остается лишь подтвердить или отвергнуть [2].

В США при перекрестном допросе наводящие вопросы не просто допускаются, но, как считают многие адвокаты, правильная тактика ведения дела в суде требует, чтобы все вопросы при перекрестном допросе были бы наводящими [3].

Наводящие вопросы в перекрестном допросе выполняют двойственную функцию. С одной стороны, они являются эффективным средством контроля опрашиваемого свидетеля. С другой стороны, они подтверждают ту информацию, которая доказывает правоту позиции судебного оратора, ведущего перекрестный допрос. Вопрос адвоката, в некоторой степени, может манипулировать формой и содержанием ответа свидетеля. Более того, если ответ свидетеля не удовлетворяет адвоката, он вправе задать дополнительные вопросы, чтобы достигнуть своей цели. Таким образом, они подчинены необходимости выяснить все обстоятельства дела, дать им правильную квалификацию, убедить судей в правильности позиции оратора, а также обеспечить целенаправленное и эффективное воздействие на сознание присутствующих в зале суда граждан.

Наводящие вопросы не имеют единой лингвистической формы. Тем не менее ряд зарубежных авторов выделяют в своих работах самые распространенные формы наводящих вопросов. Так, Peter M. Tiersma указывает на три основных типа вопросов: общий отрицательный вопрос (Negativeyes/noquestion), разделительный вопрос (Tagquestion), утверждение с вопросительной интонацией (Declarativequestion) [4].

Danet, исследуя судебную речь, пришел к выводу, что разделительные и общие вопросы являются более воздействующими, чем другие типы вопросительных предложений, т. к. они предполагают краткие ответы «Да» или «Нет» и не позволяют свидетелю давать распространенные ответы, как в случае со специальными вопросами [5].

Т. Ткаси́кова в своей работе также уделяет особое внимание разделительным вопросам. Она подтверждает воздействующий характер данного типа вопросительных предложений, т. к. они изначально предполагают утвердительный ответ [6].

Woodbury обобщил результаты исследования различных типов вопросительных предложений по степени их воздействия и пришел к выводу, что наибольшей степенью контроля обладают общие вопросы, разделительные вопросы и утверждения с вопросительной интонацией. Кроме того, автор отметил, что контролирующие и воздействующие вопросительные предложения, такие как разделительные и общие, преобладают в перекрестном допросе [7].

Несмотря на некоторые различия в оценке степени воздействия различных типов наводящих вопросов, авторы едины в одном: разделительные вопросы обладают высокой степенью воздействия. Если главной функцией любого вопроса является получение информации, в перекрестном допросе данная функция вопроса не присутствует или является вторичной, т. к. адвокат не задает вопрос свидетелю во время перекрестного допроса, не зная предполагаемый ответ. Не случайно разделительные вопросы преобладают при перекрестном допросе. Они составляют 53% всех вопросов, встречающихся в перекрестном допросе, и лишь 9% всех судебных вопросов главного допроса [8].

Разделительный вопрос – это особый вид вопросительной разделительной конструкции, которая состоит из невопросительной неимперативной основы и морфологически зависимого вопросительного либо несистемного вопросительного тэга [9]. Наличие или отсутствие вербального вопросительного сегмента является фактором деления разделительных вопросов на две основные категории: регулярные и нерегулярные [10], т. е. регулярные разделительные вопросы имеют в своей структуре данный сегмент, а нерегулярные – нет. В регулярном разделительном вопросе вербальный вопросительный сегмент (тэг) присоединяется к главному компоненту, который чаще всего представлен повествовательным предложением. Именно данная грамматическая структура преобладает в разделительных вопросах, используемых судебным оратором при перекрестном допросе.

Разделительные вопросы – это сложные речевые акты, которые включают в себя и вопрос, и утверждение. Невопросительная неимперативная основа является утверждением, для которого оратор ищет подтверждение с помощью тэга.

Выделяют сбалансированные и несбалансированные регулярные разделительные вопросы [11]. В первом типе вопросов главный компонент – положительный, в то время как тэг – отрицательный, и наоборот. Таким образом, образуются положительно-отрицательные и отрицательно-положительные сбалансированные разделительные вопросы. В несбалансированном разделительном вопросе обе части являются или положительными, или отрицательными.

При допросе свидетеля противоположной стороны используются оба вида регулярных разделительных вопросов:

The situation couldn't have been more stressful, could it?

You were happy with that, were you?

Оттенки значений, передаваемые посредством разделительных вопросов, во многом обусловлены их структурными особенностями. Так, утвердительная основа и утвердительный тэг подразумевают иронию, раздражение или нетерпение:

(суд. оратор) – You went along to theatre with enthusiasm and energy you had at 9 p.m., did you?

(свидетель) – We were in good spirit, yes.

А утвердительная основа и отрицательный тэг выражают желание оратора услышать мнение или одобрение опрашиваемого свидетеля:

– It was your patient, wasn't it?

– Yes.

Тэги обычно оформляются нисходящим или восходящим тоном. Нисходящий тон тэга подразумевает абсолютную уверенность в правоте слов говорящего:

– It wasn't just a heart attack, was it? ↘

– I wasn't there.

Восходящий тон тэга объясняется желанием оратора получить подтверждение своих слов у собеседника:

– He'd gone through a lot of blood, hadn't he? ↗

– Yes.

В перекрестном допросе преобладают тэги с нисходящим тоном. Согласно исследованию, проведенному Wennerstrom, тэги, оформленные нисходящим тоном, соответствуют 75% [12].

Выражение различных иллокутивных значений с помощью интонации можно рассматривать как проявление имплицативной функции интонации. Иллокутивный акт изменяет мнение и намерения слушающего, что, в свою очередь, приводит к перлокутивному эффекту, который является целью действия. Иллокутивные акты с перлокутивным эффектом убеждения особенно важны для разделительных вопросов во время перекрестного допроса. Успешное осуществление судебным оратором иллокутивного акта с перлокутивным эффектом воздействия на суд и аудиторию приводит к важным результатам, которые в дальнейшем влияют на исход рассматриваемого дела.

Таким образом, грамматическая структуры и интонация разделительных вопросов играют важнейшую роль в передаче различных иллокутивных значений для достижения главного перлокутивного эффекта – убеждения – и являются главным инструментом судебного оратора для давления на свидетеля противоположной стороны, на убеждение судьи и присяжных в правоте своей позиции по рассматриваемому судебному делу.

Примечания

1. Александров А. С. Перекрестный допрос: учеб.-практ. пособие / А. С. Александров, С. П. Гришин. М.: ТК Велби: Изд-во «Проспект», 2005. С. 8.

2. Веллман Ф. Л. Искусство перекрестного допроса / пер. с англ. К. Адамович. М.: Американ. ассоциация юристов, 2011. С. 10–12.

3. Там же.

4. Tiersma P. M. *Legal Language*. Chicago: University of Chicago Press, 2000. P. 164.

5. Berk-Seligson S. *The bilingual Courtroom: Court Interpreters in the Judicial Process*. Chicago: University of Chicago Press, 2012.

6. Ткацѣкова Т. *Representing Oneself. Cross-examination questioning: lay people as cross-examiners*. N. Y., Routledge, 2010. P. 333.

7. Wennerstrom A. K. *The music of everyday speech, prosody and discourse analysis*. Oxford: University Press, 2001. P. 215.

8. Archer D. *Questions and Answers in the English Courtroom (1640–1760): a Sociopragmatic Analysis*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2005. P. 81.

9. Богуславская О. В. Интонационные особенности английских разделительных вопросов в диалогической речи: на материале разговорного и делового стилей в британском варианте английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2006.

10. Ковбаско Ю. Г. Синтаксический аспект разделительных вопросов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Философия. Филология». 2008. № 2 (4).

11. Там же.

12. Wennerstrom A. K. *The music of everyday speech, prosody and discourse analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 215.

Notes

1. Aleksandrov A. S. *Perekrestnyj dopros: ucheb.-prakt. posobie* [Cross examination: method. manual] / A. S. Aleksandrov, S. P. Grishin. M. TK Velbi: Published in "Prospect". 2005. P. 8.

2. Vellman F. L. *Iskusstvo perekrestnogo doprosa* [Art of cross-examination] / transl. from English K. Adamovich. M. American Lawyers Association. 2011. Pp. 10-12.

3. Ibid.

4. Tiersma P. M. *Legal Language*. University of Chicago Press, 2000. P. 164.

5. Berk-Seligson S. *The bilingual Courtroom: Court Interpreters in the Judicial Process*. University of Chicago Press, 2012.

6. Locher M. A. *Cross-examination questioning: lay people as cross-examiners*. *Language Arts @ Discipline*, 2010. P. 332.

7. Wennerstrom A. K. *The music of everyday speech, prosody and discourse analysis*. Oxford: University Press, 2001. P. 215.

8. Archer D. *Questions and Answers in the English Courtroom (1640–1760): a Sociopragmatic Analysis*. John Benjamins Publishing, 2005. P. 81.

9. Boguslavskaya O. V. *Intonacionnyye osobennosti anglijskih razdelitel'nyh voprosov v dialogicheskoj rechi: na materiale razgovornogo i delovogo stilej v britanskom variante anglijskogoazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Intonational features of English separation issues in dialogical speech: conversational and business styles in the British variant of English language: abstr. dis. Cand. philol. sciences]. Ivanovo. Ivanovo State University. 2006.

10. Kovbasko YU. G. Sintaksicheskiy aspekt razdelitel'nyh voprosov [Syntactic aspect of the separation questions] //Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Ser. «Filosofiya. Filologiya» – Herald of Samara Humanitarian Academy. Ser. "Philosophy. Philology". 2008, № 2 (4).

11. Ibid.

12. Wennerstrom A. K. The music of everyday speech, prosody and discourse analysis. Oxford University Press, 2001. P. 215.

УДК 81

Ф. Б. Ситдикова, Д. Р. Сафина, О. К. Мельникова

Имплицитное отрицание и способы его передачи в высказываниях диалога (на материале татарского языка)

Актуальность исследуемой проблемы продиктована общим направлением развития лингвистики на современном этапе и интересом к семантической стороне языковых явлений. В статье рассматриваются случаи передачи имплицитного отрицания в диалогическом дискурсе с применением когнитивного подхода. Основные результаты исследования заключаются в описании механизма распознавания имплицитного смысла и выделении типичных случаев имплицитного отрицания в высказываниях диалога, характеризующихся асимметрией вопросительной и ответной реплик. Собраны языковые примеры из татарской художественной прозы. Материалы статьи могут внести вклад в проблемы соотношения языка и мышления и представлять интерес для лингвистов, психолингвистов, специалистов по логике и философии и найти применение в вузовской практике преподавания современного татарского языка, а также при семантическом анализе текста на занятиях по стилистике.

The article presents a research in the field of semantic linguistics and deals with implicit negation. The presence of implicit meanings in all languages is one of the most important features in the verbal communication process. The main results of the research are describing the mechanism of detecting implicit meaning and analyzing typical cases of implicit negation in conversational dialogues utterances. The language examples have been collected from Tatar fiction and translated into Russian. The article materials can contribute into the language and thinking correlation problem and be of some interest for linguists, psycho-linguists, experts in logics and philosophy, they can be used in teaching the Tatar language at universities, while making semantic analysis at stylistics classes.

Ключевые слова: имплицитное отрицание, имплицитный смысл, импликатура, интонационные фразеологизмы.

Keywords: implicit negation, implicit meanings, implicature, intonational phraseological units.

Отрицание является категорией, связанной со взаимодействием языка и мышления, поэтому изучается такими науками, как логика, философия, психология, а также лингвистика. Большинство исследователей отрицания (О. Есперсен, Т. Гивон, Л. Р. Хорн, В. Хейнеманн и др.) считают отрицание мыслительной понятийной категорией, которая находит выражение в языке [1].

Отрицание может быть выражено как явно (эксплицитно), так и неявно (имплицитно). Эксплицитно и имплицитно отрицание реализуется на всех языковых уровнях, поскольку категория отрицания может использовать целый комплекс средств для своего выражения (лексических, морфологических и синтаксических, семантических и просодических).

Многие исследователи, рассматривая категорию отрицания, отмечали, что семантика отрицательного предложения часто не соответствует его структуре. Предложение по форме может быть утвердительным или вопросительным, но в своей семантике имплицитно содержать отрицание. Другими словами, имплицитное отрицание проявляется в невыраженности значения формально-грамматическими показателями.

Содержание высказывания с имплицитным отрицанием может быть понято лишь как отражение конкретного акта коммуникации, отношений между коммуникантами и обстоятельств коммуникации. В качестве примера рассмотрим небольшой диалог, в котором отрицание выражено при помощи **энтимемы**. Так в логике называют вид умозаключений, в которых пропущена одна из посылок или вывод. В языке часто встречаются ситуации, когда в целях экономии говорящий опускает меньшую посылку по причине общеизвестности, а рецептор без труда восстанавливает эту информацию:

- *Милициягәхәбәр иттегезме?*
- **Монда телефонны өзгәннәр** [2].
- *В милицию сообщили?*
- **Здесь телефонный провод перерезали.** (Пер. наш. – Авт.).

В этом примере ответная реплика содержит отрицательный ответ на заданный вопрос. *Чтобы позвонить в милицию, нужен телефон* (опущенная большая посылка). *Телефонный провод перерезан* (меньшая посылка). ->*Следовательно, в милицию не сообщили* (опущенный вывод).

В данном случае мы можем говорить об имплицитном способе выражения отрицания.

Для начала несколько слов об **имплицитном смысле** и **импликатуре**.

Во всех языках смысл высказывания складывается из эксплицитно выраженных и невыраженных, но подразумеваемых компонентов. Под **имплицитным смыслом** высказывания понимается невыраженный, но подразумеваемый смысл, который создается при взаимодействии языковых единиц высказывания с когнитивной средой. Высказывание, таким образом, можно рассматривать как речевой стимул, привлекающий знания из когнитивной среды для образования смысла [3].

Современный когнитивный подход рассматривает имплицитный смысл высказывания как сложную многоуровневую структуру, которая включает в себя пресуппозиции (фоновые знания), конкретно-контекстуальный смысл и импликацию. **Импликация** – это имплицитный смысл высказывания, дословно не выраженная в высказывании информация, которая извлекается в результате смыслового вывода (импликации) с привлечением дополнительных элементов из когнитивной среды, другими словами, фоновых знаний. В указанном выше примере импликацией является логический вывод, не выраженный дословно.

Имплицитный способ выражения отрицания более сложен для восприятия, поскольку не имеет устойчивых формально-грамматических признаков. Если эксплицитно выраженное отрицание всегда доступно для понимания, то для уяснения отрицательного смысла конструкции с имплицитным отрицанием особую роль приобретает интонация, контекст в целом, порядок слов (лингвистические факторы), а также экстралингвистические факторы: речевая ситуация, статус, возраст, пол, культурный уровень и внелингвистический опыт участников коммуникации, т. е. когнитивная среда. Важную роль играет и та прагматическая направленность, которую придает высказыванию его автор, желая выразить отношение к тем или иным явлениям действительности.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть **некоторые способы передачи имплицитного отрицания, встречающиеся в диалоге**.

Диалог считают особым видом текста, поскольку в нем «нужное содержание складывается из смысла, заложенного в речевых отрезках с явным словесным выражением, и из подразумеваемого. Мысль формируется в опоре на общий опыт говорящих... на элементы обстановки разговора, с учетом жестов и мимики, а также с ориентировкой на языковой контекст. Это позволяет многое не называть ввиду его достаточной ясности для говорящих» [4]. Степень имплицитности предложений диалогической разговорной речи особенно велика в случае, когда участников речевого акта объединяет одна и та же ситуация и перцептивно-ассоциативная база, многое можно сказать «между строк».

Практика показывает, что в диалогах встречается асимметрия вопросительной и ответной реплик, свидетельствующая о наличии скрытого смысла, и довольно часто ответная реплика содержит отрицание. При этом отрицательная семантика может сопровождаться самыми разнообразными дополнительными оттенками значения (насмешки, иронии, удивления, сомнения, досады, категорического несогласия и т. д.).

Как упоминалось выше, имплицитное отрицание может существовать на всех уровнях языка, начиная со слова. Рассматривая имплицитное отрицание, мы ограничились только уровнем высказываний диалога. Самым простым случаем диалога является вопросно-ответная структура, при этом коммуниканты многое оставляют «между строк», что является проявлением имплицитности.

Языковые примеры для статьи собраны из татарской художественной прозы, хотя об имплицитном отрицании можно говорить в любом естественном языке. Рассматривая примеры, мы выделили следующие случаи, когда в ответных репликах диалога содержится имплицитное отрицание.

1. Самый общий случай. В ответной реплике диалога содержится утверждение, которое в имплицитном виде содержит отрицание факта из предыдущей реплики. С помощью механизма импликации, привлекая фоновые знания, контекст и ситуацию, извлекается конкретно-контекстуальный смысл и импликация реплики. Е. М. Люльчева отмечает, что «несмотря на то, что отрицание, выраженное косвенно/имплицитно /опосредованно, обнаруживается труднее, его использование оправданно в тех случаях, когда необходимо сделать намек или высказать ироническое отношение к чему-либо» [5]. Рассмотрим пример:

- Ул миңа сезне сеңлем диде.
- **Аның сеңлесе йә тумазан, йә айда...** [6]
- Он сказал мне, что вы его сестра.
- **Его сестра либо еще не родилась, либо на Луне...** (Пер. наш. – Авт.).

Из выделенного предложения, в котором содержится язвительная ирония, можно вывести логическую импликацию, что вышеупомянутой сестры не существует.

2. Использование устойчивых словосочетаний. Если в первом случае высказывание было произвольным, то второй случай – это когда отрицательный ответ содержится в устойчивых, особым образом интонационно оформленных словосочетаниях, которые современные исследователи называют **интонационными фразеологизмами (ИФ)**. Примеры отрицательных ИФ в татарском языке: **Әллә тагы (Вот ещё! О чём ты говоришь), Көлдөрмә (Не смей меня), Ачуымны китермә (Не зли меня), Башымы катырма (Не морочь голову, не пудри мозги)** – и т. д. Такие обороты особенно характерны для разговорной диалогической речи с ее эмоциональной насыщенностью. Пример высказывания, содержащего интонационный фразеологизм:

- Мин хулиган малайга охшаганмы, апа?
- **Әллә тагы, иптәш энәм. Йөзең-битең матур, киенүең фырт та үзе** [7].
- Тётя, я похож на хулигана?
- **С чего это (Что ты такое говоришь), сынок. Ты и сам красиво выглядишь, и одежда дорогая.** (Пер. наш. – Авт.).

3. Ответ на вопрос **формально является вопросительным предложением**, но имплицитно содержит отрицание или возражение. (Этот случай отчасти пересекается со вторым, поскольку интонационные фразеологизмы могут иметь форму вопроса).

Такую разновидность вопросов изучали многие исследователи русской разговорной речи (Г. В. Гаврилова, В. Ю. Меликян, Д. Н. Шмелев, Н. Д. Арутюнова и др.), отмечавшие факт существования ответных реплик в форме вопросов, которые на самом деле являются выражением эмоциональной реакции говорящего и имплицитно содержат в себе значение отрицания предыдущего утверждения, несогласия, возражения, негодования, протеста, возмущения и т. д. Например, Г. Ф. Гаврилова пишет о вопросительных предложениях, которые характеризуются «асимметрией формы и содержания, где вопросительная форма – всего лишь “маска” не соответствующего ей содержания» [8].

Н. Д. Арутюнова отмечает, что «в русском языке процесс преобразования специальных вопросов в общие реакции модального типа со значением подтверждения, согласия, возражения, отказа и т. п. протекает достаточно активно и охватывает практически все виды частных вопросов» [9]. Н. А. Некрасова утверждает, что подобные вопросительные предложения, осложненные дополнительными коннотациями возражения, несогласия, негодования и т. д., позволяют экономить языковые средства [10]. По-видимому, это явление свойственно не только русскому языку, поскольку в татарском языке также можно выделить конвенционально закрепленные в языке реплики подобного типа.

Например, ответные реплики-вопросы, начинающиеся с **Кем (Кто)**, имплицитно выражают отрицание предыдущего утверждения, несогласие с ним:

- Син ник гел кул уйнатасың, Бакир?
- **Кем әйтә уйната дип?** [11].
- Ты почему все время руки распускаешь, Бакир?
- **Кто говорит, что я руки распускаю?** (Смысл последней реплики: Я не распускаю руки.)

Ответные реплики с **Нинди (Какой)** также выражают отрицание, несогласие:

- Анысы инде узен гаепле дип белгәнгә күрәдер...

– **Ә нинди гаепе бар аның?** [12]

– Это, наверное, потому что чувствовала себя виноватой...

– А в чем она виновата? (Досл.: **Какая ее вина?**) (→ Она не виновата).

Вопросительные реплики, начинающиеся с **Каян, Кая (Где, Откуда)** (+ ул, инде), несут в себе идею отрицания. Пример из бытового разговора:

- Тик торганда ник улгәнсоң?
- Мин **каян** белим? [13].
- Почему же она умерла ни с того ни с сего?
- **Откуда** я знаю? (→ Я не знаю).

Надо заметить, что часто такие вопросительные реплики (например, **Каян белим? Откуда я знаю?**) закрепляются в языке как типизированные, устойчивые фразы и переходят в разряд ИФ.

4. Рассмотрим наиболее интересный случай, когда **высказывание формально является утвердительным ответом** на вопрос, но соответствующее интонационное оформление и кон-

текст свидетельствуют об отрицании. В диалогической речи интонация и логическое ударение играют огромную роль, помогая выявить наличие отрицания в высказываниях. Интонация способна придавать неотрицательным структурам отрицательный смысл. Логическое ударение, взаимодействуя с другими факторами, способствует точному пониманию имплицитной структуры высказывания.

В следующем примере из татарской литературы имплицитный смысл выделенной нами фразы абсолютно противоположен его дословному смыслу:

– *Көтү куганда Кәфия апа сөйләде. Тәнлә Бакир капкагызга ташлар томырды дип. Чынмы, алмам?*

– *Чын, апа, – диде Василә елмаеп. – Күзеңә чалынмадымыни, капка янтайган, койма ишелгән, тәрәзә ватылган...* [14]

– *Утром, когда корову в стадо провожала, соседка Кафия рассказывала, что Бакир ваши ворота камнями обстреливал. Правда, что ли, сестренка?*

– *Правда, апа, – улыбнулась Василә. – Разве не заметила, что ворота покосились, забор повален, окна все повыбиты...* (Пер. наш. – Авт.).

В данном случае контекст (*улыбнулась*) и соответствующее интонационное оформление помогают вывести правильную импликацию.

Часто в художественной литературе и в фольклоре имплицитное отрицание, заключенное в утвердительных предложениях, используется для создания юмористического эффекта. Нам не удалось найти соответствующий пример в татарской прозе, поэтому рассмотрим известный всем анекдот:

Едут в одном купе англичанин, русская и переводчик.

Англичанин: У меня пропали тапочки. Спроси ее, не брала ли она их.

Переводчик: У иностранца пропали тапочки. Мадам, вы их случайно не брали?

Русская: Да нужны они мне!

Переводчик: Она утверждает, что они ей очень нужны.

Англичанин: Пускай тогда за них заплатит.

Переводчик: Вы должны заплатить ему за тапочки.

Русская: Здравствуйте, я ваша тетя!

Переводчик: Она говорит, что она ваша родственница.

Англичанин: Пускай заплатит хотя бы половину.

Русская: Хрен ему!

Переводчик: Она согласна заплатить, но только овощами.

Мы наблюдаем фразеологические обороты с отрицательной семантикой и соответствующим интонационным оформлением, которые понятны носителю языка, но совершенно непонятны иностранцам и иногда даже переводчику. Такие ИФ со значением эмоционально окрашенного отрицания представляют собой эмотивные единицы разговорной речи, обладают категориальными признаками фразеологических единиц, выражают эмоциональное отношение говорящего, характеризуются первостепенной ролью интонационного компонента высказывания при формировании его общего значения [15].

ИФ могут иметь постоянную (закрытую) синтаксическую структуру или открытую, а также переходить из одной семантической группы в другую.

5. Одним из способов передачи отрицания являются условные высказывания, которые несут в себе значение невозможности данного действия на момент высказывания или отсутствия чего-либо. Например:

– *Өметемә бер бала табам эле мин, – дидем.*

– *Син буйга узсаң, мин уң кулымы кистерәм, валлахи! Ха-ха-ха!* [16]

– *Вот возьму и рожу ребенка, – сказала я.*

– *Если ты забеременеешь, я дам отрезать свою правую руку, ей-богу! Ха-ха-ха!*

Из последнего высказывания можно вывести импликацию о невозможности или маловероятности события, указанного в первом высказывании.

6. В диалогах встречается также комбинация вышеперечисленных случаев в пределах одной реплики:

– *Мин синнән бер тартма кәнфит алган идем. Узган ел бугай. Хәтерлисеңме?*

– *Көлдөрмә, абый кеше. Йөзләгән йөз, йөзләгән кул, каян танып-хәтерләп бетерерсең?* [17].

– *Я у тебя как-то купил коробку конфет. Кажется в прошлом году. Помнишь?*

– *Не смейши, дяденька. Сотни лиц и рук за день вижу, куда мне всех упомянуть?*

В данном примере видим употребление интонационного фразеологизма *Көлдөрмә. Не смейши* с отрицательным значением и типизированной вопросительной конструкцией со словом *Каян? Куда?*, которая также употребляется в целях передачи отрицания или протеста.

Выводы

1. Отрицание является мыслительной понятийной категорией, которая находит выражение в языке. Оно может быть выражено как эксплицитно, так и имплицитно на всех языковых уровнях вследствие свойственной категории отрицания возможности использовать комплекс средств выражения значений (лексических, морфологических и синтаксических, семантических и просодических).

2. Вербальная коммуникация невозможна без имплицитного смысла, который играет важную роль в создании и понимании речевых высказываний. Имплицитный смысл образуется из взаимодействия вербально выраженного содержания высказывания и частей когнитивной среды коммуникантов по принципу: стимул – контекст – интерпретация.

3. Для уяснения отрицательного смысла конструкции с имплицитным отрицанием (другими словами, для вывода имплицитности) особую роль приобретает интонация, контекст в целом, порядок слов, а также экстралингвистические факторы: речевая ситуация, статус, возраст, пол, культурный уровень и внелингвистический опыт участников коммуникации, т. е. когнитивная среда.

4. Степень имплицитности высказываний диалогической разговорной речи особенно велика, т. к. участников речевого акта объединяет одна и та же ситуация и перцептивно-ассоциативная база, многое можно сказать «между строк». Соответственно, случаи имплицитного отрицания чаще всего встречаются именно в диалоге.

5. Проанализированы характерные случаи имплицитного отрицания в высказываниях диалога, проиллюстрированные языковыми примерами.

Примечания

1. Половинина С. Г. Имплицитные маркеры отрицания в немецкоязычном рекламном дискурсе // Гуманитарные исследования. 2006. № 10. С. 113. URL: <http://asu.edu.ru/images/File/Izdatelstvo/GI4/112-119.pdf> (accessed on 26.02.2017)

2. Галиуллин Т. Тәүбә. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1997. С. 55.

3. Кашичкин А. В. Имплицитность в контексте перевода: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 9.

4. Девкин В. Д. Диалог: Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М.: Высш. шк., 1981. С. 6.

5. Люльчева Е. М. Имплицитные способы выражения отрицания // Вестник ИГЛУ. 2013. С. 101. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/implitsitnye-sposoby-vyrazheniya-otritsaniya> (accessed on 26.02.2017).

6. Гыйматдинова Н. Икебезгә дә авыр...: Повестьләр, хикәяләр. Казан: «Идел-Пресс», 2002. С. 317.

7. Там же. С. 319.

8. Гаврилова Г. Ф. Вопросительные конструкции в их функционально-семиотическом аспекте // Языковые единицы: Логика и семантика, функции и прагматика. Таганрог, 1999. С. 91.

9. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 674.

10. Некрасова Н. А. Имплицитность разноуровневых синтаксических конструкций в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 64.

11. Гыйматдинова Н. Парлы ялгыз. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 2003. С. 99.

12. Еники Ә. Сайланма әсәрләр. Казан: Тарих, 2002. С. 155.

13. Бәширов Г. Намус. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1951. С. 37.

14. Гыйматдинова Н. Парлы ялгыз... С. 104.

15. Хосейни А., Ганбари-Эрди Ф. С. Способы имплицитного выражения отрицания в интонационных фразеологизмах // Молодой ученый. 2015. № 8. С. 188. URL: <http://moluch.ru/archive/88/17274/> (accessed on 26.02.2017).

16. Гыйматдинова Н. Икебезгә дә авыр... С. 48.

17. Там же. С. 306.

Notes

1. Polovinina S. G. Implicitnye markery otritsaniya v nemeckoyazychnom reklamnom diskurse [Implicit markers of negation in German-language advertising discourse] // Gumanitarnye issledovaniya – Humanity researches. 2006, No. 10, p. 113. Available at: <http://asu.edu.ru/images/File/Izdatelstvo/GI4/112-119.pdf> (accessed on 26.02.2017)

2. Galiullin T. Tәүbә. Kazan: Tatarstan kитаp нәшрияте. 1997. P. 55.

3. Kashichkin A. V. Implicitnost' v kontekste perevoda: dis. ... kand. filol. nauk [Implication in the context of translation: dis. Cand. philol. sciences]. M. 2003. P. 9.

4. Devkin V. D. Dialog: Nemeckaya razgovornaya rech' v sopostavlenii s russkoj [Dialogue: German spoken language in comparison with Russian one]. M. Vyssh. shk. 1981. P.6.

5. Lyul'cheva E. M. Implicitnye sposoby vyrazheniya otritsaniya [Implicit ways of expressing negation] // Vestnik IGLU – Herald of the ISLU. 2013, p. 101. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/implitsitnye-sposoby-vyrazheniya-otritsaniya> (accessed on 26.02.2017).

6. Gijmatdinova N. Икебезгә дә авыр...: Повестьләр, хикәяләр. Kazan. "IdelPress". 2002. P. 317.

7. Ibid. P. 319.

8. GavriloVA G. F. Voprositel'nye konstrukcii v ih funkcional'no-semioticheskom aspekte [Interrogative constructions in their functional and semiotic aspect] // YAzykovye edinytcy: Logika i semantika, funkcii i pragmatika – Linguistic units: Logic and semantics, functions, and pragmatics. Taganrog. 1999. P. 91.

9. Arutyunova N. D. YAzyk i mir cheloveka [Language and the world of man]. M. Languages of Russian culture. 1998. P. 674.
10. Nekrasova N. A. Implicitnost' raznourovnevnyh sintaksicheskikh konstrukcij v russkom i anglijskom yazykah: dis. ... kand. filol. nauk [Implication of different levels of syntactic constructions in Russian and English: dis. Cand. philol. sciences]. Rostov-na-Donu. 2003. P. 64.
11. Gyjmatdinova N. Парлы ялгыз. Kazan. Татарстан китап нәшрияте. 2003. P. 99.
12. Eniki Ә. Сайланма әсәрләр. Kazan. Tarikh. 2002. P. 155.
13. Bəshirov G. Намус. Kazan. Татарстан китап нәшрияте. 1951. P.37.
14. Gyjmatdinova N. Парлы ялгыз... P. 104.
15. Hosejni A., Ganbari-EHrdi F. S. Sposoby implicitnogo vyrazheniya otricaniya v intonacionnyh frazeologizmah [Ways of implicit expressing the negation in the intonation idioms] // Molodoj uchenyj – Young scientist. 2015, No. 8, p. 188. Available at: <http://moluch.ru/archive/88/17274/> (accessed on 26.02.2017).
16. Gyjmatdinova N. Икебезгә дә авыр... P. 48.
17. Ibid. P. 306.

УДК 811.161.1'373.611

В. Ф. Ибрагимова

Лексикографический аспект русских и украинских фамилий тюркского происхождения

В статье даны описания принципов построения антропонимического словаря нового типа – толково-гнездового словаря русских и украинских фамилий тюркского происхождения, а также основные источники, которые явились базой для создания такого рода словаря. Анализируются словарные статьи, включающие в себя различные блоки. Особое внимание уделено рассмотрению словообразовательного гнезда как комплексной единицы системы словообразования. Рассмотренный нами материал показал, что при исследовании фамилий законы заимствующего языка накладывают на них свой отпечаток и не позволяют исчезнуть. Одним из результатов контактов являются заимствования – особый пласт лексики как с точки зрения процессов номинации, так и в плане мотивированности. Составление такого рода словарей позволяет проследить основные этапы исторического развития, выявить взаимоотношения между этносами, оставившими значительный след не только в истории, но и в языке.

The article describes the principles of construction of a new type of anthroponymic dictionary – sensibly-nested dictionary of Russian and Ukrainian surnames of Turkic origin, and the main sources of which were the basis for the creation of such a dictionary. Analyzes the dictionary articles, which include various blocks. Particular attention is paid to word-forming nest as a complex unit of system of word formation. The material showed that the rules of the borrowing language impose on surnames the mark and do not allow to disappear. One of the results of the contacts are borrowings – a special layer of vocabulary from the point of view of the processes of nomination, and in terms of motivation. The compilation such kind of dictionaries allows us to trace the main stages of historical development, to identify relationships between ethnic groups, leaving a significant mark not only in history but also in the language.

Ключевые слова: антропонимы, словарная статья, ономастическое словообразование, лексикография, дериватология, словообразовательное гнездо.

Keywords: anthroponomy, dictionary article, name formation, lexicography, derivatology, derivational nest.

Актуальность данного исследования определяется тенденциями современной лексикографии, которые характеризуются появлением антропонимических словарей нового типа. История происхождения фамилии помогает объяснить значение забытых слов и узнать много нового о предках, выявить связи и отношения (военные, торговые, культурные и социальные) восточных славян и тюркских народов. Это позволяет, с одной стороны, определить этимологию антропонимических единиц, с другой – словообразовательный аспект.

Большой вклад в изучение русских и украинских фамилий тюркского происхождения внесли такие ученые, как Ю. К. Редько, Н. А. Баскаков, Б. О. Унбегаун, Ю. А. Федосюк, А. В. Суперанская и др.

Рассмотренный нами материал показал, что при исследовании фамилий законы заимствующего языка накладывают на них свой отпечаток и не позволяют исчезнуть. Одним из результатов контактов являются заимствования – особый пласт лексики как с точки зрения процессов номинации, так и в плане мотивированности. Как отметил А. Н. Тихонов, «заимствование – эле-

мент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [1]. Современное развитие теории словообразования обусловило развертывание работ, раскрывающих деривационные процессы различных типов слов. Опыт и анализ гнездования слов, сделанный А. Н. Тихоновым, помогли определить границы гнезд и решить семантические и этимологические проблемы. А. Н. Тихонов – российский учёный-лингвист, лексикограф, специалист в области русской дериватологии, внёс значительный вклад в разработку принципов составления гнездовых словообразовательных словарей, теоретических проблем словообразовательного гнезда. Так, к значительным лексикографическим работам XX столетия относится первый гнездовой «Словарь русских личных имен» А. Н. Тихонова, Л. З. Бояриновой и А. Г. Рыжковой [2]. После разработки принципов составления словообразовательных словарей А. Н. Тихоновым особую значимость приобрели вопросы лексикографического обеспечения словообразовательной науки.

«Словарь русских и украинских фамилий тюркского происхождения», составителем которого является автор данной статьи [3], относится к разновидности гнездовых толковых словарей, имеющих в русистике давнюю лексикографическую традицию. Этот *Словарь* представляет собой корпус зафиксированных фамилий, широко распространенных и сегодня. Фамилии, отобранные по данным картотеки, служат интересным материалом для филологов, занимающихся ономастикой.

Цель данной статьи – показать лексикографический принцип русского языкознания в области составления словарей, в частности создания антропонимического словаря.

Антропонимы, представленные в *Словаре*, служат источником, помогающим выяснить былой этнический состав Крыма. Описание фамилий становится значимым, так как отражает определенный исторический, географический, культурный и социальный фон. Тюркские лексические элементы давно и прочно вошли в обиходный язык восточных славян. А. В. Суперанская отмечает, что «сравнительное изучение имен разных типов позволяет выявить специфические черты, свойственные всем или многим именам разных языков и общие закономерности, в соответствии с которыми развиваются ономастические системы» [4].

В. Д. Аракин утверждает, что «целесообразно определить тюркизмы как слово, непосредственно заимствованное из любого из тюркских языков в русский, независимо от его происхождения в тюркских языках» [5].

При работе над «Словарем русских и украинских фамилий тюркского происхождения» были использованы материалы таких словарей, как «Крымскотатарско-русский словарь» С. М. Усеинова [6], «Русские фамилии тюркского происхождения» Н. А. Баскакова [7], «Русские фамилии: Популярный этимологический словарь» Ю. А. Федосюка [8], «Русские фамилии» Б. О. Унбегауна [9] и др.

Источниками картотеки *Словаря* явились различные средства массовой информации, телефонные и адресные справочники городов Крыма, а также интернет-ресурсы. Тщательно был обработан «Реестр усього Війська Запорозького після Зборівського договору з королем польським Яном Казиміром складений 1649 року, жовтня 16 дня й виданий по достеменному виданню О. М. Бодяньським» [10].

Словарь представлен следующими разделами: структура словаря, структура словарной статьи, блок словообразовательной структуры, блок толкования, условные обозначения, пометы.

Словарь состоит из гнезд, исходными компонентами которых являются производные и непроизводные единицы, простые и сложные по словообразовательной структуре; построен с учетом алфавитного принципа систематизации материала с элементами гнездования. В соответствии с лингвистической традицией гнезда подразделяются на потенциальные (нулевые) и реализованные. Потенциальные гнезда, т. е. состоящие из одного слова, «включаются в словообразовательную систему языка, если в этом возникнет необходимость» [11]. Реализованные гнезда представлены в *Словаре* морфемными корневыми, словообразовательными и смешанными (морфемно-словообразовательными). Исходные единицы гнезд набраны заглавными буквами, расположены в алфавитном порядке и нумеруются арабскими цифрами. Возглавляют гнезда производные и непроизводные антропонимы. Тюркские основы фамилий могут состоять из имен собственных: (Арслан – *Арсланов*; Ахтем – *Ахтемов*, *Ахтемийчук*; Асад – *Асадов*, *Асатов*, *Асадченко*); наименования этносов: (татар – *Татара*, *Татаров*, *Татарин*, *Татаринцев*, *Татаринов*, *Татарчин*, *Татарский*, *Татарко*, *Татарченко*, *Татарчук*, *Татаринченко*; печенег – *Печенегов*, *Печенежский*; половец – *Половец*, *Половцев*) и др.

Исходными составляющими гнезд могут быть фонетические и, реже, морфологические варианты. Так, в составе потенциальных гнезд зафиксированы фонетические варианты (*Ахматов*, *Ахмедов* и *Ахметов*, *Бертез* и *Бердес*, *Чаленко* и *Чоленко*, *Топал* и *Тупал*, *Бакаев* и *Бакиев*, *Асадов* и *Асатов*).

Словообразовательный потенциал зафиксированных фонетических вариантов неодинаков. Производные от тюркских основ образуют различные по структуре словообразовательные гнезда: *одноступенчатые гнезда*:

Баглай *тур., тат.* [багълы «связанный, зависимый, верный, преданный» + наращение основы] – «Имеющий сад»

Баглаев [багла(й) + суф. -ев]

гнезда с двумя производными:

Сабада *тур., тат.* [саба «утро, утренний» + утвердительное слово да]

Сабадин – [сабад(а) (д//д²) + суф. -ин]

Сабодаш [саб(а) + интерфикс -о- + аф. -даш]

многоступенчатые гнезда стремя и более производными:

Балабан *тюрк* [балабан «большой, взрослый»]

Балабаник [балабан (н//н') + суф. -ик]

Балабанин [балабан (н//н') + суф. -ин]

Балабанов [балабан + суф. -ов]

Балабановский [балабанов + суф. -ск]

Наиболее объемным по количеству производных является словообразовательное гнездо с вершиной **бай** (53 фамилии), которое и станет предметом нашего рассмотрения в рамках данной статьи.

БАЙ *тюрк.* [бай, бей – 1. Бай, помещик. 2. Богач, богатый; богатство. 3. Обильный, насыщенный. 4. В Средней Азии – крупный землевладелец или животновод. 5. Господин, сударь. 6. Князь.]

Байев [бай «богач, богатый» + суф. -ев], Баев [ба(й) + суф. -ев]

Байко [бай + суф. -ко]

Байков [бай + интерфикс -к- + суф. -ов]

Байляк [бай «богатство» + аф. -ляк/-лык]

Байлык (Байлик) [бай «богатство» + аф. -лик/-лык]

Байлук, (Байлюк) [бай + аф. -лук/-люк] – «Богатство, ценности, сокровища».

Байчик [бай + суф. -чик] – «Богатенький».

Байчиков [байчик + суф. -ов]

Байченко [бай + интерфикс -ч- + суф. -енко]

Байчук [бай + интерфикс -ч- + суф. -ук]

Особого внимания требует рассмотрение сложных слов. В соответствии с гнездовым принципом сложное слово принадлежит одновременно двум гнездам, поэтому возникает проблема размещения производных.

Байбара [бай «богач» + бар – 1. Есть, имеется, существует. 2. Имеющийся в наличии, существующий] или [бай «богач» + бара «идет»] – «Идет богатый».

Байбуза [бай «богач» + буз «лед, ледяной»] – «Богач с холодным сердцем».

Байбуз (Байбус), [*турец.* имя собственное Baybus / Baybas]

Байбузенко, (Байбусенко) [Байбуз + суф. -енко], или возможно и другое значение – Байбуза [бай «обильный, насыщенный» + буза «на Кавказе и в Крыму – легкий хмельной напиток из проса, гречки, ячменя»] – «Насыщенный напиток».

Байбузан [Байбуза + суф. -н]

Байбура *тюрк.* [*казах.* имя собственное, *древнетюрк.* бай «богатый» + бури «волк» (упомянуто в Запорожском реестре 1649 г.)]

Байбуренко [байбур + суф. -енко]

Байдебура [бай «богач» + интерфикс -де- + от глаг. бурмакъ образовалась словоформа 3-го лица, настоящего времени, бура «крутит, закручивает»] – «Богач (богатый) крутит».

Байкул, *тюрк.* [бай «богачей господин, повелитель» + кул «раб» + суф. -ов] – «Раб богача».

Байкулов, (Байгулов) [байкул + суф. -ов]

Байкачкаров *тюрк.* [бай «богачей господин, повелитель» + качкар, кашкыр «волк» + суф. -ов] – «Богатый волк».

Байчура (Байчор) *тюрк.* [имя собственное – бай «богатый господин» + чура «сын богатыря, княжеский дружинник, соратник, сподвижник богатыря»]. При образовании фамилии произошла замена гласного «у» на «о».

Байчуров (Байчоров) [бай + чур- + суф. -ов]

Байчурин [бай + чур- + суф. -ин]

Байдар *тюрк.* [имя собственное татар., турец., монгол., крымскотат., байдар «коновал»; байдар как микроэтноним «ногай»].

Байдарчук [байдар + интерфикс -ч- + суф. -ук]

Байдаренко [байдар + суф. -енко]

Баймурзаев *тюрк.* [бай «богатея господин, повелитель» + мурза «князь, дворянин» + суф. -ов] – «Сын князя, дворянин».

Байтерьяков *тюрк.* [бай «богатея господин, повелитель» + терек «дерево» + суф. -ов] – «Родовое дерево».

Кандибей *тюрк.* [къанд(аш) «единокровный» + интерфикс -и- + бей «князь»] – «Единокровный князь».

Карабаев *тюрк.* [къара «черный» + бай «богач» + суф. -ев] – «Черный богач».

Котлубай *тюрк.* [котлу «счастливый, благополучный, благословенный» + бай «князь»] – «Счастливый князь».

Котлубаев [котлуба(й) + суф. -ев]

Котлубаненко [котлуба(й) + интерфикс -н- + суф. -енко]

Котлубанский [котлуба(й) + интерфикс -н- + суф. -ск]

Котлубицкий [котлуб(ай) (б//б') + интерфикс -и- + суф. -цк]

Кочубей *тюрк.* [кучук (о//у «малый, младший» + бей «князь») – «Младший князь». (Род от беков татарской орды, кочевавшей еще в XVI веке в степях между Днестром и Днепром, среди которых упоминается и Кочубей – прозвище от тюркских слов *коч* + *бей* – «кочевой бей, князь»).

Кочубейник [Кочубей + суф. -ник]

Донбай *тюрк.* [бай «богач» + Дон «название реки»] – «Богач с Дона».

Салабай *тюрк.* [сала «село, деревня» + бай «богач»] – «Богач села». (Возможен и другой вариант – «Богатое село»).

Турубай *тюрк.* [тура «титул ханских сыновей и наследника престола»] + бай «богач» – «Богач ханской династии».

Шербай *тюрк.* [шер – 1. Зло, злодеяние, злое дело. 2. Вражда. + бай «богач»] – «Злой богач».

Байгуш *тюрк., кр.-тат., урум.* [байгуш «сирота, беспризорный, беззащитный»; в некоторых тюркских языках – «филин»].

Байгушев [байгуш + суф. -ев]

Байсак *тюрк.* [бай «хозяин, богатый, состоятельный» + сак «настороженный, чуткий (о слухе, сне); бережливый»].

Байсаков [бай + сак- + суф. -ов]

Рассмотрев в качестве примера деривационную парадигму антропонимов, в основе которых лежит словообразовательное гнездо с вершиной **бай**, мы выявили некоторые русские и украинские фамилии тюркского происхождения, функционирующие в Крыму. Как видим, гнездовой словарь русских и украинских фамилий тюркского происхождения имеет несомненную культурологическую ценность. Составление такого рода словарей позволяет проследить основные этапы исторического развития, выявить взаимоотношения между этносами, оставившими значительный след не только в истории, но и в языке, решить в какой-то степени проблему лексикографического описания ономастической лексики того или иного региона.

Примечания

1. Тихонов А. Н. Словарь русских личных имен. М.: Школа-Пресс, 1995. С. 327.
2. Там же.
3. Ибрагимова В. Ф. Словарь русских и украинских фамилий тюркского происхождения. Симферополь: ОАО «СГТ», 2009.
4. Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: сравнение, происхождение, написание. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 327.
5. Аракин В. Д. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. М.: Наука, 1974. С. 112–147.
6. Усеинов С. М. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь. Симферополь: Изд. дом «Тезис», 2007.
7. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979.
8. Федосюк Ю. А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М.: Наука, 2004.
9. Унбегаун Б. О. Русские фамилии: пер. с англ. / общ. ред. Б. А. Успенского. М.: Прогресс, 1989.
10. Реєстр усього Війська Запорозького після Зборівського договору з королем польським Яном Казиміром складений 1649 року, жовтня 16 дня й виданий по достеменному виданню О.М. Бодяньським / МСП «Козаки». К.: Наук. думка, 1995.
11. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. С. 13.

Notes

1. Tikhonov A. N. Tikhonov A. N. Slovar' russkih lichnyh imen [Dictionary of Russian personal names]. M. School Press. 1995. P. 327.
2. Ibid.

3. Slovar' russkikh i ukrainskikh familij tyurkskogo proiskhozhdeniya [Dictionary of Ukrainian and Russian surnames of Turkic origin]. Simferopol. JSC "SGT". 2009.
4. Superanskaya A. V. Sovremennyy slovar' lichnyh imen: sravnenie, proiskhozhdenie, napisanie [Modern dictionary of personal names: a comparison, origin, spelling]. M. Irispress. 2005. P. 327.
5. Arakin V. D. Tyurkskie leksicheskie ehlementy v pamyatnikah russkogo yazyka mongol'skogo perioda [Turkic lexical elements in the monuments of the Russian language of the Mongol period] // Tyurkizmy v vostochnoslavjanskij yazykah: sb. – Türkisms in the Slavic languages: coll. M. Nauka. 1974. Pp. 112–147.
6. Useinov S. M. Russko-krymskotatarskij, krymskotatarsko-russkij slovar' [Russian Crimean Tatar, Crimean Tatar Russian dictionary]. Simferopol. Publishing House "Thesis". 2007.
7. Baskakov N. A. Russkie familii tyurkskogo proiskhozhdeniya [Russian names of Turkic origin]. M. Nauka. 1979.
8. Fedosyuk Y. A. Fedosyuk YU. A. Russkie familii: Populyarnyj ehtimologicheskij slovar' [Russian surnames: Popular etymological dictionary]. M. Nauka. 2004.
9. Unbegaun B. O., [Russian surnames: transl. from English] / general ed. by B. A. Uspensky. M. Progress. 1989.
10. The registry all the Troops Zaporizhzhya after the Zborovsky contract with the Polish king Jan Kazimierz made 1649, Oct 16 days and validly issued in edition of the A. M. Bodyansky / SMEs "Cossacks". K. Scien.thought. 1995.
11. Baskakov N. A. Russkie familii tyurkskogo proiskhozhdeniya [Russian names of Turkic origin]. M. Nauka. 1979. P.13.

УДК 811.112.2

Ю. Н. Зинцова, О. А. Орлова

Принцип системности как структурно-семантическое свойство текста и лексико-семантической группы

В настоящем исследовании универсальный характер принципа системности рассматривается на различных языковых уровнях: лексическом и текстовом. Предпринимаются попытки описания системности лексической группы и текста на основе их структурно-семантических свойств. Изучение семантической системности осуществляется на основе лексических значений. На уровне текста связность компонентов достигается при помощи когерентности. Лексическая системность обусловлена полисемией и парадигматическим характером отношений между элементами группы. Структурная целостность текста и группы достигается словообразовательными средствами. Разветвленная сеть словообразовательных отношений характеризуется наличием словообразовательных рекуррентных цепочек, связывающих элементы текста, и выделением лексико-семантических блоков для производных слов со сходными значениями в ЛСГ. В рамках исследования анализируется тематический характер взаимоотношений между конститuentами текста и лексико-семантической группы.

In the following research the universal character of consistency principle is looked upon from different language levels: lexical and text. The authors attempt to describe the consistency of a lexical group and a text considering their structural-semantic properties. The study of semantic systemacy is analyzed in close interconnection with lexical meanings. At a text level the consistency of its components is based on its coherence. Lexical consistency is based on polysemy and a pragmatic connection between group elements. The structural integrity of a text and a group is attained by word-formative means. A manifold network of word-formative relations is characterized by presence of word-formative recurrent successions, connecting text elements, and singling out lexico-semantic clusters for derived words with similar meanings within a lexico-semantic group. The object of the analysis is thematical character of the relationship between text constituents and an extensive network of word formation connecting elements of a text or semantic space.

Ключевые слова: системность, когерентность, словообразовательная рекуррентная цепочка, лексико-семантическая группа, лексико-семантический вариант, словообразовательная структура, семантическое пространство.

Keywords: consistency, coherence, word formation recurrence chain, word formation structure, semantic space.

Принцип системности языка, реализующийся на всех языковых уровнях, считается одним из основополагающих в современной лингвистической науке. Системность на уровне слова (или группы лексем) и на уровне сверхфразового единства (или текста) достигается присущими им **структурно-семантическими свойствами**, так как на лексико-семантическом и текстовом

уровнях осуществляется развитие семантического и словообразовательного потенциала отдельных лексических единиц. Семантическая связность достигается общностью лексических значений, структурная – словообразовательными средствами. Описание возможных принципов их реализации в текстовом и семантическом пространстве и является целью данного исследования.

Основным структурно-семантическим свойством текста является *когерентность* – взаимообусловленная связность компонентов текста, являющаяся важнейшим критерием определения текста, его неотъемлемым конституирующим признаком.

Корпус системных текстообразующих элементов включает в себя средства, принадлежащие к разным уровням языка [1]. Однако, по мнению многих исследователей, связность текста обусловлена, прежде всего, лексически, что позволяет выявить **тематическую** направленность текстовой целостности. «Смысловой аспект когерентности текста является доминирующим, поскольку именно тематическая ориентация (*thematische Orientierung*), концентрация на каком-либо предмете превращает некую последовательность предложений в последовательность когерентную, следовательно, в текст» [2].

Важную и существенную роль в тематическом развертывании текста, в развитии его главных и побочных тем играют словообразовательные структуры, которые характеризуются, как известно, повторяемостью лексических основ, соотносительностью с синтаксическими конструкциями, а также наличием внутреннего контекста [3]. Зачастую словообразовательные структуры служат выразителями лейтмотивов в макро- и микротекстах благодаря повторению одних и тех же основ в различных словообразовательных моделях.

Словообразовательные процессы (словосложение, субстантивация, безаффиксное и суффиксальное словопроизводство) непосредственно связаны с явлением тема-ремной дистрибуции и способствуют созданию **коммуникативной** целостности текста, которая выражается в коммуникативной преемственности между его составляющими и приводит к образованию тема-рематических цепочек. Исследователи отмечают двусторонний характер выявленных связей. С одной стороны, распределение темы и ремы в предложении является одной из предпосылок словосложения, поскольку тема-ремная дистрибуция предполагает процесс стягивания слов с одной коммуникативной целеустановкой в единый элемент предложения. С другой стороны, словообразовательные процессы активно участвуют в тематизации рематических (и рематизации тематических) элементов предложения [4].

Словообразовательные средства также активно участвуют в создании структурной целостности текста, которая является внешним выражением его смысловой и коммуникативной целостности. М. Д. Степанова и В. Фляйшер отмечают, что словообразовательные средства могут быть частично приравнены к лексическим когерентным средствам, но, в сравнении с последними, обладают существенным преимуществом. Связующим фактором в словообразовательных средствах выступает не только лексическая семантика, но и сами структуры лексем [5]. Внешними сигналами в словообразовательных структурах, или, иначе, текстообразующими элементами словообразовательных структур могут быть либо общая основа у ряда слов, либо общие приставка или суффикс.

Так, к примеру, только лишь в трех начальных предложениях из новеллы В. Борхерта «*Liebe blaue graue Nacht*» встречаются такие последовательности слов с текстообразующими элементами:

1) *blaue* (Nacht) ~ (ein) *Blaugrau* ~ (das) *Blau* ~ (das) *Blaugrau* ~ (den) *blumenblauen* (Atem) ~ (das) *Blau*...

2) *graue* (Nacht) ~ *grau* ~ (ein) *Blaugrau* ~ (das) *Grau* ~ (das) *Blaugrau* ~ (den) *mausegrauen* (Atem)...

3) (die Nacht) *ausatmet* ~ (den) *Atem* (der Nacht) ~ (den *blumenblauen, mausegrauen*) *Atem* (der Nacht)

4) *anweht* ~ (das *Blaugrau*) *weht...an* ~ *weht...um* ~ *anweht* ~ *umwehen* (wird)

5) (ein) *unbeschreibliches* (*Blaugrau*) ~ (ein) *unnachahmliches* (*Blaugrau*)

6) (das *Blau*) *berauscht* ~ (das) *betäubende* (*Blau*)

7) *abends* ~ *morgens* ~ *nachts* [6].

Первые четыре цепочки представляют собой однокорневые словообразовательные структуры, следующие три имеют одинаковый суффикс (-s), приставку (be-) или суффикс и приставку (un-...-lich), которые служат сигналами структурной связи в тексте. Данный микротекст демонстрирует наличие **словообразовательных рекуррентных цепочек (СРЦ)** – последовательностей слов, возникших в результате регулярного повторения лексем со словообразовательными текстообразующими элементами [7]. СРЦ могут быть конституируемы производными, образованными от одной основы по разным моделям – одноосновные СРЦ (примеры 1–4), либо производ-

ными, сконструированными по одной словообразовательной модели, но от разных основ – одно-модельные СРЦ (примеры 5–7). Textoобразующие элементы, в первом случае – общий корень, во втором – словообразовательная модель, обеспечивают семантическую эквивалентность членов цепочек, что, наряду с рекуррентностью, является основным принципом текстовой связности в его словообразовательном аспекте.

Члены СРЦ обнаруживают словообразовательные имплицитные связи на парадигматическом уровне, образуя различные «**парадигматические ряды**»: **словообразовательные гнезда, словарные ниши и сегменты словарных блоков**. Таким образом, словообразовательные структуры самым непосредственным образом способствуют организации формальной, структурной когерентности текста. Структурная целостность текста является, как уже подчеркивалось выше, внешним выражением его смысловой и коммуникативной целостности. Все три аспекта органично связаны между собой и разграничиваются лишь в целях лингвистического анализа. Словообразовательные средства участвуют в создании как смысловой, так и коммуникативной целостности текста, оба эти аспекта выражаются формально-языковыми, в данном случае словообразовательными средствами когерентности.

Системность языка на лексико-семантическом уровне реализуется за счет связей и отношений, существующих между *лексическими значениями*. Эти отношения, не имея непосредственного выражения, тем не менее организуют определенным образом слова, вследствие чего лексика приобретает, в первую очередь, свою *семантическую системность* и характеризуется как некое **семантическое пространство** [8]. Здесь существует обратное соотношение: внутренняя организация семантических единиц задает системность материальных лексических единиц языка.

На основе семантического сходства, пересечения значений слова могут быть связанными между собой как некоторые самостоятельные образования и объединяться в **лексико-семантические группы (ЛСГ)**. Система отношений как внутри лексико-семантических групп, так и между ними составляет *структуру* семантического пространства.

Семантическая системность лексики поддерживается характерными парадигматико-словообразовательными связями и отношениями. Отношения между лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) с общим значением внутри семантического пространства в значительной мере определяются и усложняются **полисемией** слов, поскольку один форматив может иметь несколько лексико-семантических вариантов со сходным значением [9]. Так, лексема *Saft* «сок», имеет 4 ЛСВ, которые содержат в семантической структуре общую конституирующую сему «жидкость как субстанция». При изучении семантики каждого ЛСВ лексема *Saft* выявляются различия в тематических семах, формирующих данные ЛСВ, которые приводят к полисемии лексемы *Saft* в немецком языке, а именно: 1) сок, который содержится в растениях, 2) напиток, получаемый из сока фруктов и / или овощей, 3) секреция / жидкость, присутствующая в тканях и органах живых существ, и 4) жидкость / сок, выделяющийся из мяса при приготовлении [10].

Полисемия, таким образом, предопределяет **тематическую стратификацию** лексем и ЛСВ и способствует распределению их по соответствующим тематическим группировкам внутри ЛСГ [11]. Отдельные лексико-семантические варианты многозначных слов способны вступать в синонимичные отношения с ЛСВ других слов (правда, чаще имеющих дополнительную стилистическую нагрузку): *schwemmen*(österr.) – *flößen* «сплавлять лес»; *schwemmen*(österr.) – *spülen* «полоскать, выжимать белье»; *schwemmen*(Gerberei) – *einweichen* «замочить, размягчить (кожу)» и др.

Лексико-семантическую группу дополняют и расширяют дериваты, образованные путем словосложения, аффиксации, конверсии и т. д., которые связаны также парадигматическими отношениями, что играет особую роль в структурировании семантического пространства. Например, все четыре лексико-семантические варианта лексемы *Saft* способны в рамках ЛСГ сформировать по своим основным значениям отдельные группы: 1) **SAFT₁** – «сок, содержащийся в растениях»; 2) **SAFT₂** – «напиток из сока фруктов и овощей»; 3) **SAFT₃** – «соки / секреции организма»; 4) **SAFT₄** – «жидкость, выделяющаяся из мяса при приготовлении». Эти группы, в зависимости от положенных в их основу признаков и отношений между ними, структурируются сходными по значению словами и/ или вариантами слов, а также их дериватами [12]. Каждая группа демонстрирует все типы парадигматических отношений. Так, ЛСВ **SAFT₂**, характеризующийся значением «напиток из сока фруктов и овощей» и являющийся гипонимом лексемы **SAFT** «сок», становится гиперонимом для следующих лексем, включающихся в эту группу: **Fruchtsaft** – «фруктовый сок», **Beerensaft** – «ягодный сок» и **Gemüsesaft** – «овощной сок». Они, в свою очередь, также становятся гиперонимами для дериватов со сходными значениями и формируют три тематических ряда:

1) ЛСВ₁ *Fruchtsaft* «фруктовый сок»: *Apfelsaft* «яблочный сок», *Apfelsinensaft* «апельсиновый сок», *Aprikosensaft* «абрикосовый сок», *Grapefruitsaft* «грейпфрутовый сок» и т. д.;

2) ЛСВ₂ *Beerensaft* «ягодный сок»: *Erdbeersaft* «клубничный сок», *Himbeersaft* «малиновый сок», *Kirschsaff* «вишневый сок» и т. д.;

3) ЛСВ₃ *Gemüsesaft* «овощной сок»: *Mohrrübensaft* «морковный сок», *Rübensaft* «свекольный сок» и т. д. [13]

Рассматривая таким образом ЛСВ многозначной лексемы в качестве **гиперонимов** для тематических групп, получаем в итоге разветвленную сеть парадигматических и деривационных отношений между производными словами, входящими в различные лексико-семантические блоки: ряды, группы. Между словами, обозначающие которых подобны, сходны между собой, существует и более сильная связь. В этом случае обычно говорят о близости обозначаемых, а следовательно, и слов, их обозначающих. Представление о близости слов или их удаленности связано с идеей существования некоторых *расстояний* (или шагов) между ними. При этом величина этих расстояний оказывается зависимой от внутренней организации семантического пространства, т. е. от связей и отношений, существующих между единицами языка на семантическом уровне. В целом, наблюдается пересечение координат корреляций и оппозиций репрезентируемого значения.

Семантическое пространство структурируется совокупностями лексем и ЛСВ, связанных парадигматическими отношениями. Тематические и семантические признаки семантического пространства в соответствии с корреляциями и оппозициями репрезентируемого значения постулируют идею объемности семантического пространства, которая экстраполируется на лексико-семантические группы, образуемые внутри анализируемой семантической области.

Таким образом, несмотря на явные различия в закономерностях построения текста и лексической группы, структурно-семантическая связность на лексическом и текстовом уровнях характеризуется следующими общими свойствами: а) *тематическим характером* взаимоотношений между элементами текста или группы; б) *системно-парадигматическими* отношениями их элементов; в) наличием широко разветвленной сети *деривационных отношений* между словами, входящими в разные фрагменты семантического или текстового пространства. Многообразие семантических, парадигматических и деривационных связей между элементами текста и/или лексико-семантической группы характеризуют текст и ЛСГ как определенное структурируемое пространство, в котором все элементы, связи и отношения находятся в определенной взаимозависимости и взаимодополняемости. Это предполагает применение системного подхода к изучению содержательных и структурных сторон текстовых и лексических единств, что подчеркивает системный характер языка в целом.

Примечания

1. Шендельс Е. И. Роль когерентности в грамматике текста // Язык как коммуникативная деятельность человека: сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 284. М., 1987. С. 87.
2. Brinker K. Linguistische Analyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1992. S. 46.
3. Степанова М. Д., Флейшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М.: Высш. шк., 1984. С. 237.
4. Вашунин В. С. Субстантивные сложные слова в немецком языке. М.: Высш. шк., 1990. С. 14.
5. Степанова М. Д., Флейшер В. Указ. соч. С. 243.
6. Borchert W. Werke. М.: Progress, 1970. S. 208.
7. Орлова О. А. Роль словообразовательных средств в формировании когерентности текста: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2002. С. 38.
8. http://www.philippovich.ru/Library/Books/Semantics_IT/before.htm (дата обращения: 29.01.2017).
9. Вашунин В. С. Основы семантического моделирования немецких композит. Горький: Изд-во ГГПИЯ, 1974. С. 52–53.
10. Зинцова Ю. Н. Лексико-семантическое поле «жидкость» в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. С. 137.
11. Плисов Е. В. Немецкая диалектная лексика в толковом словаре (на примере баварских диалектизмов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–2(60). С. 141.
12. Горыкина С. С. Номинативная репрезентация концепта *Nature* в древнеанглийской загадке // Вестник ВятГУ. 2015. № 5. С. 87.
13. Duden Deutsches Universalwörterbuch. Dudenverlag: Mannheim, Wien, Zürich, 1989; Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: in 6 v. Berlin: Akademie-Verlag, 1980; Большой немецко-русский словарь / под ред. О. И. Москальской. М.: Рус. яз., 1980. Т. 1–2.

Notes

1. SHendel's E. I. Rol' kogerentnosti v grammatike teksta [Role of coherence in the grammar of the text] // YAzyk kak kommunikativnaya deyatel'nost' cheloveka: sb. nauch. tr. MGPIIYA im. M. Toreza - Language as a communicative human activity: collection of scientific works MSPIFL n.a. M. Torez. Is. 284. M. 1987. P. 87.
2. Brinker K. Linguistische Analyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt-Verlag, 1992. P. 46.
3. Stepanova M. D., Flejsher V. Teoreticheskie osnovy slovoobrazovaniya v nemeckom yazyke [Theoretical bases of word formation in German language]. M. Vyssh. shk. 1984. P. 237.

4. Vashunin V. S. Substantivnye slozhnye slova v nemeckom yazyke [Noun compound words in the German language]. M. Vyssh. shk. 1990. P.14.
5. Stepanova M. D., Fleischer V. Op. cit. P. 243.
6. Borchert W. Werke. M.: Progress, 1970. S. 208.
7. Orlova O. A. Rol' slovoobrazovatel'nyh sredstv v formirovanii kogerentnosti teksta: dis. ... kand. filol. nauk [Role of derivational means in the formation of coherence of the text: dis. Cand. philol. sciences]. N. Novgorod. 2002. P. 38.
8. http://www.philippovich.ru/Library/Books/Semantics_IT/before.htm (date accessed: 29.01.2017).
9. Vasunin V. S. Vashunin V. S. Osnovy semanticheskogo modelirovaniya nemeckih kompozit [Foundations of semantic modelling the German composite]. Gorky. Publ. GSPFL. 1974. Pp. 52-53.
10. Zincova YU. N. Leksiko-semanticheskoe pole «zhidkost'» v sovremennom nemeckom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk [Lexical semantic field of "liquid" in modern German: dis. Cand. philol. sciences]. N. Novgorod. 2009. P. 137.
11. Plisov E. V. Nemeckaya dialekt'naya leksika v tolkovom slovare (na primere bavarskih dialektizmov) [German dialect words in the dictionary (for example, the Bavarian dialect)] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki - Philological Sciences. Issues of theory and practice. 2016, No. 6-2(60), P.141.
12. Gorykina S. S. Nominativnaya reprezentaciya koncepta Nature v drevneanglijskoj zagadke [Nominative representation of the concept of Nature in the old English riddle] // Vestnik VyatGU - Vestnik VyatSU. 2015, No. 5, p. 87.
13. Duden Deutsches Universalwörterbuch. Dudenverlag: Mannheim, Wien, Zürich, 1989; Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: in 6 v. Berlin: Akademie-Verlag, 1980; Bol'shoj nemecko#russkij slovar' - Large German-Russian dictionary / ed. by O. I. Moskalskaya. M. Rus. yaz. 1980. Vol. 1–2.

УДК 811.161.1

Фэн Мин

К проблеме описания семантики предлога ПО: пространственные отношения

Статья посвящена проблеме описания семантики предлога ПО. Данный предлог – один из самых многозначных. В различных словарях у предлога ПО выделяется от 15 до 37 значений. Однако как в справочной, так и в научной литературе наблюдается некоторая несогласованность в выделении тех или иных значений, отсутствует единое представление о семантической структуре предлога. В своем взгляде на значения предлога автор данной статьи опирается на выделение в значении предлога семантических отношений – объектных, определительных, обстоятельственных, причинных, временных и т. д. В статье разбирается один из типов таких отношений – пространственные отношения. На основе анализа справочной и научной литературы предлагается следующая группировка разновидностей значений предлога ПО в рамках пространственных отношений: находиться на / действовать по поверхности чего-либо; находиться / действовать по одному направлению, задаваемому чем-либо; действовать в пределах чего-либо; находиться / действовать в разных направлениях / местах; продвигаться до определенного предела; ограниченный пространственный промежуток.

Article is devoted to a problem of the semantic description of the preposition PO. This preposition is one of the most polysemantic. In various dictionaries from 15 to 37 values of the preposition are distinguished. However both in reference, and in scientific literature some inconsistency in allocation of these or those values is observed, there is no uniform idea of semantic structure of this preposition. The author of this article, considering the meanings of the preposition, relies on the selection semantic relations in the meaning of the preposition – object, attributive, adverbial, causal, temporal, etc. One of the types of relations expressed by this preposition is analyzed – the spatial relations. Analysis of reference and scientific literature allowed to distinguish the following groups of varieties of values of the preposition PO: be / act on the surface of something; to be / act in one direction, given by something; act within; be / act in different directions / places; advance to a certain limit; confined space.

Ключевые слова: семантика, пространственные отношения, предлог ПО.

Keywords: semantics, spatial relations, preposition PO.

В научной литературе, посвященной проблемам лексикографического описания семантики лексических единиц, активно обсуждается необходимость качественно нового подхода к решению данных проблем. Появляются новые идеи когнитивного и коммуникативного характера, ориентированные на выявление такого универсального способа описания семантики языковых единиц, с помощью которого стало бы возможным охватить и зафиксировать все возможные

случаи как семантико-стилистического (непосредственно связанного с прагматикой), так и морфолого-синтаксического их функционирования. Ср., напр., работы М. В. Всеволодовой, Г. А. Золотовой, Л. Л. Иомдина и др.

Существующее в теории семантики многообразие подходов и концепций пока невозможно как-либо соединить и привести к некоей универсальной семантической модели, способной представить наиболее полную и объективную структуру семантического поля того или иного понятия. Тем не менее необходимость точного понимания смыслов, содержащихся в языковой единице, становится в современной науке все более значимой.

Наиболее размытой семантикой обладают служебные части речи – предлоги, союзы, частицы. Долгое время было принято считать, что они совсем не имеют самостоятельных значений. Однако современные ученые признают, что, например, «лексическим значением предлога как отдельно взятого слова является значение того или иного отношения. Это отношение может быть или максимально абстрактным, широким, или более конкретным и определенным, узким. Однако в любом случае предлог имеет лексическое значение, различима лишь степень его абстрактности. Семантически “пустых” предлогов не существует» [1]. В современных толковых словарях отражается даже не одно значение предлогов.

В центре нашего исследования находятся именно предлоги, в частности предлог ПО. Это один из древнейших первообразных предлогов, развивший за время своего существования весьма разветвленную систему значений, описать которую представляется весьма проблематичным. Так, в словарных статьях, посвященных предлогу ПО, в разных словарях выделяется разное количество значений: в «Толковом словаре русского языка» в 4 томах под редакцией Д. Н. Ушакова находим 21 значение, в «Словаре современного литературного русского языка» в 17 томах (БАС) – 37, в «Словаре русского языка» в 4 томах под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС) – 28, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой – 19, в «Толковом словаре современного русского языка» В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной – 15, в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова – 26 (см. подробнее – [2]).

Кроме проблемы точного определения количества значений предлога ПО выделяется не менее важная проблема выбора универсального принципа, который может быть положен в основу классификации данных значений. Так, в большинстве работ избрана классификация значений предлога ПО, основанная на их группировке по связи с определенной падежной формой зависимого слова (значения предлога ПО с дат. п., с вин. п., с предл. п.). Ср., толковые словари С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, В. В. Лопатина, С. А. Кузнецова, «Словарь русского языка» А. П. Евгеньевой и др. В «Русской грамматике» (1980 г.), а также в трудах Н. Н. Прокоповича учитывается также часть речи главного слова. Такая классификация отличается некоторым дублированием сходных значений предлога, использующихся с разными падежными формами.

Другой принцип, избегающий данного дублирования, предлагается в «Словаре современного литературного русского языка» (в 17 т.), в котором классификация значений предлогов производится на основании типа выражаемых отношений. Именно данный принцип представляется нам наиболее приемлемым, объединяющим в себе семантику и грамматику.

Среди отношений, выражаемых предлогом ПО, выделяются пространственные, объектные, определительные, обстоятельственные, целевые, причинные, количественные и другие. В данной статье рассмотрим проблему описания пространственных отношений предлога ПО.

Ниже представим разновидности пространственных отношений, выделенные нами в результате анализа научной и справочной литературы. Стоит отметить, что нередко отношения, выражаемые предлогом ПО в определенных контекстах употребления, разными исследователями определяются по-разному. Это часто бывает обусловлено различием в подходах ученых: одни стремятся дать наиболее общую характеристику, другие – выделить мельчайшие оттенки значения. Проведенный анализ позволил нам выделить следующие виды пространственных отношений, выражаемые предлогом ПО:

- находиться на / действовать по поверхности чего-либо;
- находиться / действовать по одному направлению, задаваемому чем-либо;
- действовать в пределах чего-либо;
- находиться / действовать в разных направлениях / местах;
- продвигаться до определенного предела;
- ограниченный пространственный промежуток.

Отметим, что в качестве главного слова при выражении данных отношений обычно выступает глагол или отглагольное образование (напр., существительное). В некоторых случаях его заменяют другие части речи (напр., прилагательные), несущие, тем не менее, значение предикативности. Рассмотрим указанные виды значений подробнее.

1. Находиться на / действовать по поверхности чего-либо

Данное значение отмечается практически во всех проанализированных нами научных источниках. В справочной литературе (словари С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, В. В. Лопатина, С. А. Кузнецова, БАС и МАС) данное значение определяется так: с *дат. п.* при обозначении предмета, на поверхности которого происходит действие или располагается кто-, что-либо. *Книги разбросаны по столу. Пароход идет по морю. Спускаться по лестнице. По небу плывут тучи* (БАС, пространств., зн. 1) [3].

В других работах также достаточно часто встречаем указание на данное значение:

– с главным словом глаголом и формой *дат. падежа* называет движение, совершаемое по поверхности какого-либо предмета, и самый предмет: *Напрасно по лесу Стрелок потом таскался. Ни даже воробей ему не попадался...* Крыл., Охотник; *Как часто по берегам твоим Бродил я тихий и туманный.* Пушкин., К морю... (РГ-80) [4];

– «совершать перемещение X, оставаясь в пределах поверхности, линии, пространства или среды Y: скользить по поверхности. *По небу плыли облака. По городу ползли слухи. Погладить по волосам*» (Иомдин, зн. I.1.1) [5];

– при обозначении пространства, места, на поверхности которого происходит какое-либо движение: *Идти по улице; Спускаться по горе* (Розенталь) [6].

Разновидностью данного значения является следующее: «при обозначении предмета, поверхность которого является местом проявления, обнаружения действия. *Резьба по дереву. Чеканить по меди. Роспись по фарфору*» (БАС, пространств., зн. 1) [7]. Данное значение в справочной литературе встретилось только в словаре С. А. Кузнецова и в БАС. Также редко оно отмечается и в другого типа работах. Ср., напр.:

– «имеющая целью создание эстетического эффекта обработка способом X поверхности предмета, изготовленного или состоящего из материала Y, при которой на этой поверхности остается рисунок или след: *резчик по дереву, токарь по металлу, резьба, роспись, гравировка по чему-либо...*» (Иомдин, зн. I.1.5) [8];

– при обозначении предмета, материала, поверхность которого подвергается обработке: *Резьба по металлу; Роспись по фарфору* (Розенталь) [9].

2. Находиться / действовать по одному направлению, задаваемому чем-либо

В справочной литературе данное значение выделяется уже не всеми (есть в словаре Д. Н. Ушакова, С. А. Кузнецова, БАС и МАС), формулируется так: при обозначении предмета, вдоль которого совершается действие или располагается кто-, что-либо. *По стене стоял турецкий диван. По краям дороги волновалась рожь* (БАС, пространств., зн. 1) [10].

К данному значению, на наш взгляд, очень близко следующее (выделяется всеми авторами словарей): с *дат.* обозначает: в направлении чего-либо, следуя направлению чего-либо. *Идти по следам зверя. Плыть по течению* (БАС, пространств., зн. 3) [11].

Описание данного значения есть и в некоторых других работах:

– совершать перемещение X, оставаясь в пределах линии Y, в направлении [одном из двух возможных], задаваемых Y: *идти по дороге, съезжать по перилам; Дача у них по Казанской дороге...; в доме номер 9 по улице Арбат...; Земля движется по орбите...; Шел по следу медведя* (Иомдин, зн. I.1.2) [12];

– совершать перемещение X в естественном направлении, задаваемом природным объектом Y: *сплавлять лес по Енисею; поворачивать голову по звуку; держать нос по ветру; гладить по шерсти* (Иомдин, зн. I.1.3) [13];

– при обозначении предмета, следуя направлению которого совершается действие: *Гладить по шерсти; Плыть по течению* (Розенталь) [14].

Также к данному значению мы отнесли:

– с *вин.* употребляется при обозначении места распространения, совершения действия (в сочетании со словами *рука, сторона*): *находиться по правую руку, по ту сторону стены* (БАС, объект., зн. 7) [15];

– быть расположенным способом X с Z-й стороны от предмета или линии W: *по левую сторону, по ту сторону* (Иомдин, зн. II.4) [16];

– сочетания глаголов с именами существительными *сторона, рука* и с согласуемым словом (*стоит по ту сторону, по правую руку* и т. д.) имеют значение действия и места его совершения, напр.: *идти по ту сторону дороги, усесться по правую руку* (РГ-80) [17];

– при указании места совершения действия: *Сидеть по другую сторону стола* (Розенталь) [18].

3. Действовать в пределах чего-либо

Данное значение отмечается почти во всех словарях (Д. Н. Ушакова, В. В. Лопатина, С. А. Кузнецова, БАС и МАС) и определяется так: «с *дат.* употребляется при обозначении места,

пространства, в пределах, границах которого совершается действие. *Гулять по городу. Ходил по комнате*» (БАС, пространств., зн. 2) [19].

В других работах встречаем указания на следующие оттенки значений, которые, на наш взгляд, выражают данные отношения:

– «совершать действие X так, чтобы его результат имел место на всем пространстве Y: *разбросать вещи по комнате; перейти в наступление по всему фронту, расставить по столу*» (Иомдин, зн. I.2.3) [20];

– «действие, факт, свойство или роль X, имеющее силу в пределах организации или пространства Y: *приказ по институту; распоряжение по отделу; итоги выборов по району; дежурный по школе*» (Иомдин, зн. I.3.1) [21];

– при обозначении места, в пределах которого происходит действие: *Ходить по комнате, Гулять по саду; По деревне уже шептались...* (Розенталь) [22];

– с главным словом существительным и формой дат. падежа: *...движение по реке, полет по кругу, скольжение по поверхности, поездка по Кавказу...* Если главное слово не связано с глаголом, а зависимое слово по своему значению может определять местонахождение предмета, то все словосочетание выражает определительно-пространственные отношения, напр.: *кустарник по склонам, сосны по холмам, оборки по бокам* (РГ-80) [23]. (На наш взгляд, указанные формы нужно рассматривать как результат синтаксической компрессии, в результате которой утратился глагол, а пространственные отношения остались. Следовательно, существительное здесь является главным словом формально, значение действия ушло в подтекст);

– с главным словом прилагательным и формой дат. падежа: уточняется указанием на предмет, в пределах которого проявляется данный признак, напр.: *розовый по краям, густой по берегу реки лес...* признак уточняется указанием на предел его распространения, напр.: *мокрый по пояс* (РГ-80) [24]. Ср. также: (прил. + дат. п.) «признак, обозначаемый прилагательным, уточняется, а вместе с тем и ограничивается указанием на предмет, в пределах которого проявляется данный признак: *темный по углам, густой по берегам* (Прокопович) [25]; (прил.+ вин. п.) «в них признак, обозначенный именем прилагательным, уточняется указанием на предел его распространения, например: *мокрый по поясу, голые по локоть*» [26]. Мы считаем, что прилагательные в данных примерах обладают семантикой действия (имеют значение предикативности), т. к. входят в состав составного именного сказуемого.

4. Находиться / действовать в разных направлениях / местах

Данное значение также выделяется практически во всех словарях (С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, В. В. Лопатина, БАС) и формулируется так: «при обозначении ряда предметов, по отношению к которым совершается действие (с сущ. во мн. ч.). *Разойтись по домам. Расселять по квартирам. Рыться по шкафам. Шарить по карманам. Шептаться по углам*» (БАС., пространств., зн. 2) [27].

Однако в других работах данное значение упоминается редко. Ср., напр.:

– «а) поместить способом X элементы Z некоторого множества или части некоторого целого Z в разные места Y: *рассадить школьников по партам; расставить часовых по мостам; разлить по тарелкам; распределять по регионам; разнести по квартирам*; б) разные элементы Z некоторого множества находятся или размещаются способом X в разных местах Y: *дети сидят по домам*» (Иомдин, зн. I.2.2) [28].

К данному значению мы присоединяем следующее (выделяется у С. И. Ожегова, С. А. Кузнецова, БАС и МАС): «при обозначении места или лица, которые неоднократно или часто посещаются кем-либо. *Ездить по магазинам. Ездить по приятелям*» (БАС, пространств., зн. 2) [29]. Ср. также: «посещать способом X разные места Y или совершать действие X в разных местах Y: *бегать по магазинам; ютиться по частным квартирам; целоваться по углам*» (Иомдин, зн. I.2.1) [30].

5. Продвигаться до определенного предела

Данное значение выделяется во всех рассмотренных словарях (С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, В. В. Лопатина, С. А. Кузнецова, БАС и МАС) и определяется так: «с вин. употребляется при обозначении предмета, являющегося границей, пределом распространения действия: вплоть до чего-либо, до какого-либо предела. *По локоть засучить рукава*» (БАС, пространств., зн. 4) [31].

В других работах также довольно часто встречается указание на данное значение:

– (вин п.): *увязнуть по колено; ...зарыться по пояс в снег, стоять по горло в воде, увязнуть по колено в грязи* (РГ-80) [32];

– «а) человек или животное Z или часть тела Z человека или животного находится способом X в среде W вплоть до уровня, соответствующего части YZ-а: *мальчик стоял по пояс в воде; закутана по самые глаза*; б) человек или животное Z находится в среде W вплоть до уровня, соответствующего части YZ-а: *мальчику воды было по пояс; грязи по щиколотку*» (Иомдин, зн. II. 1) [33].

К данному виду значения мы также относим следующие:

– (вин. п.): при указании предела совершения действия: *Сыт по горло* (Розенталь) [34];
– инхоативно-финитивные (терминологические) отношения, т. е. определяющие степень, предел, исходную точку, начальный момент чего-нибудь, например: *занят по горло..., сыт по горло* (Виноградов) [35];

– «с вин. п. употребляется при обозначении отношения чего-либо к чему-либо со стороны величины, размера и т. п. *Коса по пояс. Грязь по колено*» (БАС, определит., зн. 11) [36]. Данные словосочетания мы также считаем результатами синтаксической компрессии, а значит, некое действие здесь все равно подразумевается.

6. Ограниченный пространственный промежуток

Данное значение встретилось только в одной работе: «совершать действие X над частью некоторого объекта, конец которой соответствует Y-у: *прочитать учебник с первой страницы по пятую*» (Иомдин, зн. II. 2.2) [37].

Таким образом, мы предложили группировку разновидностей значений в рамках пространственных отношений предлога ПО, основываясь на анализе значений, выделяемых в научной и справочной литературе.

Примечания

1. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. С. 710.
2. Фэн Мин, Наумова Н. Г. Значения предлога ПО в современном русском языке (по данным словарей) // Семантика. Функционирование. Текст.: сб. науч. тр. Киров, 2015. С. 66–74.
3. Словарь современного литературного русского языка: в 17 т. Т. 10. (М.; Л., 1948–1965). БАС. М., 1960. С. 6.
4. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980. С. 160.
5. Иомдин Л. Л. Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. Вып. 32: материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка (образцы словарных статей). М., 1991. С. 96.
6. Розенталь Д. Э. Управление в русском языке: словарь-справочник. М., 1997. С. 255.
7. Словарь современного литературного русского языка... С. 6.
8. Иомдин Л. Л. Указ. соч. С. 98.
9. Розенталь Д. Э. Указ. соч. С. 9.
10. Словарь современного литературного русского языка... С. 6.
11. Там же.
12. Иомдин Л. Л. Указ. соч. С. 97.
13. Там же.
14. Розенталь Д. Э. Указ. соч. С. 255.
15. Словарь современного литературного русского языка... С. 7.
16. Иомдин Л. Л. Указ. соч. С. 116.
17. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980. С. 181.
18. Розенталь Д. Э. Указ. соч. С. 256.
19. Словарь современного литературного русского языка... С. 6.
20. Иомдин Л. Л. Указ. соч. М., 1991. С. 100.
21. Там же.
22. Розенталь Д. Э. Указ. соч. С. 255.
23. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980. С. 265.
24. Там же. С. 317–318.
25. Прокопович Н. Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966. С. 288.
26. Там же. С. 303.
27. Словарь современного литературного русского языка... С. 6.
28. Иомдин Л. Л. Указ. соч. С. 99.
29. Словарь современного литературного русского языка... С. 6.
30. Иомдин Л. Л. Указ. соч. С. 99.
31. Словарь современного литературного русского языка... С. 6.
32. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980. С. 180.
33. Иомдин Л. Л. Указ. соч. С. 114.
34. Розенталь Д. Э. Указ. соч. С. 256.
35. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М., 1986. С. 562.
36. Словарь современного литературного русского языка... С. 7.
37. Иомдин Л. Л. Указ. соч. С. 115.

Notes

1. Russkaya grammatika – Russian grammar. Vol. 1. M., 1980. S. 710.
2. Fehn Min, Naumova N. G. Znacheniya predloga PO v sovremennom russkom yazyke (po dannym slovarej) [Values of the preposition PO in the modern Russian language (according to dictionaries)] // Semantika. Funkcionirovanie. Tekst.: sb. nauchn. tr. – Semantics. Functioning. Text.: collection of scientific works]. Kirov. 2015. Pp. 66–74.

3. Slovar' sovremennogo literaturnogo russkogo yazyka – Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vol. Vol. 10. (M.; L., 1948–1965). BAS. M. 1960. P.6.
4. Russkaya grammatika – Russian grammar. Vol. 2. M., 1980. P.160.
5. Iomdin L. L. Slovar'naya stat'ya predloga PO [Dictionary article for pretext PO] // Semiotika i informatika. Vyp. 32: materialy k Integral'nomu slovaryu sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (obrazcy slovarnyh statej) – Semiotics and Informatics. Vol. 32: materials for Integrated dictionary of modern Russian literary language (sample entries). M. 1991. P. 96.
6. Rozental' D. EH. Upravlenie v russkom yazyke: slovar'–spravochnik [Management in the Russian language: the dictionary reference]. M. 1997. P. 255.
7. Slovar' sovremennogo literaturnogo russkogo yazyka...– Dictionary of modern literary Russian language... P. 6.
8. Iomdin L. L. Op. cit. P. 98.
9. Rozental D. E. Op. cit. P.9.
10. Slovar' sovremennogo literaturnogo russkogo yazyka... – Dictionary of modern literary Russian language... p.6.
11. Ibid.
12. Iomdin L. L. Op. cit. P. 97.
13. Ibid.
14. Rozental D. E. The Op. cit. P. 255.
15. Slovar' sovremennogo literaturnogo russkogo yazyka...– Dictionary of modern literary Russian language... p.7.
16. Iomdin L. L. Op. cit. P. 116.
17. Russkaya grammatika – Russian grammar. Vol. 2. M. 1980. P. 181.
18. Rozental D. E. Op. cit. P. 256.
19. Slovar' sovremennogo literaturnogo russkogo yazyka...– Dictionary of modern literary Russian language... p. 6.
20. Iomdin L. L. Op. cit. M. 1991. P. 100.
21. Ibid.
22. Rozental D. E. Op. cit. P. 255.
23. Russkaya grammatika – Russian grammar. Vol. 2. M. 1980. P. 265.
24. Ibid. Pp. 317–318
25. Prokopovich N. N. Slovosochetanie v sovremennom russkom literaturnom yazyke [The phrase in the modern Russian literary language]. M. 1966. P. 288.
26. Ibid. P. 303.
27. Slovar' sovremennogo literaturnogo russkogo yazyka...– Dictionary of modern literary Russian language... P. 6.
28. Iomdin L. L. Op. cit. P. 99.
29. Slovar' sovremennogo literaturnogo russkogo yazyka...– Dictionary of modern literary Russian language... P.6.
30. Iomdin L. L. Op. cit. P.99.
31. Slovar' sovremennogo literaturnogo russkogo yazyka...– Dictionary of modern literary Russian language... P.6.
32. Russkaya grammatika – Russian grammar. Vol. 2. M. 1980. P. 180.
33. Iomdin L. L. Op. cit. P.114.
34. Rozental D. E. Op. cit. P. 256.
35. Vinogradov V. V. Russkij yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language: grammatical teaching of the word]. M. 1986. P. 562.
36. Slovar' sovremennogo literaturnogo russkogo yazyka...– Dictionary of modern literary Russian language... P.7.
37. Iomdin L. L. Op. cit. P. 115.

УДК 82.09

Д. А. Клековкин

Традиции Ф. М. Достоевского в рассказе А. С. Грина «Повесть, оконченная благодаря пуле»

В настоящей статье дана оценка ранних реалистических рассказов А. С. Грина о революционерах-эсерах и проанализирован рассказ «Повесть, оконченная благодаря пуле» как окончательный вывод писателя о революционном подполье. Автор статьи затрагивает актуальную проблему литературных предшественников А. С. Грина и приходит к выводу, что на ранее реалистическое творчество А. С. Грина оказали

влияние идеи Ф. М. Достоевского. В статье предпринята попытка сопоставительного анализа героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы» и рассказа А. С. Грина «Повесть, оконченная благодаря пуле». Автор отмечает сходство в образной системе двух писателей. В заключение автор приходит к выводу, что Ф. М. Достоевский был идейным предшественником А. С. Грина.

The article estimates early realistic short stories by Grin about social revolutionaries and analyses "The story finished due to a bullet" as a final writer's conclusion on the revolutionary underground. The author explores the actual problem of literary predecessors of A. Grin and comes to the conclusion that the realistic works of A. Grin were influenced by the ideas of F. Dostoevsky. The article presents a comparative analysis of characters in «The Possessed» by F. Dostoevsky and "The story finished due to a bullet" by A. S. Grin. The author notes the similarity in the system of images of the two writers. In conclusion the author states that Dostoevsky was the ideological forerunner of A. S. Grin.

Ключевые слова: Верховенский, Коломб, идейный предшественник, вымышленный мир, утопические идеи, Евангелие, «Бесы», революционеры, образная система.

Keywords: Verkhovensky, Colombes, conceptual predecessor, fictional world, utopian ideas, the Gospel, "The Possessed", revolutionaries, imaging system.

Исследуя реалистические рассказы А. Грина, принадлежащие к раннему дореволюционному периоду творчества (1907–1917 гг.), нельзя не отметить среди них «Повесть, оконченную благодаря пуле» как произведение, которое подвело итог изучению писателем жестокого мира эсеров-подпольщиков. Вывод, сделанный в конце этого рассказа, характеризует отношение писателя к своим бывшим единомышленникам, в деятельности которых он принимал активное участие. Этот вывод многократно обдуман и выстрадан, еще до написания рассказа, когда писатель отказался от сотрудничества с эсерами. До издания рассказа «Повесть, оконченная благодаря пуле» Грином было написано несколько произведений, показывающих внутренний мир революционеров достаточно глубоко и подробно. Характеры героев этих рассказов во многом похожи на характеры героев-социалистов, описанных Ф. М. Достоевским в романе «Бесы».

Революционеры Грина оказываются глубоко несчастными. Ян из рассказа «Марат» – от природы добрый и чуткий человек, хотя и заразился идеями террора, тем не менее до конца не утратил свои душевные качества, но несмотря на внутренние переживания и борьбу с самим собой остался верен идеалам своих соратников по борьбе с самодержавием. Подобно герою Достоевского Кириллову он идет на смерть, думая, что этим делает жизнь человечества более счастливой, но в результате умножает только печали и скорбь. В рассказе «Приключения Гинча» показан «бледный малокровный юноша» из среды революционного подполья, ратующий за всемирную гармонию и справедливость. Своей страстью к полной и всеобщей справедливости любой ценой он похож на персонажа Достоевского Шигалева. В «Маленьком заговоре» главный герой Геник восстает против террористических замыслов своих товарищей, но, подобно герою Достоевского из романа «Бесы» Шатову, не хочет открыто выступить против них и погибает – кончает жизнь самоубийством.

Мы видим, что отношение автора к героям вышеперечисленных произведений не является положительным или отрицательным, но по некоторым едва заметным намекам в тексте можно понять, что планы насильственного свержения существующей власти, воодушевляющие этих борцов с самодержавием, не находят одобрения у писателя. Так, в рассказе «Марат», когда террорист, от лица которого ведется повествование, проводит томительные часы, ожидая своего друга Яна, который должен подойти к нему после убийства крупного чиновника, видит: «Ожидание победы боролось где-то далеко, внутри, в тайниках сознания с тяжестью больной, бьющей тоски. Она росла и крепла, и тяжелые, кровавые волны стучали в сердце, тесня дыхание» [1]. «Кровавые волны» предвещают кровавое дело, а оно, как известно, не может быть правым и справедливым. Пролитие крови отталкивает как Грина, так и Достоевского. В рассказе «Приключения Гинча» отношение автора к описываемому подпольщику проводится через впечатление главного героя рассказа Лебедева:

«Не верю в людей. Из этого ничего не выйдет.

– Выйдет.

– Я не думаю этого.

– А я думаю, что выйдет справедливость.

Я пожал плечами. Я чувствовал себя старше этого наивного человека с печальным ртом. Он вынул портсигар, закурил смятую папироску и выжидательно смотрел на меня.

– Я тоже не люблю людей, – сказал он, прищурившись, точно увидел на моем воротнике паука. – И не люблю человечество. Но я хочу справедливости».

«Печальный рот» – это деталь портрета героя, передающая усталость от повседневной обыденной жизни и стремление найти ей замену в полной опасностей судьбе служителя революции. Такая деталь портрета вызывает не восхищение «героем», а только жалость, как у читателя, так и у автора.

Более категорично и ясно Грин и Достоевский высказываются о показанных ими на страницах своих повествований «радетелях» за благо общества в монологах Стефана Трофимовича Верховенского из романа «Бесы» и Коломба из рассказа «Повесть, оконченная благодаря пуле». Эти монологи подводят итог размышлений писателей о революции и её последователях.

У Грина в рассказе повествование ведется от имени главного героя – европейского писателя, предположительно француза. О его национальности и о названии страны, где происходит действие, ничего не говорится, да это и не так важно. Главную сюжетную линию составляет история духовного перелома, произошедшего с героем рассказа Коломбом, – именно изменение его души и ума становится основной движущей силой сюжета этого произведения. Главным действующим лицом рассказа является писатель, что позволяет автору с большей наглядностью передать свои мысли и чувства. Не вмешиваясь в жизнь, которая неудержимо течет мимо него, Коломб остается только наблюдателем, всецело сосредотачиваясь на проблемах творческого процесса и придумывании вымышленных, психологически не реалистичных персонажей. «Это был магический круг, осиное гнездо души, полагающей истинную гордость в черствой замкнутости, а пороки – неизбежной тенью оригинального духа, хотя это были самые обыкновенные, мелкие пороки, общие почти всем, но извиняемые якобы двойственностью натуры. Его романы тщателью проводили идеи, в которые он не верил, но излагал их потому, что они были парадоксальны, как и все его существо, склонное к выгодным для себя преувеличениям» [2].

Практически он живет в мире своего воображения, не имеющем ничего общего с действительностью. На наш взгляд, в этом плане уместно сравнить его со Степаном Трофимовичем Верховенским, героем романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Степан Трофимович, подобно Коломбу, живет в выдуманном мире, только вместо написания сочинений лелеет для себя фантастическую идею, способную, по его мнению, изменить и улучшить Россию. Думая, что служит ей, постоянно занимается только одним – пустопорожней, никому не нужной болтовней, хотя восторженность и вера в идеалы свободы и равноправия у него совершенно искренни. «Даром никогда ничего не достанется. Будем трудиться, будем и свое мнение иметь. А так как мы никогда не будем трудиться, то и мнение иметь за нас будут те, кто вместо нас до сих пор работал, то есть всё та же Европа, все те же немцы – двухсотлетние учителя наши. К тому же Россия есть слишком великое недоразумение, чтобы нам одним его разрешить, без немцев и без труда. Вот уже двадцать лет, как я бью в набат и зову к труду! Я отдал жизнь на этот призыв и, безумец, веровал! Теперь уже не верую, но звоню и буду звонить до конца, до могилы; буду дергать веревку, пока не зазвонят к моей панихиде!» [3]

Несмотря на очевидную утопичность своих речей и мыслей, герои Достоевского и Грина не лишены острого ума, аналитического склада и тонкой наблюдательности, помогающих им глубже видеть и понимать людей. Так, Степан Трофимович видит духовное несовершенство окружающих его единомышленников и относится к ним весьма иронически. «Все вы из “недосиженных”, – шутливо замечал он Виргинскому, – все подобные вам, хотя в Вас, Виргинский, я и не замечал той ограниченности, какую встречал в Петербурге chez ces séminaristes, но все-таки вы “недосиженные”. Шатову очень хотелось бы высидеться, но и он недосиженный» [4].

Но свое духовное несовершенство и оторванность от людей Верховенский, как и Коломб, не видит, и прозрение для него и героя Грина наступает только в финале произведений. Оба они находятся в поисках пути к умственной и эмоциональной гармонии с самими собой, окружающим миром и людьми, и каждый из них напрягает ум, душу и отмечает все лишнее, наносное, поверхностное, будь то свои или другие ошибочные мнения и взгляды. Так, Коломб, исследуя мысли героини своей повести – террористки, исповедующей анархические взгляды, девушки по имени Фай, проходит через череду тяжких сомнений, не зная, как объяснить её внутренний душевный переворот, причины, побудившие её отказаться от массового убийства и даже помешать проведению террористического акта. «Коломб писал повесть, взяв центром ее стремительное перерождение женской души. Анархист и его возлюбленная замыслили “пропаганду фактом”. В день карнавала снаряжают они повозку, убранную цветами и лентами, и, одетые в пестрые праздничные костюмы, едут к городской площади в самую гущу толпы. Здесь, после неожиданной, среди веселого гула, короткой и страстной речи, они бросают снаряд, – месть толпе, – казня её за преступное развлечение, и гибнут сами. Злодейское самоубийство их преследует двойную цель: напоминание об идеалах анархии и протест буржуазному обществу. Так собираются они поступить. Но таинственные законы духа, наперекор решимости, убеждениям и мировоззрению, приводят

героиню рассказа к спасительному отступлению перед задуманным, наступившим в последний момент... Похитив снаряд, она прячет его в безопасное для жизни людей место и становится из разрушительницы человеком толпы, бросив возлюбленного, чтобы жить обыкновенной, простой, но, в сущности, глубоко человеческой жизнью людских потоков, со всеми их правдами и неправдами, падениями и очищениями, слезами и смехом. Колумб искал причины этой благодетельной душевной катастрофы, он сам не принимал на веру разных “вдруг” и “наконец”, коими писатели часто отделяются в трудных местах своих книг. Если в течение трех-четырёх часов взрослый, пламенно убежденный человек отвергает прошлое и начинает жить снова – это совсем не “вдруг”, хотя был срок по времени малым. Ради собственного удовлетворения, а не читательского только, требовал он ясной динамики изображенного человеческого духа и был в этом отношении требователен чрезмерно. И вот, с вечера пятого дня работы, стал он, как сказано, в тупик перед немалой задачей: понять то, что еще не создано, создать самым процессом понимания причины внутреннего переворота женщины по имени Фай» [5].

Все версии произошедшего изменения писатель, созданный Грином, отвергает. «Он стал писать, зачеркивать, вырывать листки, курить, прохаживаться, с головой, полной всевозможных предположений относительно героини, представив ее красавицей, он размышлял, не будет ли уместным показать пробуждение в ней долго подавляемых инстинктов женской молодости. Веселый гром карнавала не мог ли встряхнуть сектантку, привлечь ее, как женщину, к соблазнам поклонения, успехов, любви? Но это плохо вязалось с ее характером, сосредоточенным и глубоким. К тому же подобное рассеянное, игривое настроение немыслимо в ожидании смерти» [6].

«Соблазн любви», «чувство жалости», «страх» – эти и множество других причин проносятся в его голове и признаются психологически не достоверными, не соответствующими внутренней логике развития душевного мира загадочной девушки. Мы видим в сомнениях и муках творчества главного героя рассказа непосредственное влияние романа «Бесы» Достоевского. Так же, как и Колумб, Верховенский мечется в поисках истины, уходя от мелкого и повседневного, обманываясь, тем не менее, не успокаиваясь, но страдая от непонимания и грубости в силу крайней впечатлительности, чувствительности, а так же слабости воли и характера. «Он не выдержал и стал заявлять о правах искусства, а над ним стали еще громче смеяться. На последнем чтении своем он задумал подействовать гражданским красноречием, воображая тронуть сердца и рассчитывая на почтение к своему “изгнанию”. Он, бесспорно, согласился в бесполезности и комичности слова “отечество”; согласился и с мыслию о вреде религии, но громко и твердо заявил, что сапоги ниже Пушкина, и даже гораздо. Его безжалостно освистали, так что он тут же, публично, не сойдя с эстрады, расплакался. Варвара Петровна привезла его домой едва живого» [7]. Можно согласиться с Н. И. Пруцковым, назвавшим Верховенского «большим ребенком»: «Степан Трофимович, как и многие другие люди его поколения. По суждению автора, всего лишь взрослый ребенок, суетный и тщеславный, но при этом бесконечно добрый, благородный и беспомощный Дон Кихот» [8].

Внешне совершенно не похожий на Верховенского, герой Грина обладает умением сохранить мужество в момент опасности, имеет твердый характер, сильную волю, всегда выглядит вполне уравновешенным, уверенным в себе человеком. Переживания и чувства он прячет от всех под маской бесстрастного эстетствующего джентльмена. Но главная черта, объединяющая двух героев Грина и Достоевского, делающая их братьями по духу, – то, что они живут выдуманной жизнью, но хотят вырваться из замкнутого круга фантазий и ощутить себя как одно целое с человечеством, о котором столько думают, но совсем не знают. Выход из круга для героя Грина – решение загадки перевоплощения Фай. Именно тогда, когда загадка таинственного переворота в мировоззрении девушки будет решена, герой Грина и сам поймет о себе то, о чем раньше не догадывался, и такой же переворот произойдет и в нем самом. Для Степана Трофимовича выход – это осознание, что он, хотя и верующий, но по взглядам своим стоит далеко от Бога и христиан, и соединиться, почувствовать себя вместе с народом российским можно, только придя сначала к Богу и поверив не только разумом, но и сердцем в евангельскую истину, о том, что Бог и любовь одно и то же. «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все Ангелы с Ним, тогда сядет на Престоле славы Своей, и соберутся перед Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: “приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне”».

Тогда праведники скажут Ему в ответ: «Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? Или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? Или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в от-

вет: “Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне”» [9].

Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» был настольной книгой маленького кружка провинциальных социалистов, которому принадлежал Степан Трофимович – их «Библией», их катехизисом. Прийти от романа-утопии Чернышевского к Евангелию – этот долгий путь предстояло пройти Степану Трофимовичу. Как верно заметила Л. И. Сараскина, «в контексте “Бесов” социальная утопия, обещавшая счастье в виде колонн из алюминия и поющих тружеников на тучных полях, является революционной Библией, канонем смуты, ее философской базой и политической платформой. “Их катехизисом” называет Степан Трофимович роман-утопию и подчеркивает, что учебник не так и прост – в нем “приемы и аргументы”, практика, может быть и умеренная, но все равно опасная. “О, как мучила его эта книга! Он бросал иногда ее в отчаянии и, вскочив с места, шагал по комнате почти в исступлении. – ...Как все это выражено, искажено, исковеркано! – восклицал он, стуча пальцами по книге. – К таким ли выводам мы устремлялись? Кто может узнать тут первоначальную мысль?” Мечта Степана Трофимовича выйти из уединения и дать последний бой “катехизису” терпит крах именно потому, что главный вывод из книги в глазах ее поклонников носит не дискуссионный характер. “Бесы” как бы фиксируют моменты, когда социальная утопия с прихотливыми фантазиями и чисто романическими ситуациями обретает статус “учебника жизни” и становится своеобразным указующим перстом для “деятелей движения”» [10].

Выступая против диктатуры самодержавия, Степан Трофимович не понимал, что зовет к другой диктатуре, диктатуре анархии. Как сказал русский философ Д. С. Мережковский, «анархия и монархия – два различные состояния одной и той же *prima materia*, “первого вещества” – насилия как начала власти: насилие одного над всеми – монархия, всех над одним – анархия. Постоянный и узаконенный ужас насилия, застывший “белый террор”, обледенелая, кристаллизованная анархия и есть монархия; расплавленная монархия и есть анархия. Мы это видим на опыте, в том, что перед нашими глазами теперь происходит: тающая глыба самодержавия течет огненной лавой революции» [11].

Безусловно, жаль, что Слово Божие открылось Верховенскому только в конце жизненного пути, когда до смерти осталось совсем немного.

«– Теперь прочитайте мне еще одно место... о свиньях, – произнес он вдруг.

– Чего-с? – испугалась ужасно Софья Матвеевна.

– О свиньях... это тут же... *ses cochons*... я помню, бесы вошли в свиней и все потонули. Прочтите мне это непременно; я вам после скажу, для чего. Я припомнить хочу буквально. Мне надо буквально.

Софья Матвеевна знала Евангелие хорошо и тотчас отыскала от Луки то самое место, которое я и выставил эпиграфом к моей хронике. Приведу его здесь опять:

“Тут же на горе паслось большое стадо свиней, и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло. Пастухи, увидя происшедшее, побежали и рассказали в городе и в селениях. И вышли видеть происшедшее и, пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме, и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесноватый”.

– Друг мой, – произнес Степан Трофимович в большом волнении, – *savez-vous*, это чудесное и... необыкновенное место было мне всю жизнь камнем преткновения... *dans ce livre*... так что я это место еще с детства упомянул. Теперь же мне пришла одна мысль; *une comparaison*. Мне ужасно много приходит теперь мыслей: видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, – это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! *Out, cette Russie, que j’aimais toujours*. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... *et les autres avec lui*, и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и “сядет у ног Иисусовых”... и будут все глядеть с изумлением... Милая, *vous comprendrez après*, а теперь это очень волнует меня... *Vous comprendrez après... Nous comprendrons ensemble*» [12].

Если бы Верховенский остался жив, то это был бы уже другой человек – все высокопарные фразы и ложные верования перед смертью, как шелуха, слетели с него.

Коломб после опасного пулевого ранения, думая, что может умереть, пережил такое же переосмысление духовных ценностей, но, в отличие от Степана Трофимовича, остался жить. Пере-

жив этот момент, он стал счастливее и нравственно чище, а отношение к людям, которых он считал раньше всего лишь материалом для творчества, наполнилась любовью. Ему остается только со стыдом вспоминать, что раньше «жизнь в том виде, в каком она представилась ему теперь, казалась нестерпимо, болезненно гадкой. Не смерть устрашала его, а невозможность, в случае смерти, излечить прошлое. “Я должен выздороветь, – сказал Коломб, – я должен, невозможно умирать так”. Страстное желание выздороветь и жить иначе было в эти минуты преобладающим.

И тут же, с глубоким изумлением, с заглушающей муки души радостью, Коломб увидел, при полном освещении мысли то, что так тщетно искал для героини неоконченной повести. Не теряя времени, он приступил к аналогии.

Она, как и он, ожидает смерти; как он, желает покинуть жизнь в несовершенном ее виде. Как он – она человек касты; ему заменила живую жизнь привычка жить воображением; ей – идеология разрушения; для обоих люди были материалом, а не целью, и оба, сами не зная этого, совершали самоубийство» [13].

Вывод, который делают герои Достоевского и Грина, один и тот же – любить сначала людей и все прекрасное вокруг, потом себя, перестать всматриваться в маленький внутренний мирок, занимаясь рефлексией, открыть удивительный и восхитительный мир вокруг них и понять, что он прекрасен, чудесен и достоин удивления и восхищения. Как только они это поняли, тайна душевного и умственного сознания революционеров была ими раскрыта. Ясно стало, что социалисты и анархисты, прикрываясь красивыми словами, в тайне даже от самих себя хотят только разрушения и хаоса, хотят перемен не для других, а для удовлетворения своей страсти к насилию. Верховенскому открылись по-новому давно известные строки из Евангелия о бесах, вошедших в свиней, как образ демократического движения в России. Коломб за каких-то полчаса, готовясь, казалось бы, к неизбежной смерти, изменил свое мировоззрение и вдруг сразу понял причину перевоплощения Фай. «Наконец-то, – сказал Коломб вслух пораженному Браулю, – наконец-то я решил одну психологическую задачу – это относится, видите ли, к моей повести. В основу решения я положил свои собственные теперешние переживания. Поэтому-то она и не бросила снаряд, а даже помешала преступлению» [14].

На наш взгляд, Ф. М. Достоевский был одним из идейных предшественников А. С. Грина-реалиста. Сопоставительный анализ произведений этих писателей позволяет говорить об идейно-тематических перекличках в их творчестве. Несомненна параллель между образными системами романа Ф. М. Достоевского «Бесы» и реалистических рассказов А. С. Грина: Шатов – Геник («Маленький заговор»), Кириллов – Ян («Марат»), Шигалев – «бледный юноша» («Приключения Гинча»), Верховенский – Коломб («Повесть, оконченная благодаря пуле»). Вывод, который делает Достоевский устами Степана Трофимовича об устроителях «счастливого будущего» российского государства, тождествен выводу Коломба о причинах, побудивших анархистку Фай предотвратить взрыв бомбы, – они оба поняли, что «люди были материалом, а не целью» для них и их соратников. Как Достоевский завершает монологом Верховенского повествование о «бесах» революции, так и Грин финальным монологом Коломба в рассказе «Повесть, оконченная благодаря пуле» завершает цикл повествований о нелегальной жизни эсеров и больше уже не возвращается к этой теме.

Примечания

1. Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2 / [сост. В. Ковский и др.; под общ. ред. В. Россельса; ил. С. Бродского]. М.: Правда, 1980. С. 81.
2. Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Сердце Пустыни. Екатеринбург, КРОК-Центр, 1994. С. 347.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7: Бесы; Глава «У Тихона» / [тексты подгот. и примеч. сост. Н. Ф. Буданова и др.; ред. В. А. Туниманов; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом)]. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1990. С. 36.
4. Там же. С. 31.
5. Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Сердце Пустыни. Екатеринбург, КРОК-Центр, 1994. С. 335.
6. Там же. С. 336.
7. Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 24.
8. История русской литературы: в 4 т. Т. 3: Расцвет реализма / [Н. И. Пруцков, М. Т. Пинаев, Л. М. Лотман и др.]; ред. Ф. Я. Прийма, Н. И. Пруцков; редкол.: Н. И. Пруцков (гл. ред.) и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. С. 733.
9. Мф, 106 зач., 25, 31–46.
10. Сараскина Л. И. «Бесы», или Русская трагедия // Достоевский Ф. М. Бесы: роман в трех частях; антология русской критики / сост. Л. И. Сараскина. М.: Согласие, 1996. С. 445.
11. Мережковский Д. С. Пророк русской революции // Достоевский Ф. М. Бесы: роман в трех частях; антология русской критики / сост. Л. И. Сараскина. М.: Согласие, 1996. С. 478.
12. Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 610–611.
13. Грин А. С. Указ. соч. С. 348.
14. Там же.

Notes

1. Grin A. S. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 2 [Collected works: in 6 vol. Vol. 2] / [comp. V. Kowski and others; under the general editorship of V. Rossels; Il. S. Brodsky]. M. Pravda. 1980. P. 81.
2. Grin A. S. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 5. Serdce Pustyni [Collected works: in 6 vol. Vol. 5. The Heart Of The Desert]. Ekaterinburg, the KROK-Centre. 1994. P. 347.
3. Dostoevskij F. M. Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 7: Besy; Glava «U Tihona» [Works: in 15 vol. Vol. 7: Devils; Chapter "At Tikhons"] / [texts and notes. Comp. by N. F. Budanova, and others; edited by V. A. Tunimanov; USSR Academy of Sciences, In-t of Rus. lit. (Pushkin house)]. L. Nauka: Leningrad. Dep. 1990. P. 36.
4. Ibid. P. 31.
5. Grin A. S. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 5. Serdce Pustyni [Collected works: in 6 vol. Vol. 5. The Heart Of The Desert]. Ekaterinburg, the KROK-Centre. 1994. P. 347.
6. Ibid. P. 336.
7. Dostoevsky F. M. Op. cit. P.24.
8. Istoriya russkoj literatury: v 4 t. T. 3: Rascvet realizma - History of Russian literature: in 4 vol. Vol. 3: The Rise of Realism / [N. I. Prutskov, M. T. Pinaev, L. M. Lotman and others]; edited by F. J. Priyma, N. I. Prutskov; ed. board: N. I. Prutskov (ed.). Leningrad. Nauka. Leningr. Dep. 1982. P. 733.
9. MF 106, 25, 31-46.
10. Saraskina L.I. «Besy», ili Russkaya tragediya ["Demons," or a Russian tragedy] // Dostoevskij F. M. Besy: roman v trekh chastyah; antologiya russkoj kritiki - Dostoevsky F.M. Demons: a novel in three parts; the anthology of Russian criticism / comp. L. I. Saraskina. M. Accord. 1996. P. 445.
11. Merezhkovskij D. S. [Prophet of the Russian revolution] // Dostoevskij F. M. Besy: roman v trekh chastyah; antologiya russkoj kritiki - Dostoevsky F.M. Demons: a novel in three parts; the anthology of Russian criticism / comp. L. I. Saraskina. M. Accord. 1996. P. 478.
12. Dostoevsky F. M. Op. cit. Pp. 610-611.
13. Green A. S. Op.cit. P. 348.
14. Ibid.

УДК 81'42

Д. Д. Сатина

Репрезентация художественного концепта *gambling* в цикле рассказов Р. Л. Стивенсона «Клуб самоубийц»

Понятие концепта используется множеством научных дисциплин, в том числе литературоведением. В данном случае, как правило, используется термин *художественный концепт*. Его природа в настоящее время не до конца изучена, и общепринятого определения художественного концепта, как и алгоритма его анализа, не существует. Кроме того, художественный концепт, как и художественный образ, способен отражать индивидуальное мировосприятие писателя, что осложняет разграничение этих понятий, однако не делает их равнозначными. Вероятнее всего, концепт следует считать более общим понятием, он не равен образу, но может быть реализован в тексте через образ или их совокупность. Художественный концепт как единица индивидуальной картины мира писателя, представленная в тексте, играет важную роль в раскрытии проблематики произведения. В данной статье анализируется структура и содержание концепта *gambling* (*азартная игра*) на материале цикла рассказов Р. Л. Стивенсона «Клуб самоубийц». Хотя данный концепт едва ли возможно назвать основным в обозначенном произведении, его репрезентация подтверждает некоторые положения творческой концепции автора. Кроме того, азартные игры – одно из древнейших изобретений человечества. Первоначально они имели сакральный смысл и, постепенно превратившись в средство развлечения, сохранили важное место в общественной жизни. Закономерно, что столь значимое явление нашло отражение в литературном творчестве.

The concept, one of the basic notions of cognitive linguistics, has become a matter of interest for many disciplines. Literary studies is one of them, because a literary concept as a part of the writer's individual world image, being represented in the text, can be helpful in revealing the main idea or ideas of the literary work. However, there is no generally accepted definition of the literary concept or the standard procedure of its analyses. The notion of a literary concept is interconnected with that of a literary image, but they can hardly be totally identified, though a literary concept may include an image or images and to be represented in the text by their means. In this article we make an attempt to analyze the structure and the contents of the concept *gambling* in the series of short stories by R. L. Stevenson "The Suicide Club". Although this concept can hardly be treated as basic in the mentioned literary work, its representation proves some points of the author's creative philosophy. Besides, gambling is one of the most ancient inventions of the humankind. It originated as a religious practice aiming to establish the contact with the supernatural and later became a popular entertainment. However, gambling remained an important part of cultural and social life, and it is no surprise that this phenomenon has found its reflection in literature.

Ключевые слова: азартные игры, художественный концепт, художественный образ, ядро концепта, периферия концепта, ассоциативное поле концепта.

Keywords: gambling, literary concept, literary image, kernel of the concept, periphery of the concept, associative field of the concept.

Концепт, одно из основных понятий когнитивной лингвистики, представляет интерес для множества научных дисциплин, в том числе для литературоведения. В данном случае обычно употребляется термин «художественный концепт». Так как наше исследование проводилось на материале художественного текста, мы также будем использовать этот термин.

В отечественной науке одним из первых к проблеме концепта обратился С. А. Аскольдов. В статье «Концепт и слово» ученый подразделяет концепты на познавательные и художественные. Познавательный концепт, по мнению ученого, является мысленным образованием, способным замещать множество однородных объектов. Вместе с тем познавательный концепт, замещая определенную общность, подразумевает возможность конкретизации, чем и определяется его способность к замещению [1]. Художественный концепт, по мнению С. А. Аскольдова, отличается от познавательного прежде всего отсутствием логической четкости и более сложной структурой: «К концептам познания не примешиваются чувства, желания, вообще иррациональное. Художественный концепт чаще всего есть комплекс того и другого, т. е. сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений» [2]. Кроме того, познавательный концепт всегда замещает некую множественность объектов, обозначая нечто за пределами самого концепта. Художественный концепт, с одной стороны, более нагляден и конкретен, однако в значительной степени представляет собой потенциальную возможность дальнейшего уточнения. Но, если в случае познавательного концепта раскрытие его смысла ограничено рамками логики или законами действительности, для художественного концепта характерна «неопределенность возможностей». Именно она является причиной того, что восприятие художественного произведения читателем далеко не всегда совпадает с авторским восприятием, так как концепт может лишь направить восприятие читателя в нужном направлении, но не определить его полностью [3]. Таким образом, художественный и познавательный концепты при всех различиях не являются полностью противоположными понятиями, более того, познавательный концепт может служить основой для художественного.

В учебном пособии Л. Г. Бабенко «Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика» также говорится о важности исследования концептуального пространства художественного текста, которое, наряду с денотативным и эмотивным пространством текста, является одним из главных объектов лингвистического анализа. Автор отмечает, что традиционно индивидуально-авторская концепция художественного текста изучается литературоведением и эстетикой, однако развитие когнитологии и антропологической лингвистики породило необходимость рассматривать текст в русле данных дисциплин. Исследование концептуального пространства текста в конечном итоге сводится к определению его базовых концептов: «Таким образом, можно предположить, что, представляя собой информацию эстетико-художественного характера, концептуальная информация семантически выводится из всего текста как структурно-смыслового и коммуникативного целого, поэтому нацеленный на ее выявление специализированный лингвистический анализ может быть ограничен частной задачей – обнаружением и интерпретацией базовых концептов (или концепта) того или иного литературного произведения» [4].

И. А. Тарасова в статье «Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения» отмечает, что художественный концепт можно понимать как единицу индивидуально-авторского восприятия мира или как элемент национальной художественной картины мира. Недостатком последнего из названных подходов можно считать то, что содержание концепта национальной культуры не всегда совпадает с содержанием соответствующего художественного концепта, что может объясняться актуализацией в художественном тексте признаков концепта, важных для раскрытия проблематики данного произведения, но не отраженных в ядре национального концепта [5]. С другой стороны, художественный концепт, при всей его субъективности, едва ли может быть продуктом только лишь индивидуального восприятия, которое всегда в определенной степени основывается на восприятии коллективном. Следовательно, художественный концепт, вероятнее всего, включает в себе и национальные, и индивидуально-авторские характеристики.

Кроме того, возникает вопрос о взаимоотношении понятий *художественный концепт* и *художественный образ*. В вышеупомянутой статье С. А. Аскольдова отмечается: «Художественный концепт не есть образ или, если и содержит его, то случайно и частично. Но он несомненно т я г о т е е т именно прежде всего к потенциальным образам и также н а п р а в л е н на них, как и по-

знавательный концепт направлен на конкретные представления, подходящие под его логический “родовой” объем» [6]. Следовательно, художественный концепт и художественный образ – взаимосвязанные, но не тождественные понятия.

И. А. Тарасова, анализируя существующие точки зрения на данную проблему, приходит к выводу, что и образ, и художественный концепт являются единицами авторского сознания, но образ представляет собой некую художественную целостность, а концепт – совокупность определенных признаков, формирующих эту целостность, но не воспринимаемых по отдельности. Иными словами, образ можно считать единицей восприятия, а концепт – результатом анализа [7].

В работе «Антология художественных концептов русской литературы XX века» указывается, что художественный концепт, являясь единицей сознания писателя, намного сложнее, чем художественный образ, который служит для выражения авторской картины мира в определенном произведении и репрезентирует наиболее значимые компоненты концепта. Таким образом, под художественным концептом можно понимать единицу индивидуального сознания писателя, значение которой раскрывается в контексте литературного произведения через образы и символы [8].

Тем не менее универсального определения художественного концепта не существует, как, впрочем, и единой методики его анализа. Т. И. Васильева, Н. Л. Карпичева и В. В. Цуркан предлагают следующий алгоритм [9]:

1. Установить ключевое слово-репрезентант концепта в произведении.
2. Определить словарное значение репрезентанта, выявить его индивидуально-авторское наполнение в контексте произведения.
3. Выявить «исторические» признаки концепта, его общекультурное наполнение.
4. Проанализировать ассоциативные связи художественного концепта.
5. Определить лингвистические способы представления концептуальной информации.
6. Выявить взаимосвязь исследуемого концепта с другими составляющими художественной концептосферы данного автора.

Лексическими репрезентантами концепта в исследуемых текстах можно считать словосочетание *game of cards* ‘карточная игра’ и лексемы *roulette* ‘рулетка’ и *baccarat* ‘баккара’. Тем не менее в рамках настоящей статьи для нас более важен тот факт, что данные игры являются азартными, а не особенности каждой из них.

Французский антрополог Р. Кайуа в работе «Игры и люди» делит игры на четыре категории в зависимости от способности игры вызывать у человека те или иные ощущения. Так, игры группы *alea* отличаются тем, что их исход зависит от воли случая, а не от мастерства игрока. Удовольствие от таких игр достигается через пассивную покорность судьбе, надежду на счастливый исход, чувство риска: «Alea отмечает и выявляет собой милость судьбы. При этом игрок всецело пассивен, не выказывает никаких достоинств или способностей, возможностей своей ловкости, силы, ума. Он лишь ждет с надеждой и трепетом рокового решения» [10]. Однако есть и другое мнение о природе азартных игр: объективно мы понимаем, что и выигрыш, и проигрыш абсолютно случайны, но с точки зрения игрока это может быть вовсе не так. Дж. Бухдал, автор книги “Squares and sharps, suckers and sharks”, освещая психологические и философские аспекты азартных игр, замечает, что основной причиной увлечения людей азартными играми является стремление к контролю над судьбой. Это чувство контроля, разумеется, иллюзорно, но именно благодаря ему поведение человека во время азартной игры может иллюстрировать его поведение в любой ситуации, требующей принятия решения [11].

В английском языке азартная игра чаще всего обозначается лексемой *gambling*, производной от глагола *to gamble*. Большинство использованных нами словарей дает схожие дефиниции данной лексемы. Например, словарь Merriam-Webster [12] предлагает следующее определение глагола *to gamble*:

1. Участвовать в игре, в которой можно проиграть или выиграть деньги или имущество.
2. Рисковать некоторой суммой денег в игре или споре, заключать пари с неопределенным исходом.
3. Рисковать чем-либо ценным с целью достичь желаемого результата.

Нетрудно заметить, что во всех приведенных значениях лексемы присутствует смысловой компонент *risk* ‘риск’ и *uncertainty* ‘неопределенность’.

Согласно вышеописанному алгоритму, необходимо выделить историческое и общекультурное наполнение концепта. Азартные игры – очень древнее изобретение человечества. Первоначально во многих культурных традициях они имели сакральный смысл и лишь потом превратились в средство развлечения. Знаменитый этнограф Э. Б. Тайлор в книге «Первобытная культура» рассматривает азартные игры в непосредственной связи с ритуальными действиями. В древности люди считали случай проявлением воли высших сил. Современный человек, конечно,

не так склонен к мистике, но ощущение связи азартных игр со сверхъестественными силами сохраняется в качестве пережитка [13].

Как отмечает Дж. Эштон, в Англии азартные игры (в частности, игра в кости), также появились очень давно, и отношение общества к ним на протяжении всей истории было весьма неоднозначным: огромная популярность данного развлечения настораживала и государство, и церковь [14]. Все это, разумеется, только усиливало притягательность азартных игр, одновременно связывая их со сферой недозволенного, порочного, преступного.

Для того чтобы понять, какую роль исследуемый концепт играет в проблематике произведения, следует кратко описать творческий путь его автора. Р. Л. Стивенсон считается основоположником английского неоромантизма – литературного направления, возникшего в конце XIX в. Важно отметить, что данный период явился переломным не только в литературе, но и в обществе. Ценности и идеалы уходящей викторианской эпохи все чаще подвергались сомнению, и утрата духовного ориентира не могла не привести к обострению упаднических настроений. Р. Л. Стивенсон не одобрял эту тенденцию, в его творческой программе основополагающим был принцип мужественного оптимизма. Цикл рассказов «Клуб самоубийц», вошедший в сборник «Новые тысяча и одна ночь», опубликованный в 1878 г., можно считать ярким примером пародийного изображения поклонников депрессивно-суицидальных идей декадентства, их эгоцентризма и самолюбования. Само название «Клуб самоубийц» является намеком на эстетские кружки и группы [15].

Цикл «Клуб самоубийц» повествует о приключениях принца Богемии Флоризеля и его верного друга и соратника полковника Джеральдина. Мы сосредоточимся на первом и последнем рассказах цикла: это «Повесть о молодом человеке с пирожными» и «Приключение извозчицкой пролетки».

Принц Флоризель и полковник Джеральдин во время пребывания в Лондоне знакомятся с молодым человеком, который бесплатно угощает всех кремовыми пирожными. Делал он это, как позже выяснилось, с целью издевательства над своим бедственным финансовым положением. Флоризель и Джеральдин убеждают его, что также переживают не лучшие времена, и тогда новый знакомый предлагает им вступить в Клуб самоубийц, где отчаявшиеся найти свое место в жизни люди, которым при этом недостает силы духа покончить с собой самостоятельно, играют в очень простую карточную игру: председатель клуба раздает карты, и тот, кому достанется туз пик, становится жертвой; кому выпадает туз треф – убийцей. Таким образом решается проблема суицида.

Репутация азартных игр как привлекательного, но порочного занятия вполне сочетается с характером деятельности упомянутого заведения: происходящее в клубе овеяно тайной и даже мистикой, но при ближайшем рассмотрении не только греховно, но и преступно. Велика вероятность того, что члены Клуба самоубийц вовсе не хотят умирать, а клуб посещают ради острых ощущений, которых им недостает в реальной жизни. Азартные игры отлично подходят для этой цели, так как дают возможность испытать чувство радости, душевного подъема, отвлечься от реальности. В анализируемом тексте эта идея подчеркивается лексическими единицами и словосочетаниями: *excitement* 'возбуждение', *strong passion* 'сильная страсть', *intense joys of living* 'высшие радости жизни', *to trifle with fear* 'играть со страхом', *this extreme, this quintessence, this absolute of poignancy* 'пик, квинтэссенция, вершина остроты', *pleasure* 'удовольствие', *joy* 'радость':

"Fear is the *strong passion*; it is *with fear* that you must *trifle*, if you wish to taste the *intense joys of living*" [16].

«"You can see how it combines the *excitement* of a gaming table, a duel and a Roman amphitheater. The Pagans did well enough; I cordially admire their refinement of their minds; but it has been reserved for a Christian country to attain this *extreme, this quintessence, this absolute of poignancy*. You will understand how vapid are all the amusements for to man who has acquired a taste for this one"» [17].

"As the Prince's turn drew nearer, he was conscious of a growing and almost *suffocating excitement*; but he had somewhat of the gambler's nature, and recognized almost with astonishment, that there was a degree of *pleasure* in his sensations" [18].

"The Prince was again conscious of a certain *joy* in his *alarms*..." [19]

Персонажи произведения не могут или не хотят искать поводы для сильных эмоций в реальности, они не в состоянии преодолеть страх перед жизнью, но стремятся создать иллюзию его преодоления.

Со стороны Флоризеля и Джеральдина, оказавшихся в клубе совершенно случайно, желая развеять скуку, негативное отношение к перспективе свести счеты с жизнью, или, напротив, убить кого-либо, вполне закономерно:

"The Prince was conscious of a *deadly chill* and a *contraction* about his heart; he *swallowed with difficulty*, and looked from side to side like a man *in a maze*" [20].

"And he looked about him, once more to all appearance at his ease, although his heart beat thickly, and he was conscious of an unpleasant *heat in his bosom*" [21].

"In the cold night air their *horror* of what they had witnessed was redoubled" [22].

Однако от людей, уже решившихся на суицид, логичнее ожидать более спокойной реакции на исход игры. В действительности же мы наблюдаем абсолютно противоположную ситуацию:

"Nearly every one *hesitated*; and sometimes you would see the player's fingers *stumbling* more than once before he could turn over the momentous slip of pasteboard" [23].

"The young man of the cream tarts almost immediately afterwards turned over the ace of clubs, and remained *frozen with horror*..." [24].

Болезненное напряжение и ужас, испытываемые участниками клуба в процессе игры, также свидетельствуют об отсутствии у них серьезных намерений. С другой стороны, независимо от изначальных целей посетителей клуба, именно игра делает смерть и страх смерти реальными, обнажая истинные эмоции человека. Таким образом, совершенно нелепая ситуация оказывается исполненной драматизма, который, кроме вышеприведенных цитат, иллюстрируется также описанием тщательной и даже торжественной подготовки к игре, замедленного хода самого процесса:

"The centre was occupied by a long green table, at which the President sat shuffling a pack of cards *with great particularity*" [25].

"And he began *slowly* dealing the cards about the table in the reverse direction, *pausing* until each man had shown his card" [26].

Близость смерти, как правило, заставляет задуматься о ценности жизни. Так, Флоризель, когда ему все же выпадает роковая карта, осознает, что его поведение было глупо и даже преступно: "He recognized how *foolish*, how *criminal*, had been his conduct. In perfect health, in the prime of his years, the heir to a throne, he had gambled away his future and that of a brave and loyal country" [27]. Тем не менее подобный негативный опыт может быть весьма полезен, так как способен научить воздерживаться от необдуманных поступков. Еще в первый вечер посещения клуба Флоризель признает, что игра послужила ему уроком:

«"What an *experience*, what a *lesson*, was that game of cards!" [28].

Данная история закончилась, к счастью, благополучно: принца спасает верный Джеральдин, заранее спланировавший эту кампанию. Однако игра с судьбой может закончиться трагически, поэтому следует ценить жизнь и не рисковать ей неоправданно. Такова, по нашему мнению, одна из основных идей данного рассказа.

Упоминания азартной игры встречаются также в третьем, заключительном, рассказе цикла – «Приключение извозчицкой пролетки».

Офицер по имени Брекенбери Рич попадает на званый вечер к некоему господину Моррису, который оказывается известным нам полковником Джеральдином, а вечер был организован с целью сформировать команду для выполнения ответственной миссии – суда над председателем ранее упомянутого «Клуба самоубийц».

Войдя в дом, Брекенбери сразу же замечает, что остальные гости разделились на две группы, и одна группа играла в рулетку, а другая – в баккару: "They were divided into two groups, one about a roulette board, and the other surrounding a table at which one of their number held a bank of *baccarat*" [29]. Из этого можно сделать вывод, что азартные игры были обычным способом времяпрепровождения в высших слоях английского общества. Однако в данном случае справедливо будет предположить, что игра является отнюдь не только развлечением для гостей, но и своеобразным испытанием, так как Моррис внимательно наблюдает за поведением игроков, оценивая количество ставок и рассматривая карты, доставшиеся слабым игрокам. Брекенбери начинает сомневаться, действительно ли он попал в игорный дом, так как происходящее гораздо больше напоминало частное расследование, о чем свидетельствуют следующие лексические единицы и словосочетания: *sharp scrutiny* 'внимательное изучение', *shrewd glance* 'проницательный взгляд', *searching looks* 'изучающий взгляд', *to take stock* 'приглядываться к чему-л.', *to value* 'оценивать', *to make a note* 'отмечать, принимать к сведению':

"It was while he was thus idling that he became aware of a *sharp scrutiny* to which the whole of the guests was subjected. Mr. Morris went here and there, ostensibly busied on hospitable concerns; but he had ever a *shrewd glance* at disposal; not a man of the party escaped his sudden, searching looks; he *took stock* of the bearing of heavy losers, he *valued* the amount of the stakes, ... and, in a word, there was hardly a characteristic of any one present but he seemed to catch and *make a note of it*" [30].

"Brackenbury began to wonder if it was indeed a gambling hell: it had so much the air of a private *inquisition*" [31].

Роль образа азартной игры в сюжетном построении данного текста вполне ясна: в экстремальной ситуации особенно ярко проявляется характер человека, и хотя в данном случае исход игры не является вопросом жизни и смерти, если ставки достаточно велики, игра требует немалой силы духа и способности достойно принимать удары судьбы.

Выше мы привели словарную дефиницию слова-репрезентанта анализируемого концепта, однако, как показывает проведенный анализ, в тексте актуализируются и другие смысловые компоненты концепта, которые в зависимости от их семантики можно разделить на следующие группы, каждая из которых представляет определенный аспект актуализации концепта в анализируемом тексте. Совокупность данных аспектов можно считать ассоциативным полем концепта:

1. Манера протекания действия: *great particularity, slowly, pausing, stumbling, hesitated*.
2. Эмоции, испытываемые участниками игры:
 - страх: *fear, terror, horror*;
 - радость, удовольствие: *intense joys of living, joy, pleasure*;
 - возбуждение, беспокойство: *intoxication, poignancy, excitement, alarms, suffocating excitement*.
3. Особенности выражения данных эмоций: *stumbling, hesitated, frozen with horror, deadly chill, contraction, unpleasant heat in his bosom*.
4. Обозначение роли игры в раскрытии характера и обогащения жизненного опыта личности:
 - игра как урок: *lesson, experience*;
 - игра как испытание, проверка: *inquisition, sharp scrutiny, a shrewd glance, searching looks, make a note of, to play for any stake, to bear the losses*.

З. Д. Попова и И. А. Стернин описывают полевую модель концепта, предполагающую разделение смыслового содержания концепта на ядро и периферию: «К ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта» [32]. Периферия не обладает четкой структурой и «состоит из слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета различных людей» [33]. Данная модель, на наш взгляд, может быть справедлива и для художественного концепта, но в нашем случае мы предлагаем относить к ядру концепта не столько наиболее яркие, сколько наиболее объективные признаки, свободные от какой-либо эмоциональной окраски и личностных ассоциаций, а к периферии – смысловые компоненты, представленные в тексте определенного художественного произведения и связанные с реализацией авторского замысла. В рамках данного исследования ядром концепта можно считать смысловые компоненты, заключенные в словарной дефиниции слова-репрезентанта концепта *gambling*, а именно значения «риск» и «неопределенность», которые в исследуемых текстах приобретают индивидуально-авторское наполнение.

В проанализированных текстах данные смысловые компоненты реализуются имплицитно через, прежде всего, сюжетное построение рассказов: азартные игры всегда связаны с риском, особенно если на кону стоит жизнь, и каждый в тайне надеется, что роковая карта достанется не ему, а также благодаря наличию фактора риска поведение человека в игре может служить моделью поведения в любой ситуации, предполагающей возможные потери и поражение. Выделенные нами в процессе анализа вышеперечисленные смысловые компоненты, по нашему мнению, следует отнести к периферии концепта, так как они актуализируются в контексте анализируемого произведения, помогая реализовать авторский замысел, однако не входят в число неотъемлемых признаков концепта: во время азартной игры люди могут испытывать различные эмоции (или даже не испытывать никаких) и, соответственно, вести себя по-разному.

Если говорить о связи концепта с другими элементами концептосферы двух анализируемых рассказов, на наш взгляд, сюжет и проблематика рассказа «Человек с кремowymi пирожными» позволяют связать концепт *gambling* с концептами *death* 'смерть', так как игра нацелена именно на то, чтобы определить, кто из участников должен умереть, *crime* 'преступление' (деятельность клуба самоубийц, очевидно, противозаконна), *fate* 'судьба' (участники игры не имеют возможности повлиять на ее исход). В рассказе «Приключение извозчицье пролетки» концепт *gambling* связывается, прежде всего, с концептом *inquisition* 'испытание, проверка', так как игра здесь служит в первую очередь данной цели.

Полностью проанализировать художественный концепт как единицу индивидуального мировосприятия писателя представляется едва ли возможным, хотя бы потому, что сознание писателя остается для нас недоступным. Тем не менее мы в состоянии выделить некоторые смысловые компоненты концепта, представленные в тексте определенного произведения. Выше также отмечалось, что художественный концепт, являясь более сложным образованием по сравнению с художественным образом, применительно к конкретному тексту может реализовываться через последний. В нашем случае концепт *gambling* реализуется через описание сцен игрового процесса, поведения и эмоционального состояния участников и сторонних наблюдателей игры; обстановки, в которой происходит игра. Введение данных образов, конечно, не является основной целью, но, тем не менее, играет немаловажную роль в построении сюжета и раскрытии про-

блематики произведения. Мы видим, что смысловые компоненты, заключенные в словарной дефиниции лексемы, репрезентирующей анализируемый концепт, актуализируясь в тексте, обогащаются авторским смысловым наполнением. Кроме того, художественный концепт реализуется не только на уровне отдельных лексических единиц и словосочетаний, но и на уровне предложения, а также на уровне текста в целом, через его сюжетную канву и идейное содержание.

Примечания

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997. С. 269–273.
2. Там же. С. 274.
3. Там же. С. 274–276.
4. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., 2005. С. 56.
5. Тарасова И. А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4(2). С. 742–743.
6. Аскольдов С. А. Op. cit. С. 275.
7. Тарасова И. А. Op. cit. С. 744–745.
8. Васильева Т. И., Карпичева Н. Л., Цуркан В. В. Антология художественных концептов русской литературы XX века: электронный ресурс. М., 2013. С. 7.
9. Там же С. 8–11.
10. Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры. М., 2007. С. 54–55.
11. Buchdahl J. Squares and sharps, suckers and sharks: электронный ресурс. Harpenden, 2016. 352 p.
12. Merriam-Webster Dictionary: электрон. словарь. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/gambling> (дата обращения: 14.10.2016)
13. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989.
14. Ashton J. The History of Gambling in England. L., 1898.
15. Урнов М. В. На рубеже веков. М.: Наука, 1970.
16. Stevenson R. L. The Suicide Club // New Arabian nights. N. Y., 1914. P. 25.
17. Ibid. P. 26.
18. Ibid. P. 28.
19. Ibid. P. 33.
20. Ibid. P. 27.
21. Ibid. P. 28.
22. Ibid. P. 29.
23. Ibid. P. 28.
24. Ibid.
25. Ibid. P. 27.
26. Ibid. P. 28.
27. Ibid. P. 33.
28. Ibid. P. 30.
29. Ibid. P. 73.
30. Ibid. P. 74–75.
31. Ibid. P. 75.
32. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. С. 60.
33. Там же.

Notes

1. Askold S. A. Koncept i slovo [Concept and the word] // Russkaya slovesnost': ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologiya – Russian literature: from theory of literature to the structure of the text: anthology. M. 1997. Pp. 269–273.
2. Ibid. P. 274.
3. Ibid. Pp. 274–276.
4. Babenko L. G., Kazarin YU. V. Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika [Linguistic analysis of literary text. Theory and practice]. M. 2005. P. 56.
5. Tarasova I. A. Hudozhestvennyj koncept: dialog lingvistiki i literaturovedeniya [Artistic concept: dialogue of linguistics and literary studies] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Herald of Nizhegorodskiy university n.a. N. Lobachevsky. 2010, No. 4(2), pp. 742–743.
6. Askol'dov S. A. Op. cit. P. 275.
7. Tarasova I. A. Op. cit. Pp. 744–745.
8. Asil'eva T. I., Karpicheva N. L., Curkan V. V. Antologiya hudozhestvennyh konceptov russkoj literatury XX veka: ehlektronnyj resurs [Anthology of the artistic concepts of the Russian literature of the twentieth century: electronic resource]. M. 2013. P. 7.
9. Ibid Pp. 8–11.
10. Kajua R. Igry i lyudi; Stat'i i ehssse po sociologii kul'tury [Games and people; Articles and essays on the sociology of culture]. M. 2007. Pp. 54–55.

11. Buchdahl J. Squares and sharps, suckers and sharks: electronic records. Harpenden. 2016. 352 p.
12. Merriam Webster Dictionary: electron. dictionary. Available at: <http://www.merriam webster.com/dictionary/gambling> (date accessed: 14.10.2016)
13. Tajlor EH. B. Pervobytnaya kul'tura [Primitive culture]. M. 1989.
14. Ashton J. The History of Gambling in England. L., 1898.
15. Urnov M. V. Na rubezhe vekov [At the turn of the century]. M. Nauka. 1970.
16. Stevenson R. L. The Suicide Club // New Arabian nights. N. Y., 1914. P. 25.
17. Ibid. P. 26.
18. Ibid. P. 28.
19. Ibid. P. 33.
20. Ibid. P. 27.
21. Ibid. P. 28.
22. Ibid. P. 29.
23. Ibid. P. 28.
24. Ibid.
25. Ibid. P. 27.
26. Ibid. P. 28.
27. Ibid. P. 33.
28. Ibid. P. 30.
29. Ibid. P. 73.
30. Ibid. Pp. 74–75.
31. Ibid. P. 75.
32. Popova Z. D., Sternin I. A. Oчерki po kognitivnoj lingvistike [Essays in cognitive linguistics]. Voronezh. 2001. P. 60.
33. Ibid.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВОЛКОВ Юрий Константинович – профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин, Арзамасский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, просп. Ленина, 101, корп. 3.

E-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

ВОРОБЬЕВА Ольга Юрьевна – аспирант кафедры германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет. 105064, г. Москва, Малый Казенный переулок, 5б.

E-mail: arsenyevaolga@gmail.com

ГОЛУБНИЧИЙ Руслан Васильевич – аспирант кафедры философии и социальных наук, Гуманитарно-педагогическая академия «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского». 298635, г. Ялта, ул. Севастопольская, 2а.

E-mail: golpes@mail.ru

ДИНЕР Елена Васильевна – профессор кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: sautinalina@yandex.ru

ЗИНЦОВА Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а.

E-mail: zintsova@mail.ru

ЗИНЧЕНКО Александр Сергеевич – аспирант кафедры социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет. 628417, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2.

E-mail: sanekcfc@yandex.ru

ИБРАГИМОВА Венера Февзиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет. 295015, г. Симферополь, пер. Учебный, 8.

E-mail: ibragimova.venera@gmail.com

КЛЕКОВКИН Дмитрий Анатольевич – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения факультета филологии и медиакоммуникаций, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: dklekovkin@mail.ru

КОЖЕДУБ Наталья Владимировна – доцент кафедры иностранных языков, Ковровская государственная технологическая академия. 601910, Владимирская область, г. Ковров, ул. Маяковского, 19.

E-mail: kozhedub1999@icloud.com

КОРНЕВ Георгий Павлович – профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин, Арзамасский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, просп. Ленина, 101, корп. 3.

E-mail: swerdlowsk06111948@gmail.com

КОРНЫШЕВА Ирэн Робертовна – кандидат философских наук, декан социально-экономического факультета, Государственный гуманитарно-технологический университет. 142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, 22.

E-mail: nerikor@mail.ru

Сведения об авторах

ЛЫЦОВА Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры истории России, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина. 620000, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51.
E-mail: anastasiya.kr.1992@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Константиновна – преподаватель кафедры иностранных языков для физико-математического направления и IT, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: melnikova.olga@yandex.ru

ОРЛОВА Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет). 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1.
E-mail: oorlova@yandex.ru

ПЕРЕВЕРЗЕВА Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма. 105122, г. Москва, Сиреневый бульвар, 4.
E-mail: natalja.pereverseva@rambler.ru

ПЛАТЕ Алисе – аспирант кафедры истории России, Уральский федеральный университет. 620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
E-mail: aliceplate@mail.ru

ПОПОВА Лариса Георгиевна – профессор кафедры германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет. 105064, г. Москва, Малый Казенный переулок, 5б.
E-mail: larageorg5@gmail.com

САТИНА Дарья Дмитриевна – аспирант кафедры романо-германской филологии, Курганский государственный университет. 640020, г. Курган, ул. Советская, 63.
E-mail: dsatina@mail.ru

САФИНА Дина Рустэмовна – преподаватель кафедры иностранных языков для физико-математического направления и IT, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: dinarust@yandex.ru

СИТДИКОВА Фарида Бизяновна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков для физико-математического направления и IT, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: farida7777@yandex.ru

Фэн Мин – аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: ajlatan@yandex.ru

ХОМЯКОВА Екатерина Павловна – аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. 410028, г. Саратов, ул. Вольская, 10А, корпус 12, Философский факультет.
E-mail: Khomyakovae@list.ru

ШИЛОВА Роксана Радиковна – аспирант отдела новейшей истории Башкортостана, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. 450054, г. Уфа, проспект Октября, 71.
E-mail: Rokсила89@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

VOLKOV Yury Konstantinovich – doctor of the philosophical sciences, professor of jurisprudence, philosophy and social disciplines department, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 101/3 Lenin Ave., Arzamas, 607220, Nizhny Novgorod reg.

E-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

VOROBYOVA Olga Yuryevna - postgraduate student of the Department of Germanic studies and linguistics, Moscow City Pedagogical University. 5B Maly Kazenniy lane, 105064, Moscow.

E-mail: arsenyevaolga@gmail.com

GOLUBNICHY Ruslan Vasilyevich – postgraduate student of the Department of philosophy and social sciences, Humanitarian Pedagogical Academy "Crimean Federal University n.a. V. I. Vernadsky". 2A Sevastopol str., 298635, Yalta.

E-mail: golpes@mail.ru

DINER Elena – professor of the Department of journalism and integrated communications, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: sautinalina@yandex.ru

ZINTSOVA Julia Nikolaevna – candidate of philological sciences, associate professor, Department of theory and practice of the German language, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after Dobrolubov. 31A Minin str., 603005, Nizhny Novgorod.

E-mail: zintsova@mail.ru

ZINCHENKO Aleksandr Sergeevich – postgraduate student of the Department of social and humanitarian education, Surgut State Pedagogical University. 10/2 50 anniversary to VLKSM str., 628417, Surgut.

E-mail: sanekcfc@yandex.ru

IBRAGIMOVA Venera Fevzievna – candidate of philological sciences, the senior lecturer of the Department of Philology of the State Budget Institution of Higher Education of the Republic of Crimea "Crimean Engineering and Pedagogical University". 8 Uchebnyy lane, Republic of Crimea, Simferopol.

E-mail: ibragimova.venera@gmail.com

KLEKOVKIN Dmitry Anatolyevich – postgraduate student of the Department of Russian and foreign literature and teaching methods of the faculty of philology and media communications, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: d.klekovkin@mail.ru

KOZHEDUB Nataliya Vladimirovna - associate professor of foreign languages, Kovrov State Technological Academy. 19 Mayakovskiy str., 601910, Kovrov, Vladimir region.

E-mail: kozhedub1999@icloud.com

KORNEV Georgi Pavlovich – doctor of the philosophical sciences, professor of jurisprudence, philosophy and social disciplines department, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 101/3 Lenin Ave., Arzamas, 607220, Nizhny Novgorod reg.

E-mail: swerdlowsk06111948@gmail.com

KORNYSHEVA Iren Robertovna – candidate of philosophical sciences, the head of Socio-Economic Faculty, State University of Humanities and Technology (GGTU). 22, Zelenaya Street, Orekhovo-Zuevo, 142611, Russian Federation.

E-mail: nerikor@mail.ru

LYSTCOVA Anastasiia Sergeevna - postgraduate student of the Department of Russian history, Ural Federal University named after B. N. Yeltsin. 51 Lenin str., 620000, Ekaterinburg.

E-mail: anastasiya.kr.1992@gmail.com

Information about authors

MELNIKOVA Olga Konstantinovna – lecturer of foreign languages department for physics and mathematics & IT, Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.
E-mail: melnikova.olga@yandex.ru

ORLOVA Olga Alexeevna – candidate of philological sciences, head of Department of foreign language professional communication, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Minin University). 1 Ulyanov str., 603005, Nizhny Novgorod.
E-mail: oorlova@yandex.ru

PEREVERZEVA Natalja – candidate of philology, associate professor, Department of Foreign Languages, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism. 4 Sirenevyy Blv. 105122, Moscow.
E-mail: natalja.pereverseva@rambler.ru

PLATE Alice – postgraduate student of the Department of Russian History, Ural Federal University 4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia.
E-mail: aliceplate@mail.ru

POPOVA Larisa Georgiyevna – professor of the Department of Germanic studies and linguistics, Moscow City Pedagogical University. 5B Maly Kazenniy lane, 105064, Moscow. Ufa.
E-mail: larageorg5@gmail.com

SATINA Daria Dmitrievna – postgraduate student of the Department of Roman and Germanic Philology, Kurgan State University. 63 Sovetskaya str., 640020, Kurgan.
E-mail: dsatina@mail.ru

SAFINA Dina Rustemovna – lecturer in foreign languages for physics and mathematics & IT, Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.
E-mail: dinarust@yandex.ru

SITDIKOVA Farida Bizyanovna – candidate of philological sciences, senior lecturer of foreign languages Department for physics and mathematics & IT, Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.
E-mail: farida7777@yandex.ru

Feng Min – postgraduate student, Department of Russian language, culture, language and teaching methodology, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: ajlatan@yandex.ru

HOMYAKOVA Ekaterina Pavlovna – postgraduate student of the Department of theoretical and social philosophy, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky. Faculty of philosophy, 10a block 12, Volskaya str., 410028, Saratov.
E-mail: Khomyakovae@list.ru

SHILOVA Roxanne Radikovna – postgraduate student of the Department of modern history of the Republic of Bashkortostan, Institute of history, language and literature of Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences. 71 Oktyabr' Ave., 450054, Ufa.
E-mail: Roksila89@mail.ru

**Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 3 (2017)**

Подписано в печать 31.03.2017 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,0. Тираж 1000. Заказ № 4464.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36